

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Виктория Пехк-Иващенко

**Роль экстралингвистических факторов в
формировании новостного текста (на материале
русскоязычных СМИ Эстонии)**

Диссертация на соискание ученой степени
magister artium
по русскому языку

Научный руководитель – доцент Е. И. Костанди

ТАРТУ 2007

Оглавление

Введение	3
Часть I. Язык СМИ как результат взаимодействия языковых и экстралингвистических факторов	11
I.1. Особенности газетно-публицистического стиля	11
I.2. Особенности языка масс-медиа на рубеже XX–XXI вв.: узус, норма, тенденции	17
I.3. Жанр хроникальной информации (новостей)	25
I.4. Модусные рамки информационного текста	28
I.5. Грамматика информирующей речи: языковые особенности электронных СМИ	30
I.5.1. Особенности языка радионовостей	30
I.5.1.1. Некоторые особенности новостей на эстонском радио	36
I.5.2. Особенности языка теленовостей	37
I.5.3. О языке Интернета и сетевых новостях	44
I.6. Общая характеристика объекта исследования	48
I.7. Экстралингвистические факторы, влияющие на организацию текста новости.	53
Часть II. Роль экстралингвистических факторов в формировании текстов новостей (на материале русских СМИ Эстонии): некоторые аспекты	56
II.1. Субъективность в языке и речи	56
II.1.1. «Образ автора» как лингвистическое понятие	56
II.1.2. Авторизация новостного дискурса: типы и формы	62
II.1.3. К проблеме нормативности новостного языка	80
II.2. Глобализация и язык	85
II.2.1. Влияние глобализации на русскоязычные СМИ	90
II.3. Невербальные средства организации текста новости	98
Заключение	107
Перечень принятых в работе сокращений	110
Список использованной литературы	111
Kokkuvõte eesti keeles	123
Приложения	132

Введение

Настоящее магистерское сочинение посвящено проблеме воздействия внеязыковых факторов на формирование новостного текста, относящегося к информационному жанру официально-информативного подстиля газетно-публицистического стиля. Исследование направлено на определение путем описания языковой организации текстов новостей роли экстралингвистических факторов в речеобразовании.

Наша работа является составной частью многочисленных исследований языка русской диаспоры Эстонии и языка местных СМИ в частности.

Проблема функционирования языка «в рассеянии» [Кюльмоя 2000] особенно привлекает внимание специалистов со времени распада СССР и появления новых условий проживания русских диаспор в государствах, ранее входивших в Советский Союз. Язык и речь русской диаспоры Эстонии в современных условиях активно изучается. Это сопоставительные исследования русского и эстонского языков, анализ переводных художественных текстов [Костанди 2002, Щаднева 2002а, Щаднева 2005, Отть 2005], изучение речи староверов Причудья [Кюльмоя 2004, Ровнова 2004], молодежного сленга [Кюльмоя 1999], разговорной речи, работы, посвященные проблемам преподавания русского языка в Эстонии. Значительное место среди исследований, касающихся языка русской диаспоры Эстонии, занимают работы по языку СМИ [Тальберг 1995, Костанди 1996, Костанди 1997, Мельцер 1998, Кюльмоя 2000, Евстратова 2000, Костанди 2000, Евстратова 2002, Костанди 2005, Костанди 2006, Луми 2003, Малинкович 2003, Питсал 2004, Фейгенбаум 2004, Дремова 2005, Пехк 2005, Ильвес 2006].

Большая часть последних посвящена особенностям функционирования лексики. Особенности использования и функционирования лексических экспрессивных элементов в местных газетах на русском языке рассматриваются в статьях С. Б. Евстратовой «Экспрессивная лексика в прессе Эстонии» [Евстратова 2000] и «Лексика русскоязычной прессы Эстонии» [Евстратова 2002]. Автор, основываясь на результатах проведенного контрастивного анализа газет Эстонии и России, делает вывод, что «в целом в функционировании лексики в российской и русскоязычной прессе Эстонии наблюдается много общего» [Евстратова: 2000, 164]: происходит

деактуализация значений слов, называющих советские реалии, политизация и деидеологизация лексики, учащается использование архаизмов и историзмов, возрастает метафоризация и употребление жаргонизмов, сленгизмов, просторечия, налицо обилие иноязычных заимствований. При этом, однако, отмечается большая сдержанность, нейтральность, профессиональная и этическая нормированность местных газет на русском языке по сравнению с российскими.

Лексический анализ заголовков в прессе Эстонии на эстонском и русском языках, ранее проведенный С. Б. Евстратовой [Мельцер 1998] с целью описания информативной и прагматической функций, свидетельствует о характерной для эстонских заголовков большей структурной упорядоченности, меньшей субъективности и о присущих русскоязычным вариантам преимущественно экспрессивно окрашенных, модальных элементов, ослаблении информативной функции.

О насыщенности лексики прессы на русском языке варваризмами и кальками, о тенденции использования латиницы при написании названий организаций, предприятий, фирм, мероприятий, об ошибках в глагольном управлении в переводах с эстонского языка пишет И. П. Кюльмоя в статье «Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии» [Кюльмоя 2000].

На материале сопоставления эстонских и русских газетных текстов Е. И. Костанди был проведен анализ коммуникативной направленности синтаксиса, в частности, актуального членения, в ходе которого были выявлены большая «упорядоченность, однотипность актуального членения предложения и текста в целом, меньшая субъективность и <...> большая динамика в развертывании» эстонского текста, тогда как в текстах на русском языке преобладали сложные структуры, «субъективные варианты», отступления и комментарии [Костанди: 1996, 172]. В русской прессе регулярно используются более упорядоченные, простые тематические последовательности — простая линейная и с константной темой — соответствующие более строгому актуальному членению предложения [Костанди 1996]. Исследовательница констатирует, что в местных газетных текстах частотность использования «более «размытой», субъективно маркированной актуальной структуры «еще больше уменьшается в переводах с эстонского языка» [Костанди: 2006, 25].

В другой работе, посвященной синтаксису публицистических текстов, рассматриваются особенности лексического и текстового уровней русскоязычной прессы Эстонии. В данном случае также как основная отличительная черта местных

печатных СМИ по сравнению с российскими отмечается ориентация на большую информативность и нейтральность, что проявляется в более строгом, «правильном» синтаксическом строении предложений и текстов [Костанди 1997]. В другой своей работе, «Некоторые особенности социокоммуникативной обусловленности порядка слов (на материале русской прессы Эстонии)», Е. И. Костанди отмечает «промежуточность» положения местных русских газетных текстов между эстоноязычными и российскими русскими. Отмечаются, например, следующие синтаксические особенности языка русской прессы Эстонии: «построение предложений с меньшим количеством частиц, вводных слов, обращений, однородных и обособленных членов предложения <...> что ведет к меньшей функциональной загруженности синтаксиса» [Костанди: 2000, 188]. В целом анализ языка прессы нашей страны в соотнесении с российской позволил заключить, что местные газеты склонны к большей информативности и объективности в изложении материалов.

В аспекте прагматической направленности текста были исследованы балтийские новостные программы «Новости Эстонии [Костанди 2005]. Автор статьи приходит к следующим выводам: анализируемый телевизионный новостной дискурс имеет специфическую прагматику, проявляющуюся прежде всего в многоступенчатом характере пространственно-временных координат (постоянном соотнесении российского, мирового, общебалтийского и локального пространств), в связанном с этим отборе информации, в характере соотношении информативности и оценочности. «Новости Эстонии» характеризуются доминированием частных и, в меньшей степени, общих оценок, что придает информации большую нейтральность, объективность. Установка на нейтральность подкрепляется соответствующим синтаксическим рисунком предложений (нейтральный порядок слов, обилие вводимых точек зрения), используемой лексикой.

Кроме названных научных статей, существует ряд бакалаврских и магистерских работ, посвященных интересующему нас вопросу. В них [Ильвес 2002, Дремова 2005, Пехк 2005, Ильвес 2006] также на материале местных СМИ рассматриваются вопросы функционирования лексики, словообразования, оценочности, прагматической направленности, обусловленности экстралингвистическим контекстом языковых признаков прессы и других русскоязычных масс-медиа Эстонии. Социологическому, политико-экономическому, когнитивному и иным аспектам функционирования эстонских русскоязычных СМИ посвящены работы студентов кафедры журналистики Тартуского университета [Jakobson 1997, Vassiljev

2004].

В целом междисциплинарное внимание к языку диаспоры, который является родным для 28 % населения и для 7 % — языком общения [Külmoja 2004], обусловлено наложением нового социально-политического статуса на естественные имманентные процессы его развития. Как видим, интерес к языку и функционированию местных русских СМИ высок, однако говорить о полной изученности предмета невозможно. Наиболее описанными оказываются некоторые языковые (лексические, синтаксические, текстовые, нормативные) признаки, которые в ряде случаев попутно соотносились с экстралингвистическими факторами. В настоящее время отсутствуют работы, основным предметом внимания которых было бы соотношение языковых характеристик и внеязыковых факторов. Настоящая магистерская работа, думается, в какой-то степени ликвидирует этот пробел. Как показал анализ материала, проводившийся в течение пяти лет, на язык СМИ оказывает влияние целый ряд факторов (которые будут рассмотрены ниже), в то же время среди них выделяются основополагающие. Так как данное наблюдение легло в основу нашей работы, остановимся уже во введении несколько подробнее на отдельных моментах, чтобы, исходя из характеристики, пояснить приоритеты и, соответственно, структуру работы.

Как отмечалось выше, толчком к активизации исследований языка диаспоры и СМИ, в частности, явились социальные факторы, порожденные периодом конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, внесшие существенные изменения в коммуникативно-прагматическое и нормативное функционирование русского языка СМИ Эстонии.

Одним из таких изменений, характерных для всего постсоветского пространства, стало усиление личностного начала во всех сферах деятельности человека. Доминирующий в межличностной коммуникации и, в частности, в газетно-публицистическом дискурсе антропоцентризм называют феноменом современной эпохи. «Если в 1945—1960 гг. всюду «царствовал общественно-политический штамп», лозунговость мышления, неповторимую личность вытеснило типичное обобщение, в 60-80-х гг. в СМИ проглядывает человеческое лицо, но еще очень сильно засилие пропагандистских лозунгов, то в 90-е годы активизируются все способы выражения авторства, обнаружения фигуры говорящего в тексте» [Кормилицина: 2003, 466].

В контексте положения об антропоцентричности в масс-медиа обратимся к истокам этой проблемы. Она восходит к гумбольдтианскому пониманию языка как

проявления духа народа. О неповторимом положении человека в языке, в котором и благодаря которому «человек конституируется как субъект», писал Э. Бенвенист в своей книге «Общая лингвистика» [Бенвенист 1974]. Идея субъектной организации текста принадлежит В. В. Виноградову. Сегодня коммуникативно ориентированная грамматика обращается «к изучению языкового акта во всех его слагаемых, с доминирующим интересом к говорящей личности, и, наконец, к тексту как результату смысловых и коммуникативных интенций» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 9]. Об авторском отношении к содержанию высказывания в газетном языке посредством экспрессивных вкраплений в тексте говорил В. Г. Костомаров, указывая на экспрессию как неотъемлемую составляющую (наряду со стандартом) конструктивного принципа организации языковых средств в газетно-публицистическом стиле.

«Слагаемыми» коммуникативного акта являются и экстралингвистические факторы в их взаимодействии с языковыми средствами, что и стало предпосылкой исследования воздействия экстралингвистических факторов на тексты новостного типа. Анализ данного соотношения и посвящено настоящее исследование.

В ходе работы подтвердилось предположение, что в формировании текста новости играют роль как объективные, так и субъективные экстралингвистические факторы. О доминировании какой-либо группы говорить сложно; скорее, они проявляются комплексно. Анализ обширного практического материала показал, что из установленных функциональной стилистикой рамок «выбивается» фактор «авторского начала». Соответственно, этому аспекту было в дальнейшем уделено особое внимание, что отразилось в отдельных частях магистерского сочинения.

С другой стороны, в анализируемом материале сразу же наше внимание привлекло то, что часто тексты различных каналов оказываются своего рода «близнецами», практически дословно совпадая. Разумеется, стандарт, штамп – неотъемлемая часть языка СМИ, однако в современных условиях этот признак трансформировался в результате появления новых технических возможностей, когда нажатием нескольких компьютерных клавиш можно скопировать и перенести в свою, например, газету любой текст из Интернета. Явно журналисты злоупотребляли этой возможностью. Сегодня новости-«близнецы», в текстах которых есть орфоэпические, грамматические или фактографические ошибки, могут беспрепятственно кочевать по мультимедиапространству в «первозданном» облике. Причиной этому во многом стал Интернет и технологический прогресс в целом. Нельзя исключать и влияния нехватки журналистов с соответствующим

образованием.

Такое наблюдение привело нас к использованию понятия глобализации, нивелирования языка и к квалифицированию его как одного из основных феноменов среди анализируемых внеязыковых факторов.

Думается, проявившиеся взаимоисключающие свойства новостного текста являются «обновленными» составляющими старой костомаровской формулы чередования стандарта и экспрессии. В новых экстралингвистических условиях (социальных, ценностных, экономических и др. метаморфоз, отражающихся, как в зеркале, в языке СМИ) они получают несколько иное наполнение и непредсказуемые реализации.

Создатель текста стремится подчеркнуть свое видение окружающего мира, дать фактам разные «чужие» и свою оценки, побудить к соосмыслению адресата, тем самым участвуя в образовании медиа-дискурса, ориентированного на «глобальную авторизацию» [Виноградов С. И. 1996, Сметанина 2002]. Автор новостного текста как «социальный субъект» [Ван Дейк 1986] и как человек частный производит высказывание, но при этом скрыто или имплицитно указывает на того, чья позиция высказывается. В этом проявляется влияние фактора субъективности, проявляющегося в типах верификации текста новостей. Авторизированный подход к текстообразованию осмыслялся нами с учетом исследований рамок модальности информационных текстов (Дроняева 2003, Осетрова www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0, Щаднева 2002 и др.). О своей позиции журналист, автор новостного произведения вольно или невольно заявляет, определенным образом организуя языковые единицы. В использовании невербального кода также проявляется демонстрация авторской установки.

Итак, обнаруженная при анализе материала особая значимость, с одной стороны, фактора повышенной субъективности, с другой – стандарта «в современном обличье» легла в основу дальнейшего обобщения результатов исследования. Именно эти факторы наиболее полно освещаются в нашей работе. В связи с этим анализ практического материала предваряется осмыслением исследовательской литературы по данной проблематике и выработкой собственного взгляда. Отдельное внимание во второй части нашей работы уделяется понятию глобализации в соотношении с языком СМИ. Таким образом, практическая часть посвящена прежде всего осмыслению указанных двух понятий, которое, однако, невозможно без фоновых базисных знаний о состоянии современного русского языка СМИ, о специфике жанра хроникальной информации, об отличительных чертах новостного дискурса,

формируемого тем или иным медиа-каналом. Изложению этих аспектов посвящена первая — преимущественно теоретическая — часть работы. В то же время первая глава не носит исключительно теоретического характера. В настоящей магистерской работе не анализируются специально те признаки новостного текста, которые достаточно полно описаны в исследуемой литературе. Наблюдения исследователей языка СМИ нашли подтверждение в проанализированном нами материале, соответственно, изложение общих положений иллюстрируется и нашими примерами.

Итак, цель исследования — выявление и описание экстралингвистических факторов, особо значимых для организации новостного текста.

Данная цель подразумевает следующие конкретные задачи исследования:

- Знакомство с теоретическими основами вопроса (особенностями ГПС, тенденциями русского языка рубежа веков, спецификой жанра новостей в газете, на радио, телевидении и в Интернете);
- Описание собранного корпуса текстов новостей с точки зрения влияния на их формирование экстралингвистических факторов. (Частной задачей на магистерском этапе явилось продолжение сбора практического материала. В результате, в анализ вошли новостные тексты газет «Молодежь Эстонии», «Вести дня», «Postimees на русском языке», радиостанций «Радио 4» и «Радио 100FM», интернет-портала Delfi (www.rus.delfi.ee) и сетевого варианта программы «Актуальная камера» на русском языке канала ETV (www.etv24.ee), в меньшей степени – некоторых других. Эти медиа-каналы были выбраны ввиду их репрезентативности и широкой, в качестве основных информационных СМИ на русском языке в Эстонии, доступности). В ходе анализа рассматриваются языковые характеристики новостей, относящиеся к фонетическому, лексическому, морфологическому, синтаксическому и текстовому уровням. Специально рассматриваются невербальные средства, включенные в дискурс.
- Систематизация экстралингвистических факторов;
- Обоснование доминирующей позиции факторов «авторского начала» и глобализации (стандарта);
- Выявление основных особенностей формирования местных текстов новостей, характерных черт языка русских новостных СМИ.

Практическим материалом для настоящего исследования послужили тексты

новостей различных местных русскоязычных СМИ, а именно: тексты газет «Молодежь Эстонии», «Вести дня», «Нарвская газета» и «Postimees на русском языке», радиостанций «Радио 4», «Радио 100 FM», интернет-портала Delfi (www.rus.delfi.ee) и сетевых вариантов телевизионных программы «Актуальная камера» на русском языке (www.etv24.ee) и «Новости Эстонии» (www.1tv.ee). Корпус собранного материала насчитывает около 2000 текстов новостного типа. Необходимо отметить, что на этапе сбора материала мы столкнулись с трудностью четкого разграничения текстов жанра новостей. В силу экономических факторов сегодняшние СМИ представляют синкретические издания, совмещающие в себе и информационную, и аналитическую, и развлекательную функции. В газетах под рубрикой *Новости* помещались не только сообщения ведущих информационных агентств, пресс-служб, но и собственно авторские тексты, напоминающие аналитические заметки (аналогами которых, как представляется, являются новостные телерепортажи).

Описанный выше ход работы отражен в структуре магистерского сочинения. Во введении намечены цели и задачи работы, первая часть носит теоретический характер с вкраплением результатов практического анализа материала. Вторая часть вмещает в себя анализ собранного материала с теоретическими предпосылками и обобщением. Выводы и перспективы исследования нашли свое отражение в заключении. В конце работы помещены перечень принятых сокращений, список использованной литературы, приложения с наглядным материалом и резюме на эстонском языке

Такие актуальные проблемы, затронутые в работе, как тенденции языка сегодняшних СМИ, активизация субъекта речи в тексте, вопрос авторизации новостных текстов, проблемы глобализации языка СМИ имеют как теоретическую, так и практическую ценность. Решение поднятых проблем может содействовать дальнейшей разработке функционального, лингвокультурологического, социолингвистического подходов к изучению языка СМИ Эстонии, а также использоваться в журналистской практике.

Часть I. Язык СМИ как результат взаимодействия языковых и экстралингвистических факторов

I.1. Особенности газетно-публицистического стиля

В настоящее время к СМИ относят: печать, радио, телевидение, Интернет; кинематограф, звуко- и видеозапись; видеотекст, телетекст, рекламные щиты; домашние мультимедиацентры, сочетающие телефонные, телевизионные, компьютерные и иные линии связи. Наряду с каналами передачи информации и техническими средствами к СМИ относят общественные организации и людей, задействованных в распространении информации [Володина: 2007, 36]. Говоря о языке современных СМИ, мы имеем в виду набор языковых черт, свойственных речевым продуктам *прессы, радио, телевидения и Интернета*. Речевыми продуктами названных медиа-каналов выступают тексты, относящиеся к тому или иному жанру (или группе жанров), совокупность которых формирует газетно-публицистический стиль.

Зарождение публицистического стиля относится к отдаленному прошлому. Некоторые его характерные черты наметились еще в XVI в. в выступлениях Максима Грека против невежества и корыстолюбия духовенства, в памфлетах Ивана Пересветова, в которых автор критиковал произвол бояр и отстаивал идеи централизованной власти, а также в переписке Ивана Грозного с князем Курбским. Но только в XVIII в., когда в свет вышла первая печатная газета «Ведомости» (1702 г.) и позже — ряд журналов, публицистический стиль (ПС) получил дальнейшее развитие. У истоков ПС стояли баснописец И. А. Крылов, писатели А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков. Значительные публицистические элементы содержит «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Оформился ПС в XIX в. благодаря деятельности В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. И. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Такие крупные писатели XX в., как Максим Горький, А. Н. Толстой, А. Фадеев, Л. Леонов, М. Шолохов, К. Симонов активно вводили в художественную прозу черты публицистики, придавая ей широкое общественное звучание и создавая яркие, проникнутые пафосом гражданственности публицистические произведения [Розенталь 1977; Розенталь 2006].

Стилистико-функциональное направление в изучении языка газеты заложил Г. О. Винокур своей работой «Язык газеты» (в книге «Культура языка»). На протяжении последних десяти – пятнадцати лет средства массовой информации (масс-медиа), являясь многогранной областью, вызывают широкий междисциплинарный научный интерес. Изучение языка и речи российских СМИ сегодня особенно актуально. Подтверждение этому — проводящиеся многочисленные конференции, семинары, университетские спецкурсы, а также выходящие печатные работы, посвященные данной проблематике. Широкий интерес лингвистов к жизнедеятельности местных русскоязычных СМИ в условиях диаспоры, о чем было сказано во Введении данной работы.

В публицистических произведениях поднимаются актуальные вопросы современности. Их тематика весьма широка: политические, экономические, этические, моральные, философские, а также вопросы культуры, воспитания, повседневного быта. Поэтому в языке публицистики, особенно в газетно-журнальной ее разновидности, наиболее отчетливо и быстро проявляются изменения, произошедшие (происходящие) во всех сферах языка. Характерными чертами данного функционального стиля, по [Васильева 1982], являются актуальность темы, острота, яркость изложения, стандартизованность, которые обусловлены социальным назначением публицистики: сообщая факт, формировать определенное общественное мнение, активно воздействуя на разум и чувства человека. Это определяет центральные функции ГПС – информативную и воздействующую, которые взаимосвязаны и реализуются, как правило, одновременно. На периферии же остаются аналитическая, агитационная, пропагандистская, эстетическая и развлекательная. Комплексное взаимодействие вышеназванных функций образует подстили и жанры ГПС. На аспекте классификации подстилей и жанров ГПС в настоящей работе мы не станем останавливаться подробно, отсылая читателя к обстоятельному и исчерпывающему труду А. Н. Васильевой «Газетно-публицистический стиль речи» [Васильева 1982]. Перечислим основные подстили ГПС и в скобках их жанры: официально-информативный (хроникальное сообщение, заметка, официальное сообщение), информативно-деловой (коммюнике, резюме обширного документа), информативно-аналитический (статья, обозрение, обзор печати, рецензия), информативно-экспрессивный (заметка, зарисовка, очерк), торжественно-декларативный (~~передовая статья~~, выступления, поздравления, лозунги) и собственно публицистический подстиль (интервью, репортаж, комментарий, фельетон).

Стоит отметить, что с течением времени в условиях кардинальных социальных изменений и нового языкового контекста деактуализируются функциональные рамки ГПС. Описанные исследовательницей подстили в более или менее чистом виде встречаются, по ее наблюдениям, чрезвычайно редко, реализуясь больше в многообразных комбинированных вариантах.

За последние несколько десятилетий резкая граница, проходившая между официальным публичным и неофициальным личным общением, стала размытой, результатом чего является порождение множества новых жанров устной и письменной речи (например, новых видов интервью, дискуссий, бесед, круглых столов и др.). Поэтому жанровая классификация ГПС носит открытый (исследователи признают, что до сих пор не выработано какой-либо единой классификации) и «журналистско-профессиональный» характер. И как результат – в современных видах масс-медиа велики расхождения между жанровым членением и лингвистическим наполнением. Все же через стилистическое многообразие подстилей прокладывают себе путь профилирующие *стилевые черты газетной речи*. Перечислим их: объективность, фактографичность, стандартизованность формы и содержания, экспрессивность с ее открытой оценочностью, образностью, эмоциональностью (sic! действие костомаровского принципа постоянного соотношения стандарта и экспрессии), обобщенность, императивность, волюнтаривность, логико-понятийность, доходчивость, интеллектуальность [Щаднева 2003].

Формула «стандарт + экспрессия» является основополагающей и в современном газетном дискурсе. Необходимость оперативно откликаться на все события современности и специфика газетного (в широком смысле) производства обуславливают использование стандартных приемов, речевых клише. Они удобны как для журналистов (чтобы писать (говорить) быстро о сходных явлениях), так и для адресата (быстро воспринимать информацию). Нередко, однако, вследствие частотности употребления клише-газетизмы превращаются в штампы, или «дисфункциональные клишированные единицы» [по Гвенцадзе: 1986, 147], лишенные информационной нагрузки и изначально присущей им образности (ср.: *люди в белых халатах, зеленая улица, голубое топливо* («АК», 8.11.06) *новые горизонты*). Функциональная же роль экспрессии заключается в выделении ею главного в сообщении, создании образности, привлечении внимания читателя-зрителя-слушателя. В создании экспрессии могут участвовать единицы всех уровней языка, а также графические и интонационные средства.

Лексико-фразеологический состав публицистического стиля разнообразен, как и круг тем, получающих отражение в газетной публицистике. Интересно, однако, мнение Г. О. Винокура, так описывавшего реальную ситуацию современной ему эпохи: круг газетных тем ограничен в каждый данный момент, как ограничен и очень невелик словарный запас газетного языка, которому свойственна исключительная механизированность [Винокур: 1929, 182]. Чтобы говорить о современном состоянии языка (прежде всего лексического облика) СМИ, необходимо сделать краткий экскурс на страницы советской печати (как наиболее описанной и показательной сферы «жизнедеятельности» газетного языка). Существенно обратиться к актуальной и сегодня работе Г. Я. Солганика «Язык газеты», в которой исследователь, в частности, показывает системность организации ГП лексики. По мнению Г. Я. Солганика, языку советского периода было свойственно наличие трех основных лексических групп:

1. общественно-политическая;
2. газетная оценочная;
3. газетная строевая (неоценочная) лексика.

Слова, относящиеся к первому разряду, встречаются как в газетно-публицистическом, так и в художественном, и в официально-деловом, и научном, и в разговорном стилях речи. Но в ГПС частотность употребления этой лексики гораздо выше, поскольку политика и социальные темы — приоритетные в СМИ.

Газетная оценочная лексика, выделенная во вторую группу, подразделяется на позитивно-, негативно- и модальнооценочную. Подобная «внутренняя» классификация является, по Г. Я. Солганику, особенностью ГПС. Пришедшие из разных лексических источников позитивнооценочные слова отмечены функциональным единством (выражение положительной оценки) и однородными семантико-стилистическими качествами, различаясь при этом лишь степенью интенсивности выражения экспрессивности [Солганик: 1981, 38]. Этот пласт лексики газеты включает в себя лексические и лексико-морфологические разряды и группы, носящие открытый характер. Такова, например, книжная архаичная лексика, лексика конфессиональная. Здесь довольно четко выделяется группа сложных прилагательных, восходящих к старославянизмам, например, *добрососедский*, *миротворческий*, *плодотворный* и др. Большую группу позитивнооценочных слов составляют слова книжной окраски (в словаре с пометой ‘поэтическое’), приобретающие в газете пафосно- и торжественно-оценочную окраску (Ср.: *инициатива*, *колыбель*, *шествие*, *величественный*, *грандиозный*, *вдохновляющий*).

Негативнооценочная лексика представляет собой единый функциональный разряд ГПС, выполняющий функцию отрицательной оценки разной степени интенсивности. И, наконец, модальнооценочным словам свойственно передавать отношение не к тому, что непосредственно ими обозначено, а к тому, что связано в действительности с обозначаемой реалией (Ср.: *бремя, трагедия, балаган, цирк, обуздать* и др.). Регулярно употребляясь в контекстах позитивного или негативного характера, лексема может приобрести позитивно- или негативнооценочную модальность.

К третьей группе восходят слова строевые, которые участвуют в создании характерных газетных образов, клише, своеобразного стилистического колорита газеты не менее чем оценочные. Они отличаются регулярностью использования на страницах газет, а создаваемые при их помощи обороты ведут к типизации языка СМИ, что позволяет легко, оперативно оформить любое газетное сообщение. В оценочном отношении строевые лексемы нейтральны, но формируемые ими нефразеологические обороты (клише) оценочны. Строевые слова тяготеют к поливалентности, требуют распространения, поскольку изменяют свою семантику с учетом контекста (ср.: *вопрос — к вопросу о..., вопросы кибернетики, иракский вопрос, национальный вопрос*). Как видно, строевые слова являются межстилевыми, т. е. функционируют в любом стиле.

Отметим, что тенденция к стандартизации газетного языка противостоит тенденции усиления экспликации автора, экспрессивности, которая черпает свои силы и из других стилей, в особенности из разговорного.

Синтаксис публицистических произведений в основном книжный, с упорядоченным строем предложений, с развернутыми синтаксическими конструкциями и преобладанием простых предложений в жанрах хроникальной информации. Влияние разговорной в противовес книжной речи проявляется в синтаксисе следующим образом (См. [Розенталь: 2006, 38-42]):

1. наличие эллиптических предложений (безглагольных фраз, характеризующихся краткостью, энергичностью) как след разговорности: *В третье тысячелетие — без ядерного оружия!; Молодым семьям — новое жилье!; Предвыборный бюджет Народного союза — тринадцать миллионов, Социал-демократическая партия и пока еще не зарегистрированная Партия зеленых — по шесть миллионов* («Р 4», 7.11.06); *Мать не дала сыну пива — он ее убил* (Delfi, 19.02.05);

2. употребление номинативных предложений (обозначающих бытие, наличие того, что названо): *Яркий слепящий свет. Белый потолок.* (газ.) или *Длинная очередь грузовых машин, стоящих на обочине, оживленное движение разных транспортных средств, необозначенные и одетые в темную одежду пешеходы, дождь...* («АК», 20.11.06);
3. использование т. н. сегментированных конструкций, состоящих из двух частей, первая из которых в начале текста / предложения и выражена существительным в Им. п., вторая — в последующей части текста / в следующем предложении обозначается местоимением: *Индийские йоги. Кто они?*
4. распространение присоединительных конструкций типа *Нас связывают узы товарищества. Узы братства;*
5. членение предложения посредством парцелляции, когда содержание высказывания реализуется не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после паузы в виде точки, вопросительного или восклицательного знака: *Убежден: к четырем-пяти годам ребенку вовсе не обязательно уметь читать и писать. Но его уже пора научить чувствовать. Красоту. Радость узнавания. Прелесть игры воображения; Стихия. Город не справился со снегом* («НГ», 25.10.05)
6. использование восклицательных предложений, риторических вопросов: например, в заголовках *Немытые яйца в продажу* («ВД», 21.11.06); *Хочешь шубу? Не брейся!* («ВД», 9.11.06), *Сабли в ножны!* «МЭ», (9.11.06);
7. оперирование инверсионным порядком слов в предложении, когда в препозицию выносятся логически выделяемое: *Вакцину против малярии надеются получить ученые в ближайшие несколько лет; Партию реформ поражают действия Республики* («Новости Эстонии», 14.03.05).
8. употребление в функции сказуемого описательных (перифрастических) оборотов, в которых логически выделяется не действие, а то, что с ним связано, например: *выразить надежду, вести борьбу / переговоры, предпринимать шаги, брать на себя ответственность, проявить интерес; Общая стоимость предварительной кампании пяти парламентских партий составит около восьмидесяти миллионов крон* («Р 4», 7.11.06).

9. частотность вводных конструкций, указывающих на источник сообщения: ср. примеры из местных СМИ: («АК») *Как сообщает наш корреспондент; По данным Гидрометцентра; По сообщениям из официальной Любляны; Пишет Postimees на основе материалов, опубликованных в The Observer; Как сообщило агентство Синьхуа со ссылкой на южнокорейское телевидение...* («МЭ», 24.09.05, 27.01.03).

В зависимости от того или иного газетного жанра тот или иной синтаксический прием, «обладающий коммуникативными и стилистическими возможностями, то повышает информативность высказывания, то усиливает его экспрессивность, то придает ему эмоционально-оценочный характер» [Розенталь: 2006, 40].

При этом стоит подчеркнуть, что «советский политический дискурс (особенно газетный узус 60-х — середины 80-х годов) представлял собой неестественно стабильную систему: заранее заданный круг тем, социально санкционированные оценки... устоявшаяся система фразеологических средств, отобранные в ходе традиции стереотипные образы. Все это заставляло журналиста в поисках официально допустимой новизны, экспрессии проводить неестественные языковые эксперименты» [Какорина: 1996, 174], плодами которых становились номинации, противоречащие здравому смыслу, опустошенные семантически: *дирижеры хлебных потоков, часовые здоровья, железный хлеб, лоцманы музыки* и т.п.

Несомненно, социальные условия, смена политической власти, а также имманентные языковые процессы воздействуют на стилистическую систему языка, речевые особенности говорящих. Особенно заметное влияние на язык прессы оказывает социальная ситуация [Лысакова: 1997, 45]. Пресса, как и иные виды СМИ, наделена способностью зеркального отражения буквально всех аспектов жизни этноса, но при этом масс-медиа качественно влияют на языковой узус и даже на норму. Далее рассмотрим, каким изменениям подвергся язык СМИ рубежа веков.

1.2. Особенности языка масс-медиа на рубеже XX-XXI веков: узус, норма, тенденции

*МышлЕние говорят те, у кого мозгИ,
а мЬИшление-те, к кого мОзги*
Б. де Куртэне

К настоящему времени вслед за политическими и социальными метаморфозами произошли изменения в функциях и видах СМИ. Однако базовые принципы

открытости лексического тезауруса газеты (и СМИ шире) и чередования экспрессии и стандарта, работающего на построение слова, словосочетания, высказывания, текста, издания в целом, справедливы и сегодня. Однако теперь конструктивная роль стилистического закона «стандарт–экспрессия» подчиняется задачам референции, когда формируются новые концепты и новые критерии оценочности слова [Какорина: 1996, 174-175].

Газетный узус 90-х годов демонстрирует активное включение в публицистику иноязычных, иностилевых, внесинхронных элементов. Благодаря этому «лексическая база газеты *впервые* расширена до объема всего языка» [Какорина: 1996, 177].

«Скомпрометированное временем» старое, стереотипное обретает иную экспрессивность на новом прагматико-коммуникативном фоне: (ср. примеры из газет перестроечной эпохи): *Страна победившего нас социализма; подавляющее всех большинство; партгрех; фанаты вождя; мы рождены, чтобы Кафку сделать былью; Е.Б.Н. (Ельцин Б. Н.) предложил главам республик...и т. п.*). Обычным, нормативным в языке газеты становятся: размытость семантики, замена денотативного / сигнификативного компонента общим знаком оценки + / –, различия в коннотациях. Конфессиональная лексика, к примеру, подверглась существенным семантическим трансформациям и вошла в очередные клише публицистики: *храм наук, политическое евангелие*; или — в лексеме *милосердие* в результате экспериментов с сочетаемостью произошло расшатывание семантики, утрата семы благодати, одухотворенности (ср.: *акция милосердия «Рождественский благовест» на «Радио 4», а также неделя милосердия, дефицит милосердия, маска милосердия, официальное милосердие*) [Русский язык конца XX столетия 1996].

Отныне, в период продолжающегося обновления медийного языка, функционально и нормативно доминирующей тенденцией, наряду с «иронизацией» ушедшей политико-культурной системы, выступает заполнение новых референциальных лакун виртуальных, социальных, экономических, культурных реалий по новым правилам. По каким именно — пытаются выяснить исследователи современных СМИ. Далее, опираясь на работы некоторых из них, выделим и охарактеризуем основные языковые черты и тенденции, наметившиеся в языке масс-медиа рубежа веков.

В области словообразования отмечается активность приставок и суффиксов иноязычного происхождения: **анти-** (*антилиберализм, антиглобалист*), **про-** (*профашист*), **ультра-** (*ультраправый*), **нео-** (*неонацизм*); **-циј(а), -ациј(а)**,

-изациј(а) (*продукция, интеграция, реализация*), **-изм**, **-щина** (*терроризм, дупутатщина*) и ряд других. В ходу абстрактные существительные на **-ость**, **-ств(о)**, **-ениј(э)** / **-аниј(э)**, **-ниј(э)** (*готовность к..., начинание, проведение*), существительные во мн. ч. (*переговоры, настроения, власти, круги, нужды, потери, поиски* и т. п.). Как и прежде, частотным и характерным для данного стиля является Род. п. [Там же]: («Р 4»): *Партия реформ уже знакомит с политическим видением развития страны; все, кто до двадцатого апреля регистрируется в качестве жителя Таллинна, будут разыграны призы начиная с билетов в бассейн и бесплатной карточки парковки.* Информативная функция реализуется в частом употреблении имен собственных (людей, географических названий, наименований учреждений), терминов и разных видов числительных для обозначения дат, статистических и других цифровых данных).

Глагольно-именной стиль определяет употребление разных видовременных форм с разнообразными грамматическими значениями. Экспрессивно изменение временной перспективы. Функционально значимо варьирование в зависимости от жанра парадигмы категории лица и залога. Императивные или сослагательные глагольные формы (являясь стилеобразующей чертой аналитических произведений и выступая как средство привлечения внимания) придают высказыванию экспрессивный оттенок (ср.: *Позвони маме! Отстаивайте свои права! Давайте разберемся! Обратите внимание; Было бы куда рваться*).

С «перестройкой» пришли многоцветье разговорной речи, полифония общественного мнения, а вместе с ними и новые оценки, новая лексика, поток которой усилился после отмены цензуры (1 августа 1990 г.). Но наиболее значительное изменение, по [Лысакова 1997], «произошло в стиле информационных жанров»: исчезла безликая подпись хроники «ТАСС», заметка, приобретя автора, заиграла разными интенциями и мнениями. С поднятием «идеологического шлюза» [Ф. Иштван: 1998, 111], высвободились ранее табуированные сферы жизни и темы, но свобода слова «повлекла за собой и увеличение агрессивности языкового поведения, рост разнузданности, вульгарности [Там же]. Все эти процессы свидетельствуют о «формировани<и> нового мышления у людей бывшего СССР» [Лысакова: 1997, 50]. Разрушение стандарта, как цепная реакция, повлекло беспрепятственное проникновение в СМИ просторечных форм, сленгизмов, арготизмов, обценной и иноязычной лексики. Современный медийный язык характеризуют возросшая диалогичность, субъективное начало, размытость жанровых границ, диспропорция в принципе единства стандарта и экспрессии,

черты «радикальной иронии» [Лассан 1997]. Вместе с тем специалисты отмечают тенденции понижения языковой культуры, роста неграмотности как среди аудитории СМИ, так и их работников, что порождает проблему стилевой глухоты, ослабления чувства языка. Таким образом, ряд экстралингвистических факторов формирует языковой облик сегодняшних СМИ, характерные черты которого наглядно представила М. Н. Володина [Володина: 2004, 427]:

- 1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации (прежде всего Интернет с его новыми видами текста и диалогическими формами);
- 2) многообразие современных норм речевого поведения отдельных социальных групп, которое отражается в языковой действительности СМИ;
- 3) демократизация ГПС и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;
- 4) «американизация» медиа-языка;
- 5) следование узусу и языковому престижу, моде.

Речевая практика средств массовой информации демонстрирует укрепление в литературном языке новых единиц. Тем самым встает вопрос о степени подчинения СМИ кодифицированной норме. Многочисленные заимствования преимущественно из английского языка приживаются и способствуют появлению структурно новых типов слов, например, *кибер-пространство* (вместо атрибутивного словосочетания кибернетическое пространство, *бизнес-план* (а не генитивная конструкция *план бизнеса*), *прайс-лист* (=прейскурант); ср. примеры из местной прессы: *беби-бум*; *algtase-группа*; *Раквере-сосиски*, *инфодень*, *SPA-отель*, *digi-камера*, *фэйшен-вечеринка*. Давление газетной речевой практики очевидно и в области норм орфографии [Крысин: 2006, 44—57]. Так, по «Своду правил орфографии и пунктуации» 1956 г., пишущиеся со строчной буквы слова *Бог*, *Пасха*, *Богородица*, *Библия* из газетно-журнальной практики с написанием с прописной буквы попали в новые орфографические словари. Отметим, что библейские слова, фразеологизмы часто журналист использует как средство иронии и сатиры, приписывает им негативную оценочность. Более того, как отмечают специалисты, им приписывается неверное значение, в силу чего они нередко употребляется неуместно [Прядко 2001].

Норма обновляется, появляется необходимость сосуществования, например, произносительных вариантов (Ср.: *по срЕдам* — *по средАм*, *було[и]ная* —

було[ч]ная, одноврЕменно – одновремЕнно («Р 4»), которая иногда подменяется массовым распространением — посредством СМИ — явной ошибки (Ср., например, *инцидент, беспрецендентный*). Случаи, когда узус берет верх над предписаниями кодификаторов, более частотны, и почти никого не удивляет (поскольку просто не замечаются ошибки), что вместо правильного *указывать что* и *указывать на что* используется *указывать о*. Частотны ошибки в произнесении названий топонимов, как, например, *в Косово — в Косове, Брюссель — БрюссЕ/Эль, на УкраИне — на УкраИне — в Украине*. Кроме того, в СМИ не различают понятия: *компетенция* — 'круг полномочий', а не 'право на решение', что *легитимный* и *законный* не различаются по смыслу, и *катарсис* есть не 'кайф', а 'нравственное очищение' [Колесов: 2000, <http://www.gramota.ru...>]. Все чаще нарушается сочетаемость устойчивых оборотов (*направил внимание* (МЭ 03.04. 06), и теперь все, что *играло роль* и *имело значение* *играет значение* и *имеет роль*. А также: *не пошло уроком* стало гибридом устойчивых сочетаний *стать уроком* и *пойти на пользу*; *погрязнуть в обвинениях*, тогда как погрязнуть можно только в том, что совершает сам субъект, например, *в грехах, в разврате*. Одной из ярких, распространенных синтаксических ошибок в текстах СМИ (особенно звучащих) является нарушение норм управления; нередко приглагольные валентные позиции заполняются конструкцией с предлогом *О*: ср.: *утверждает о том, что...*, *показывая о том...*, *закон предусматривает о том...*, *обсуждать о том, что...*, *понимает о том, что* и т. п. [Новикова: 2001, www.gramota.ru/monitor.html?=#13]. Конечно, нарушение нормы нередко становится средством языковой игры, каламбура. Тогда оно используется журналистом сознательно и намеренно с целью самовыражения и привлечения внимания [Крысин: 2006, 57].

Сегодня «общей особенностью текстов большинства публицистических жанров является «глобальная авторизация» [Сметанина 2002], иначе — усиление эгоцентрического начала в тексте. Оно проявляется в языковой игре в жанрах, ранее этого не предполагавших (например, в жанрах газетного информирования), в выдвижении Я говорящего на передний план, в распространении специфических маркеров присутствия субъекта в речи, в высказывании, в определенной аграмматичности текста, его синтаксической неупорядоченности, приближающей печатный текст нехудожественного жанра к выражению «потока сознания» говорящего» [Чернышова 2004: 21]. Ведущими функциями языка масс-медиа часто продолжают оставаться воздействующая и фатическая, информирование отодвинуто на второй план. Недостаток фатического, эмоционально-доверительного общения в

повседневной жизни людей восполняют СМИ: и печатная, и аудиовизуальная коммуникации «строятся, очевидно, на коллективно-эмоциональной основе» [Там же], т. е. на ориентации на адресата. В частности, это реализуется в «я»- и «мы» - предложениях, когда «мы» говорит об объединении позиций автора и адресата (Ср.: *Нам же пока важнее понять: зачем пришел Путин, надолго ли он пришел и куда пойдет с поста премьера* (газ. «Русская мысль», № 4282, 1999). Такой прием интимизирует речь, гармонизирует отношения коммуникантов [Кормилицына: 2003, 474]. Установка журналистов на привлечение внимания разнородной аудитории, а вместе с тем и на самовыражение обуславливает тяготение к созданию оригинальных, броских текстов [Ильсова: 2002, 49]. Такая броскость достигается разными стилистическими способами, прежде всего, на лексическом и синтаксическом уровнях языка, а также на уровне текста. Интересно, что, как правило, стилистически маркированные компоненты «окрашивают» пространство (как собственно текстовое, так и предтекстовое) вокруг себя, поскольку обладают «повышенной радиацией» экспрессии [Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: 1990, 68].

Далее мы хотели бы коснуться вопроса использования жаргонизмов и просторечных слов как экспрессивных средств текстопорождения и как одной из ярких особенностей языка сегодняшних СМИ (как российских, так и русскоязычных в Эстонии).

Внелитературные формы национального языка приобретают власть над газетной (в широком смысле) речью. В настоящий момент жаргонизмы не только активно используются участниками массовой коммуникации, но и свободно приживаются в речевом обиходе масс-медиа. В тексте они уже не нуждаются в пояснении, закавычивании. Более того, «жаргонное слово очень часто является доминирующим наименованием, находится в смысловом центре фразы, занимает сильную синтаксическую позицию, и это создает впечатление его «веса», значимости. Особая любовь масс-медиа к жаргону, его «отмывание» в СМИ проявляется и в том, что жаргонизмы часто помещаются в облагораживающее окружение, рядом со словами, которые в нашем сознании имеют положительную окраску, даже ореол возвышенности; часто жаргон используется как строительный материал для создания образности речи» [Язык конфликта: <http://www.expertizy.narod.ru...>]. Интересно и то, что журналисты отдают предпочтение употреблению в речи жаргонных слов и выражений, заимствованных из уголовно-тюремной сферы. Приведем отдельные примеры использования жаргонизмов и просторечия в прессе:

Сеул, напротив, Москву употребляет грамотно и с удовольствием, добиваясь для себя видимых и осязаемых достижений; Вот ежели поймет ярлык титульного спонсора да сам приз “Известий” в честь себя переименовать; Молодец и Немов. Ему не удалось блеснуть в многоборье, но когда началась разборка в отдельных видах, превзошел всех в вольных упражнениях и увез-таки домой золотую награду; «МК» уже писал об убийстве Бориса Красиловского-Зильбира — одного из патриархов старой воровской школы, иначе “законника” Бори Душанбинского.

Использование элементов молодежного, уголовного лексикона диктуется, как правило, поиском экспрессивных слов, эквивалент которым трудно или невозможно, а иногда и просто лень отыскать в пределах литературного словаря. Однако, здесь «картина не столь однозначна. В отношении же местных СМИ можно сказать, что их характеризует большая сдержанность в прагматическом употреблении жаргонной лексики.

Одновременно есть мнение, что никакого так называемого медийного языка вовсе не существует. Сегодняшние СМИ используют русский язык во всем его многообразии (в отличие от советских СМИ), пишет в своей статье «Слово под лупой» М. А. Кронгауз. По его мнению, существенно, «что журналисты, постоянно сталкиваясь, как и все люди, с лингвистическими проблемами, к сожалению, решают их не всегда удачно, но всегда публично», оказавшись, как и все, растерянными перед стихией языка [Кронгауз: <http://www.strana-oz.ru..>]. Масс-медиа лишь усиливают те или иные тенденции в развитии языка и речи. Так, нахлынувшая в русский язык (и язык СМИ особенно) криминальная лексика (*наехать, мутить, наезд, крыша, разборки, мордобой, стрелка, главарь, пахан, пацаны, шестера* и др.), или криминализация языка — это естественная его реакция на криминализацию окружающей среды в наше время. Исследователь высказывает точку зрения, что иначе мы не смогли бы рассуждать об актуальных сегодня криминально-военных реалиях. Он не исключает возможности вхождения данной лексики в литературный язык и сохранения ее как общеупотребительной. М. А. Кронгауз не умаляет роли СМИ в жизни языка в конце XX века, но характеризует ее, скорее, как отрицательную. В советскую эпоху СМИ стояли на страже нормы, как идеологической, так и орфографической и орфоэпической, консервировали ее. Язык того времени можно назвать «высушенным», «дистиллированным» [Там же]. В

начале 90-х средства массовой информации выступали разрушителями всякой нормированности, шаблонности, однотонности. Особую роль в расшатывании нормы сыграли компьютерные технологии и Интернет. Но, по мысли лингвиста, и сегодня СМИ остаются распространителями тенденций расшатывания. Зритель, слушатель, читатель, ориентируясь на «правила» произношения-правописания, слышит «всякие разные не вполне хорошие слова» [Кронгауз: <http://www.strana-oz.ru...>], пусть и «запибиченные», следует примеру СМИ. Эти доводы весомы, бесспорно, и все же говорят в пользу признания существования такого феномена, как **язык СМИ**.

Сегодняшней публицистике чрезвычайно интересен *человек* как представитель общества, власти, толпы и т.д. В частности, проводится целенаправленная кампания по культивированию и последующему внедрению в речевую деятельность слов и выражений адресата. Так, молодежные медиа-каналы искусственно употребляют такие слова, как, например, *чел* (человек), *кекс* (парень), *cool* (классно) и др., но в действительности молодежь их особенно часто не употребляет. Или же начинает использовать, следуя за медиа-модой. А ключевые лексемы современности *боевик*, *терроризм*, *миссия*, словосочетание *ликвидировать (уничтожить) террористов* более чем достаточно частотны и расширили свои значения. Расширило свое значение, контекст употребления и слово *пиар*. По словам М. А. Кронгауза, ни эмигрантам, ни иностранцам (даже англоязычным) оно непонятно. Именно в медийной среде образовались такие его производные, как *пиарить*, *пиарщик*, *отпиарить*, *черный пиар* и др. [Там же]. Кроме того, важно и интересно, как нам представляется, происхождение самого этого слова от английской аббревиатуры PR (как тиви от TV, сидишник от CD) по модели, активно функционирующей в языковом творчестве работников СМИ: *кагэбэшник*, *элдепээровец*, *натовец*. Показательны в этом отношении лексические и словообразовательные процессы в медиа-языке диаспоры: прямое заимствование с прибавлением русского суффикса порождает такие слова, как *дельфиец* (посетитель портала Delfi), *исамаасцы*, *исамалитчик*, *каитселитчик*, *каповец* и др.

Резюмируя сказанное, еще раз отметим, что медийный язык претерпел изменения по многим параметрам. Основной чертой сегодняшнего ГПС является сопряжение разговорной и деловой тональностей, которое подчинено открытой границе между литературным языком и внелитературными формами национального языка. Очевидны тенденции к гиперсубъективизации и экспрессивизации медиа-дискурса. (Не)использование жаргонных, просторечных единиц, как правило, зависит от

коммуникативной ситуации, от коммуникативных установок как адресанта, так и адресата. Думается, свобода речемыслительной деятельности повлекла за собой игнорирование привычной, нормированной дистрибуции языковых средств и усиление оценочности. Вплоть до того, что жаргонизмы вошли и в обиход телевизионных, в частности, новостных передач [Лихачева: 2002, 241].

Как представляется А. Лихачевой, дикторы и корреспонденты сегодняшних информационных телепрограмм демонстрируют большую орфоэпическую и грамматическую свободу, т. е. черты живой разговорной речи. Это замечание можно экстраполировать и на радиокommunikацию. Проиллюстрируем сказанное примерами: *правЫ те аналитики...* (РТР); *это одно из самых дорогих видов вооружения* (ОРТ), *сегодня горуправа прИняла решение...*(«Р 4»); *самой большой проблемой является обеспечЕние...* («Р 4»); *поднять расходы до ЧЕТЫРЕСТА евро в день* («Р 4»).

Здесь же хочется заметить, что говорить о статичной стандартизованности — как структурной, так и языковой, — присущей новостным текстам, не совсем правомерно. Свое подкрепление этот тезис найдет в следующем разделе магистерской диссертации, который посвящен принципам организации новостного текста.

1.3. Жанр хроникальной информации (новостей)

Новости принадлежат официально-информативному подстилю и имеют ряд признаков: объективность, безэмоциональность, семантическая одноплановость на всех уровнях языка, номинативный характер речевого строя, сочетание усложненности и стандартизованности синтаксиса [Васильева 1982].

Для жанра хроники очень характерно использование метонимий, способствующих лаконизму и в то же время образности (*Белый дом, Москва, Вашингтон, «Дейли ньюс» настаивает, Британская печать информирует*). Яркая черта воздействующей функции проявляется в использовании превосходной степени качественного прилагательного (*жесточайший кризис, жесточайшие столкновения, острейшие сопротивления, важнейший шаг*).

Глагол выполняет минимальную функционально-грамматическую функцию «обрамления события»; чаще всего употребляются глаголы Прош. вр. СВ, указывающие на факт, событие, но никак не описывающие его протекание.

Преобладают глаголы бытия, наличия, передачи информации — т. е. с ослабленным лексическим значением. Характерно использование страдательного залога, который помогает избежать указания на субъект действия (ср.: *меры принимаются, из официальных источников сообщается*).

Тяготение новостной речи к деловой обуславливает относительную сложность структуры предложения: изобилие вводных и вставных конструкций, обстоятельства образа действия и времени, наличие причастных и деепричастных оборотов, конструкций с отглагольным существительным, уточнительных оборотов. Распространены сложные предложения, которые подчеркивают стремление вместить в структурно ограниченную форму значительный объем информации [Стилистика газетных жанров: 1978, 40].

Синтаксическая организация кратких новостей подчиняется таким принципам, как:

- 1) стандартность схемы построения,
- 2) наличие логических связей,
- 3) прозрачность синтаксических структур
- 4) отсутствие экспрессивно-стилистической окраски [Коницкая: 2000, 176].

Помимо этого, тексту новостей присуща особая конвенциональная схема построения. Эта схема состоит из типичных для текстов этого жанра категорий, стоящих в определенном порядке, который задает нарративное «расположение соответствующих последовательностей действий или эпизодов» [Ван Дейк: 1989, 255].

Начальной категорией схемы пространственной аранжировки текста новостей является *заголовок*, за которым следует *вводка* (*зачин, лид*). По нашим наблюдениям, в «газетной» традиции эстонских изданий в новостных текстах работают обе эти категории. Однако, в российской прессе, оказывающей воздействие на русскоязычную в Эстонии, категория вводки факультативна. Вместе заголовок и вводка функционируют в качестве резюме последующего текста, краткого содержания новости. Они взаимосвязаны и являются прагматически сильными текстовыми элементами [Ильвес: 2002, 42].

После резюмирующей части помещается так называемое главное событие, за которым обычно следует фоновая информация. Между этими категориями также прослеживается связь, выраженная в том, что фоновая информация предполагает предшествующие события, историю главного события или его контекст, косвенно соотносящейся с «настоящей» ситуацией-событием. В конце сообщения нередко

встречается комментарий, содержащий выводы, предположения и другую информацию, иногда следующую от самого автора текста.

Композиционные части газетного текста новости различны по насыщенности (объему) информацией. При смысловом построении новостей действует правило «перевернутой пирамиды» [Pullerits 1997], или «антикульминации» [Гвенцадзе 1986], когда в начале размещается самая важная информация. Как правило, в заголовке представлена суть всего сообщения, а зачин служит его (сообщения) смысловым ядром. Зачин раскрывает в себе информативно минимальную традиционную комбинацию из 5 «*Ws*» (When? Where? What? To whom? Why? happened) [Writing for Television and Radio: 1991, 229], или вербализованных компонентов события, отвечающих на вопросы Когда? Где? Что? случилось по отношению К кому? Почему? (последние два факультативны).

Описанные выше структурно-композиционные рамки построения газетного текста жанра новостей изменяются в отношении радиотекста. Ограниченность в эфирном времени, фактор слуховой и «односторонней» коммуникации, монологичность предполагают конденсацию новости. Самобытность текстов радионовостей состоит в том, что там, где в газете (на телевидении, в Интернете) сообщение начинает детализироваться, она заканчивается. Содержание ограничивается лидом с информативным минимумом из раскрытия вопросов Когда? Где? Что? [Там же, 232].

Исследуя тексты СМИ, необходимо учитывать еще одну их «особенность». Эти тексты сейчас принято называть медиа-текстами. В это понятие, как считает Н. Ферклоу, следует вкладывать следующее: текст образуется не только вербализованными единицами (словесными (звучащими) и письменными), но и визуальными образами, звуковыми эффектами. В большей степени это учитывается в отношении телевизионного текста, однако и письменные тексты (газетные) все более «визуализируются», присоединяя к себе фотографии, карты, диаграммы [Fairclough: 1995, : 17].

Таким образом, знание коммуникативных задач того или иного уровня композиционной схемы новостного текста помогает прийти к выводу о том, что механизм его построения подчинен не только собственно жанровой и языковой «норме», но и коммуникативной ситуации, типу медиа-канала, специфике аудитории, т. е. детерминирован рядом внеязыковых условий.

Далее, в продолжение описания особенностей новости как типа текста стоит раскрыть понятие «глобальной авторизации», которым среди прочего, как выше было отмечено, характеризуется современный медиа-дискурс.

I.4. Модусные рамки информационного текста

Субъективированная авторизация свойственна в первую очередь таким газетным жанрам, как аналитическая статья, репортаж, зарисовка, очерк, и означает переход к «автору-наблюдателю» или (что реже) — «автору-участнику», тогда как при объективированной на первый план выходит якобы безоценочная информация, предстающая в форме диктума [Щаднева: 2002, 308]. Так или иначе персонификация (авторизация) текста помещает его в определенные модусные рамки.

В сферах массовой коммуникации и массовой информации все явления, события и ситуации внеязыковой действительности рассматриваются по отношению к человеку и его интересам, проблемам, участию, а также являются либо становятся толчком к дальнейшей его деятельности. Так, Т. С. Дроняева в своей посвященной информационному подстилю работе обобщенно раскрывает суть информационной деятельности. С ее точки зрения, в текстах этого подстиля наблюдается сложное сочетание модальных рамок, куда входит «модальность засвидетельствованности» (или иначе авторизации) [Дроняева 2003: 301, 304]. Здесь засвидетельствованностью называется «указание на источник сведений: говорящий сообщает о событиях, основываясь на сообщении какого-либо другого лица» [Там же]. Исследовательница называет подобные высказывания «метавысказываниями, поскольку они вводят посторонний ситуации субъект вместо обычной дихотомии «говорящий — слушающий» возникает триада «говорящий (автор) — говорящий (интерпретатор) — слушающий» [Там же]. Эта модальность присуща новостным текстам в силу самой сущности передачи социально значимой информации как межличностной, общественной деятельности. Как справедливо отмечает Т. С. Дроняева, автор в информирующем высказывании, «стремясь к возможно полной объективированности, самоустраняется **также** и как отправитель информации, прагматически опираясь на источник информации, а на себя беря роль посредника и в лучшем случае интерпретатора этой информации» [там же, 302].

Засвидетельствованность в русском языке выражается различными лексико-семантическими способами. В речи информационной приемлемы лишь те способы

ее обозначения, которые соответствуют стилистическим «требованиям» фактографичности (ср.: *по сообщениям, как сказал, как передает, сообщает*). Например, такие субъективно-оценочные средства, как *мол, поведали, как сплетничают, якобы, по слухам* не уместны в новостном дискурсе, но приемлемы (для эксплицирования оценки) в аналитической или рекламной формах масскоммуникации [см. подробнее в Дроняева 2003].

Т. С. Дроняева указывает на то, что авторизация в тексте новостей «может проявляться весьма своеобразно» [Там же]. Достаточно частотно в таких текстах употребление *удвоенной модусной рамки* <выделено автором — Т. Д.>: «элементами текста типа *Как сообщают наши корреспонденты, подробности в репортаже такого-то* и т. п. создается первая модальная рамка: издание как бы устраняется от коллективного авторства, плеонастически, с точки зрения других дискурсов, подчеркивая авторство текста новостей. А внутри текста уже сам автор новостей находит нужным указать на источник полученной им информации (например, *По сведениям, полученным из достоверных источников...*), создавая <...> вторую рамку засвидетельствованности». По Дроняевой, бывает, что новостной текст состоит из нескольких «ярусов» засвидетельствованности. Кроме того, такое дублирование модуса засвидетельствованности может осуществляться с помощью кавычек. В примере, который приводит автор, <...> *он также отметил, что в Грузии сейчас могут находиться лишь небольшие разрозненные отряды боевиков общей численностью в несколько десятков человек, которые «будут выслежены, разоружены и задержаны»* — предложение построено с вкраплением косвенной речи, а кавычки здесь маркируют прямую речь. При этом подобное употребление кавычек наделяет высказывание оценочностью, словно намекая на то, что данные говорящим обещания суть лишь пустой звук. Понятно, что, используя подобные конструкции, производитель речи стремится снять с себя, переложить на другие лица ответственность за качество информации с точки зрения «хорошо – плохо», с точки зрения достоверности фактографии.

Однако вывод о том, что текстам новостей свойственно «нулевое» проявление непосредственного его автора-создателя, который вынужден (рамками дискурса / стиля) самоустраниться, был бы ошибочным. Очевидно, что выражение своего авторского Я не является для него самоцелью, скорее напротив – табу. Но нельзя не согласиться с Т. С. Дроняевой, что, несмотря на то, что автор подчеркнуто выступает лишь в роли транслятора новостей и никак не выражает своей оценки передаваемой им информации, «в новостном дискурсе присутствует достаточное количество иных

средств и способов выражения субъективности <...> а такой <нарочито> объективированный способ подачи социальных новостей следует отнести к определенному риторическому приему» [Там же, 304]. Обязательное и преобладающее идентифицирование новостного текста в виде указания ссылки (ссылок) на источник(и) «отражает общую тенденцию создателей новостей, с одной стороны, к объективности, а с другой — к уходу от социальной ответственности за представленную информацию» [Там же].

Сказанное выше подводит нас к мысли о том, что новостному типу текста не чужда (хотя на первый взгляд кажется обратное) категория авторского Я. Но, говоря об авторе данного медиа-текста, следует учитывать и то, что здесь он (автор) сложный, многоуровневый, часто выходящий за пределы единичной, конкретной языковой текстопорождающей личности. Этот полисубъектный автор способен «свертываться», сжиматься и сближаться с конкретной личностью, автором-журналистом. Именно поэтому зачастую в своем анализе мы имеем в виду автора «в последней инстанции», т. е. реальную личность автора (диктора, произносящего текст, журналиста-газетчика и т.п.). Вместе с тем принятый подход к интерпретации автора исследуемого нами типа текста требует уделить отдельное внимание вопросу типологии автора новостного текста, что и будет сделано в одной из глав практической части магистерской работы. В следующем разделе речь пойдет об особенностях структурирования и языка текстов новостей уже в непосредственной связи со средой (каналом) их функционирования.

I.5. Грамматика информирующей речи: языковые особенности электронных СМИ

I.5.1. Особенности языка радионовостей

Исследование радио как средства связи и медиа-канала не теряют своей актуальности и сегодня, несмотря на давнюю историю возникновения и развития. Напротив, специальный интерес к нему, на наш взгляд, набирает силу в условиях все развивающихся инфотехнологий. Живой интерес наблюдается и со стороны лингвистов. Изучение принципов использования языковых средств в сфере радиовещания ведется во многих странах мира, поскольку знание их позволяет

точнее определить максимальные возможности информационно-пропагандистского воздействия. Кроме того, очевидно, что радио, как и другие виды СМИ, доступный и богатый источник для изучения языка в синхронии. Радио отражает современные речевые тенденции более «правдиво», поскольку оно реально (а не виртуально) направлено на самую широкую аудиторию, имеет интерактивную, сиюминутную с ней связь. Стоит остановиться на специфике радиовещания в общем и в связи с исследованием русскоязычных СМИ. Далее мы заострим внимание на особенностях «радиоязыка», очертим композицию новостного радиотекста как жанра хроникальной информации.

Природа радиовещания — *air communication* — обуславливает свою специфику, самобытность. К основным свойствам радио следует отнести следующие [Основы радиожурналистики: 1984, 234]:

1. акустичность – использование звука (речь, музыка, шумы) в качестве главного средства выражения, а в качестве главного средства воздействия – звучащего слова;
2. дистантность речевого общения — значительная удаленность говорящего от реципиента при отсутствии визуального контакта;
3. однотипность речевого акта — прямая, но опосредствованный обращенность к слушателю;
4. синхронность — восприятие речи только в момент ее произнесения (или воспроизведения записи);
5. вездесущность и массовость аудитории, разнообразной по социальному составу, культуре, профессии и т.д.

В совокупности эти свойства определяют закономерности в отборе языковых средств, создавая тем самым своеобразную стилистико-языковую систему, именуемую «язык радио». Нельзя сказать, что телевидение, пресса, Интернет и радио говорят на разных языках. Понятно, все виды масс-медиа используют средства единого литературного (в данном случае) русского языка. При этом различные экстралингвистические условия (функции медиа-канала и особенности аудитории) накладывают на него свои требования.

Дистанцированность от аудитории, отсутствие визуального контакта с ней предъявляют требования к поиску и использованию особых средств «наглядности», иллюстративности. Ими прежде всего оказываются образные свойства слова и словосочетания, рассчитанных на слуховое восприятие, музыкальный фон (-сопровождение), документальные записи (а также прямые включения). Требования

лаконичности, информативности, логичности сообщаемого, корректности (языковой и этической) более жесткие, чем в газете, Интернете. Каждая мысль формулируется предельно четко и ясно, орфоэпическая, лексическая, грамматическая нормы должны быть обязательно соблюдены. Радиоязык вынужден совмещать в себе экономию средств выражения в силу неустойчивости внимания слушателя и активизировать использование эмоционально-экспрессивных элементов. Именно поэтому, по замечаниям авторов «Основы журналистики», авторское «Я» неизбежно эксплицируется в любом радиожанре.

Акустичность предполагает господство устной речи. Язык устной коммуникации включает в себя невербальные средства передачи смысла сообщения. К таким средствам относятся ритм, темп, интенсивность, паузы, логическое ударение, мелодика речи диктора. Как правило, эти фонетические средства используются с особым семантическим или риторическим заданиями.

Языку радио также свойственен сплав элементов книжной и разговорной речи. Книжность лексики обусловлена тематикой передач, а разговорность синтаксиса — их ориентированностью на реального, пусть и удаленного, неопределенного слушателя. Сложные предложения разбиваются на несколько простых, избегаются деепричастные и причастные обороты, развернутые придаточные конструкции, нагромождение предложно-именных групп (*Он разбился в 50 км ...к югу от Сеула при возвращении на американскую базу по завершении планового полета* («Р 4» 23.02.03).

В радиотексте избегается употребление труднопроизносимых слов, словосочетаний, «протокольных» терминов, а также глагольных форм 3-го лица и инфинитивов на – *ться*, которые делают вещание громоздким и отталкивающим. Часто используются общеизвестные аббревиатуры (ООН, ЕС, НАТО, ВВП, США) и цифры, тогда как сложные, редкие – расшифровываются, а числительные для облегчения и успешности коммуникации – округляются, переводятся в проценты. Поэтому, например, во фразе *К первому апреля, по данным регистра населения, в столице проживало триста девяносто девять тысяч пятьдесят шесть человек* («Р 4», 3.04.06) цифру целесообразнее округлить и представить, как *почти четыреста тысяч человек*. Скопление цифровых и числовых данных способно «парализовать» декодирование получаемой слушателем информации. Ср.: *Сегодня совершат посадку первые два из четырех истребителей Ф-шестнадцать норвежских ВВС, на которых норвежские пилоты в течение трех предстоящих месяцев будут патрулировать воздушное пространство....*(«Р 4», 10.01.06)

В контактоустанавливающей, экспрессивно-грамматической, интонационной функциях частотны позиционно-лексические повторы, не назойливые, не избыточные, а привносящие новые факты, нюансы смысла, содержащие синонимы ядерных слов сообщения [Сковородников: 1981, 134-135].

Своеобразным уровнем радиокommunikации можно назвать набор звуковых сигналов, выполняющих информативно-изобразительную функцию. Здесь имеется в виду регулярное, даже обязательное использование идентифицирующих звуковых сигналов (сигнатур, оригинальных композиций по [Raadioajakirjandus 1997]), т. е. определенной длины музыкальные вставки, шумы, сигнализирующие о начале / конце передачи, парцеллирующие ее структуру, но и, кроме того, оживляющие радиовещание. Так, определенные сигналы отделяют блок новостей от других передач, членят сам выпуск на основные его темы, блоки (местные новости, информацию из-за рубежа и прогноза погоды). Важная функциональная составляющая этих звуковых пауз-переходов заключается в том, чтобы привлечь, удерживать внимание слушателя и управлять им. Кроме того, такие сигнатуры облегчают задачу диктора-редактора радионовостей, экономя его речевые ресурсы, дарят «свободное» время, чтобы сделать вдох, перевернуть страницу, чихнуть и т.п.

Задачей нашего исследования является наблюдение над собственно языковыми особенностями текстов новостей местных СМИ. Далее мы обратим внимание на степень изученности именно русского «радиоязыка» Эстонии и на языковые особенности новостного жанра.

Русский «радиоязык» Эстонии практически не изучен. Отдельные, фрагментарные исследования не столько языка, сколько качества программ вещания некоторых русскоязычных радиостанций проводились кафедрой журналистики Тартуского университета (например, Avalik-õiguslik ringhääling Eestis: fakt, sõna, pilt. 13. Tartu, 2001). Собственно лингвистический анализ передач «Радио 4», три (1994, 1999, 2006) раза проводился на кафедре русского языка Тартуского университета преподавателями и студентами под руководством И. П. Кюльмоя. Результаты этих исследований были представлены в нескольких выступлениях, отчетах проф. И. П. Кюльмоя.

Стоит отметить проявленный эстонскими специалистами живой интерес к местной эстоноязычной радиожурналистике. В 1999 году совместно Эстонским медиа-центром (Eesti Meediakeskus) и Союзом эстонского телерадиовещания (Eesti Ringhäälingute Liit) был организован семинар «Raadiouudiste võrdlev analüüs», посвященный специальному анализу радионовостей станций, вещающих на

эстонском языке. Итогом выступлений лингвистов и журналистов-практиков стал сборник материалов по сделанным докладам (Raadiouudis II. seminari materjalid, 2000). Почерпнутые оттуда сведения о качестве языка эстонских радионовостей будут полезны и уместны в рамках нашего исследования, касающегося русскоязычных масс-медиа.

Так, Ю. Валге отмечал, что критически анализировать язык радио вообще достаточно трудно ввиду специфики медиа-канала, под чем понимается мгновенность, невозвратность слышимого. И даже записанные на магнитофонную пленку тексты новостей нельзя назвать эфирным продуктом конкретной станции (несмотря на то, что они читаются редактором и диктором в одном лице), объективно отражающим состояние языка, уровня профессиональности журналиста. Лента новостей, как правило, поступает в редакцию в том оформлении, которое им «задаст» то или иное информангентство. И все же о некоторых характерных недостатках, выявленных в ходе анализа, исследователь говорит обстоятельно и жестко.

Среди них: нарушения темпа речи (чрезмерно быстрый темп, «захлебывающийся»), влекущий за собой технические речевые сбои (неверное ударение, искаженное произношение, проглатывание слов, флексий), фонетические ошибки (в произношении звуков, в качестве гласных, в определении ступени, неверное ударение в сложных словах, напр., *va'naisa* вместо *vanai'sa*, *reformie'rakond* вместо *refo'rmierakond*, а также в логико-интонационном делении синтаксических целых), ошибок в спряжении и склонении слов (особенно числительных, типа *kahele tuhandele neljasaja viiekümnele*, когда по правилам эстонского языка, начиная с четвертого падежа *sisseütlev* падежное окончание прибавляется к последнему слову), в упрощении (из-за влияния русского языка) глагольной временной системы, в употреблении ед. или мн. числа при нескольких субъектах действия («loodavad nii Ukraina kui ka enamik Kesk-Euroopa riike» вместо «loodab nii Ukraina kui ka enamik...»), в порядке слов в предложении, в отборе лексики, предпочтении канцеляризмов либо, напротив, поэтизмов («arstiabi andmise kvaliteet teeb läbi olulise languse», а не «arstiabi läheb halvemaks», «ligi kolm protsenti Maarjamaa elanikkonnast» вместо «...Eesti elanikkonnast») [Raadiouudis: 2000, 4–12].

Как и Ю. Валге, У. Лойт (профессиональный журналист) анализирует новостные тексты радиостанций так называемого музыкального формата (заметно отличающегося от «Радио 4», «Raadio 2», «Klassikaraadio»), но с точки зрения их строения, организации. Прежде всего специалиста настораживает все ухудшающееся

качество преподнесения новости в эфире. Этому, по мнению У. Лойта, есть одно объективное объяснение: технически неверно организованная работа редакции. Другой же фактор, влекущий за собой оставляющее желать лучшего качество работы над текстом, — человеческий. Это и усталость, и лень, влекущие небрежное отношение к языку, а также непрофессиональность дикторов (редакторов). Явные недочеты в строении текста новости, выявленные в ходе анализа, У. Лойт обобщил следующим образом [Raadiouudis: 2000, 18]:

- большое количество определений, затрудняющих общее понимание *устного* предложения;
- нагромождение нескольких предложений в одном длинном;
- подчинение правилам письменной речи;
- бессмысленное, чрезмерное употребление мало относящейся к делу фактологической информации;
- неверный фокус или неверное определение ядра сообщения (исходящее из нежурналистской логики);
- ненужные ссылки на источник, которые лишь перегружают новость;
- сложное для слухового восприятия представление числовых данных;
- замещение факта чьим-либо мнением (цитируемое идентифицируется в конце цитаты).

Вышеприведенные замечания следует, на наш взгляд, экстраполировать и на особенности организации русскоязычных текстов новостей. Однако, более детально на этом мы остановимся позже. Резюмируя же содержание брошюры по материалам семинара, посвященного языку радионовостей, следует сказать, что преимущественно анализу подвергались фонетический, лексический и синтаксический уровни новостного текста. Огромное значение исследователи придают качеству ораторского умения диктора работы в прямом эфире, но кроме того его редакторским способностям.

Очевидно, что язык радио отличен от газетного, хотя в обоих случаях исходным материалом выступает письменный текст. Своеобразие «радиоязыка» заключается в том, что предварительно за/написанный текст преподносится, функционирует в устной форме. Далее более подробно рассмотрим, какие свойства присущи тексту новости на радио.

I.5.1.1. Некоторые особенности новостей на эстонском радио

До конца 50-х годов прошлого столетия, когда появилось телевидение, радионовости как жанр занимали центральное место. И по сей день радио гарантируется преимущество по степени оперативности перед иными СМИ. Посредством радио человек получает компактно изложенную разнообразную информацию, свежую, актуальную, интересную, как местного, так и мирового масштаба. Радио спланировало людей, собирая их для совместного прослушивания передач. И сейчас в радиокommunikации присутствует некоторая доля интимности и даже доверительности во взаимоотношениях голоса диктора и молчащего реципиента.

В погоне за массовым слушателем радио изменило свои функции, что коснулось и роли новостей в эфире. По оценкам специалистов Дании и США, с начала 90-х годов XX века многие радиостанции стали развиваться в направлении сокращения числа классических передач новостей, на смену которым поспешил «легкий материал», предлагаемый между музыкальными блоками круглосуточных программ [Raadioajakirjandus 1997].

В таком формате работает большинство коммерческих эстонских станций, в число которых, однако, не входит «Радио 4» и еще несколько эстоноязычных. Закон о телерадиовещании предписывает наличие новостных выпусков в объеме пяти процентов от общей дневной программы [Raadiouudis: 2000, 15]. И сегодня радиомедиа не считает новости важными, поскольку работа с ними не выгодна с точки зрения прибыли. Они считаются надоедливыми, трудоемкими и при этом дорогостоящими. В то же время в Европе, несмотря на значительные финансовые затраты, радиостанции считают почетным делом работать с новостями, передавать их слушателям, которые в свою очередь заинтересованы в их получении [Avalikõiguslik riinghääling Eestis: 2001, 142].

Музыкально ориентированная радиостанция уделяет новостям, которые выходят в течение дня каждый час, от 3 до 5 минут эфира, и сопровождаются ритмичным музыкальным фоном. В практике «Радио 4» сигнатура используется только для обрамления выпуска и в качестве его внутренних границ-переходов. Фоновое музыкальное сопровождение новостей — характерная черта современных эстонских радиостанций. Среди радиодееателей бытует мнение, что если темп речи медленный, падает, то возникает ощущение, что произносимое не имеет никакого значения,

скучно. Между тем в европейской новостной радиотрадиции серьезный тон, спокойный темп чтения считается заслуживающим доверия [Там же, 141].

Исследователи отмечают, ссылаясь на мнения главных редакторов радиостанций, что определенной структуры в соотношении «своих» и «из-за рубежа» новостей нет, поскольку она может варьироваться в зависимости от количества и характера поступивших новостей. По нашим наблюдениям, информационная программа на общественно-правовом «Радио 4», как правило, состоит на 50% из локальных новостей, а остальные 50% — это зарубежные вести и прогноз погоды. Исключением являются девятичасовые «Новости по нашей стране» и десятичасовые, посвященные целиком освещению важнейших событий из-за рубежа. Диктор (ведущий выпуска) является автором и редактором новостей (если считает необходимым их редактировать).

В XXI веке электронные СМИ (радио, телевидение и Интернет) превратились в главный канал распространения информации в современном обществе. Уже с конца прошлого века центр тяжести потоков информации все более смещался в область электронных СМИ. «По данным исследований, в последние десятилетия от 70 до 80 % массовой социальной информации потребители получают по каналам радио- и телевидения и лишь 20–30 % — через печатные периодические издания» [Ломко 2000]. В России такое положение дел обусловили высокие цены на периодические издания. В нашей стране альтернативой прессы выступают разнообразные издания, помещенные в Интернете, который, в свою очередь, является универсальным и доступным большинству. Благодаря доступности для многомиллионной и разновозрастной аудитории электронные СМИ получили возможность формировать язык, его словарный запас, языковые нормы (от орфоэпических до текстообразующих).

1.5.2. Особенности языка телевизионных новостей

Канал телевидения принципиально отличен от иных каналов массовой информации и коммуникации, сочетая в себе элементы других электронных СМИ. Основная функция телевидения также заключается в информировании о событиях и фактах окружающей действительности. Телевидение представляет собой звукозрительное отражение мира, особым образом структурированное с целью коммуникации, т. е. является определенной знаковой системой, пользующейся

аудиовизуальным «языком». Причем, по мнению специалистов по телевидению, это «язык оригинальный, со своей орфографией, грамматикой, синтаксисом и морфологией, с богатым запасом художественно-выразительных средств. Но признание того, что телевидение <это не кинематограф и > (вставка наша — В. П.-И.) имеет свой, особый язык, происходило постепенно» [Дерябин: <http://www.cjes.ru..>].

Собственно телевизионный язык как знаковая система вошел в сферу зарубежных и российских исследовательских интересов сравнительно недавно (с 70-х гг.). Телевизионный язык является динамичной развивающейся системой. Поначалу он включал в себя системы черно-белых иконических знаков, письменного текста и музыки. Потом добавились стереозвучание и цвет. Теперь система выразительных средств телевидения все совершенствуется.

В последние годы компьютерные и интернет-технологии, применяемые на телевидении, существенно изменяют отражение действительности на экране посредством компьютерной анимации и создания трехмерного пространства. Считается, что «переданные по каналам телевидения, обладающего феноменом достоверности, изображения трансформированной реальности потом проектируются на представления зрителей об окружающей их действительности» [Там же]. Именно зримая, зрелищная часть телевизионного языка наделяет его некой особостью. Оно складывается за счет сцепления, когерентности вербальных, музыкальных, визуальных знаковых систем с такими выразительными средствами, как стереоскопичность, стереофоничность, оптические трюки и структурные приемы (монтаж, смена планов и т. п.).

Еще одной своеобразной чертой языка телевидения становится использование знаков самой действительности, так называемых культурных кодов — символизма предметов, жестов, выражающих определенные чувства, и т. д. [Там же]. За счет линейной организации телевизионного гипертекста более четко устанавливаются границы восприятия и понимания. Членение на кадры задает строгую последовательность чтения и синтаксиса. Уже «сам способ передачи информации, логика средств массовой информации лишает реципиента альтернативы в интерпретации сообщений», тем более, что план содержания может не совпадать с планом выражения. При этом «видеоизображение не имеет семантических ограничений, оно шире словесных фраз» [Там же]. Все это ведет, думается, одновременно к ограниченной интерпретации телевизионного текста и субъективированности восприятия, декодирования заложенной информации. Интересно, что «часть зрителей бессмысленно потребляет вереницу чередующихся

кадров, и для них, по данным одних ученых, просмотр телевизионных передач что-то вроде жевательной резинки (так назвал телевидение американский продюсер Хэрлан Клейман) [Там же]. По мнению других, люди смотрят телевизор с той же целью, что и употребляют алкоголь — чтобы расслабиться, отключиться [Avalik-õiguslik ringhääling Eestis 2001: 271].

Телевизионный язык синтезирует в себе знаки разных, больших семиотических систем – невербальной: звук, жест, элемент одежды, цвет, ракурс, образ и т. д., и, конечно, вербальной: слова.

Разумеется, телевидение пользуется таким же языком, как и другие медиа-каналы. Ему присущи те или иные черты современного периода развития языка СМИ, о которых шел разговор в предыдущих разделах настоящего сочинения. Далее же стоит, как нам кажется, дать некоторое представление об особенностях языка телевизионных текстов новостей. К сожалению, источников по этой проблематике, доступных нам, оказалось очень мало. За основу такого описания мы посчитали возможным взять книгу американского профессора журналистики И. Фэнга «Теленовости, радионовости» [Фэнг 1975: <http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob...>].

Прежде всего автор книги обращает внимание на структуру текста теленовостей. А именно, длину предложения. Фэнг советует тележурналистам, редактирующим новостные тексты, максимально редуцировать информацию, которой они располагают. Предложения должны быть короткими, лаконичными: несмотря на то, что некоторое разнообразие в длине предложений услаждает слух, предложение от сокращения будет только выигрывать [Там же]. Сокращать предложения следует путем разбивки сложноподчиненного на два или три. Употребляя придаточное предложение, не следует выносить его в начало или середину сложного. В противном случае это запутает слушателя.

Уместны в новостях будут незаконченные предложения, усеченные слова, являющиеся естественными компонентами разговорной речи

Журналист, как пишет автор, должен работать и над лексическим оформлением сообщаемого, соблюдая тот же принцип «упрощения». Он советует использовать семантически «простые слова: *посылать*, а не *отправлять*, *покупать*, а не *приобретать*; *уезжать*, а не *покидать* или *эвакуироваться*; *участвовать*, а не *принимать участие*; *стараться*, а не *предпринимать попытку*; *арестовать*, а не *взять под арест*; *показать*, а не *продемонстрировать* или *проявить*; *нуждаться*, а не *испытывать потребность*; *видеть*, а не *быть свидетелем*; *помогать*, а не

оказывать помощь или содействовать; сломать, а не нарушить целостность»
[Там же]

По Фэнгу, в телевизионных новостях наряду с глаголами, фиксирующими факт, необходимо использовать самые разные по семантике глаголы, чтобы придать сообщаемому большую выразительность и драматичность. Приемлемо использование как прошедшего, так и настоящего глагольного времени (ср.: *Трое погибают сегодня вечером, когда сталкиваются грузовик и...*). При этом отмечается, что несмотря на сильный эффект (за счет создания эффекта сиюминутности события) последние звучат неестественно и привлекают к себе излишнее внимание.

На наш взгляд, неестественно звучат в тексте новости (в речи диктора) и местоимения *мы, нам и наши*. Однако в книге рекомендуется их употреблять, чтобы подчеркивать сопричастность журналиста к обществу, его насущным заботам, усилить присущую массовой коммуникации личностность, добавить доверительности. Ср.: вместо *Городской совет проголосовал за повышение ваших налогов* — *Городской совет проголосовал за повышение наших налогов **или** Форма декларации доходов в этом году будет намного проще, чем в прошлом* — *Заполнение декларации доходов в этом году не вызовет у нас столько затруднений, как в прошлом* [Там же]. По нашим наблюдениям, такая личностная модель новостного дискурса эстонским СМИ свойственна и проявляется в таких регулярных сочетаниях, как «*Сегодня в нашем выпуске*» или «в нашей стране» («АК», 10.11.06), «*президент нашей страны*». В меньшей степени это характеризует программу «Актуальная камера», диктор которой, например, освещая событие вручения президенту Эстонии офицерского меча, дистанцировался, употребив метонимию: «... чтобы Эстонии никогда не пришлось защищать свое государство с оружием в руках». В сетевой новости на эту тему автор включает себя в данное сообщество: «*Президент Тоомас Хендрик Ильвес пообещал, принимая в среду в Кадриорге меч офицера эстонских Сил обороны, так служить на своем посту, чтобы ... нам не пришлось бы защищать свое государство с оружием в руках*» (Delfi, 8.11.06). В этом усматривается влияние факторов социально-экономического сценария и самоидентификации адресующегося.

В спектр лексических средств, работающих на образность теленовости, входит использование повтора, что обусловлено характером слуховой коммуникации. При этом автор отмечает его пагубность, когда за повтором скрывается нежелание подыскать слову синоним. Например, предложение «*Сегодня днем в городском парке состоялся ежегодный конкурс по перетягиванию каната между полицией и*

пожарными. Обе команды старались изо всех сил перетянуть канат к себе почти два с половиной часа. Заслуженная победа над таким же целеустремленным противником досталась команде пожарных» лучше представить так: «Сегодня днем в городском парке полицейские и пожарные организовали ежегодное перетягивание каната. Они упирались в землю и тянули, упирались тверже и тянули все сильнее. Но пожарные перетянули команду полиции через линию спустя почти два с половиной часа после старта» [Там же]. Образность создает использование цитат, вкрапление метафор, фразеологических элементов, каламбуров и делает новости более занимательными. Иначе программа превращается в невыносимый перечень смертей, катастроф, акцизов и налогов. В кураж словесного творчества войти очень просто, предупреждает исследователей теле- и радионовостей И. Фэнг. Результатом псевдотворчества (а работе над словом отводится львиная доля обязанностей редактора) становятся: «обстановка голода» вместо просто «голод», «разных типов» вместо «типов», «городской кризисной ситуации» вместо «городского кризиса»; больше нет «правил», «перспектив» и «новостей», есть «основные правила», «перспективы на будущее» и «события, достойные новостей»; компании не «растут», у них наблюдается «положительный рост», «триумф» становится «успешным триумфом», а «убийство» — «роковым убийством» и т. д. [Там же].

Факторами специфики канала информации и массовостью аудитории обусловлены следующие языковые рекомендации: по мере возможности округлять числа, делать их более значимыми (через сравнение с меньшим / большим) или вовсе убирать из текста (как, например, сведения дате рождения, возрасте человека). Лучше, например, заменить проценты 43,5 % фразой *почти треть*, а цифру 745 296 долларов словосочетанием *почти три четверти миллиона долларов*. Выигрышно звучит предложение *Жертвами обстрела стали девятнадцать мирных палестинцев, около полусотни получили ранения* («АК», 8.11.06). Если же журналист располагает несколькими данными о количестве жертв, например, то округление будет неуместно. Ср.: *В сообщениях отмечается, что погибло не меньше 15, а возможно, даже 18 человек*. Сложные, большие числа громоздки, их трудно запоминать и зачитывать в эфир. Если сообщается «о пожаре в маленьком городке, нужно дать только название улицы, в городе средних размеров достаточно указать квартал, а в большом – только район» [Там же].

Последняя рекомендация, думается, теряет свою силу в случае региональных новостей. В отношении атрибуции (указания источника) информации жанр телевизионных новостей выработал свои правила. С одной стороны, «обилие ссылок

затрудняет развитие сюжета и его восприятие. С другой стороны, материал, содержащий слишком мало ссылок, похож на комментарий. Благодаря точным и продуманным ссылкам сообщение приобретает достоверность» [Фэнг 1975]. По И. Фэнгу, не стоит «пользоваться туманными или неопределенными ссылками типа «заслуживающий доверия источник» или «высокопоставленные лица» [Там же]. Когда источник угадывается или можно обойтись без лишней официальности, следует указать на него обобщенно, сославшись на организацию, учреждение.

Аудиокоммуникацию нарушает и то, что, как правило, в начале предложения указывается должность / статус, после того полное имя лица, которому приписывается сообщаемое. Выигрышнее титулы выносить в конец текста или оформить отдельным предложением. Но, как правило, факторы временной и пространственной ограниченности не позволяют этого делать. В практике местных теленовостей название должности в начале / конце предложения, но перед полным именем лица. Ср.: *«Как сообщила глава Британской контр-разведки МИ-пять Элайза Меннингем Буллер, ...»* или *«... считает председатель правления акционерного общества Ээсти Пылевкиви Лембит Кальювез»* («АК», 8.11.06). Нельзя также ссылаться на людей, как на предметы, типа *45-летняя Скьюэл; реформист Иванов*. Отметим, что в практике местных как печатных, так и электронных СМИ подобное «опредмечивание» людей широко используется.

Радио- и телеэфир не могут позволить себе перенасыщения фактами, в отличие от газетного сообщения и сводки информагентств, которые до отказа насыщены фактами. Поэтому когда слова подкрепляются соответствующим видео- и звукорядом, эффект получается больше, чем простая сумма трех частей. «Зрелище и звук — строительные блоки телевизионных новостей, и нужно знать их сильные и слабые стороны, прежде чем приступить к их эффективному соединению» [Там же]. В журналистике принято писать текст новости, опираясь на имеющийся видеоматериал. В борьбе за внимание зрителей берет верх картинка, поэтому выборке кадров и их соположению со словом уделяется большое внимание. Текст рассказывает об основных моментах события, а изображение и адекватная цитата иллюстрируют его и раскрывают детали. Изображение само по себе содержит множество фактов. Так, «крупный план лица определенным образом характеризует человека: его возраст, пол, расу, возможно, эмоции или состояние здоровья. Возьмем, например, портрет женщины. Средний план позволяет судить о ее образе жизни: работает ли она на фабрике, руководит компанией или учится в колледже.

Изображение двух женщин, несущих плакаты, красноречиво само по себе. Более информативен кадр, показывающий людей за делом» [Фэнг 1975].

В практике телевизионных новостей «Актуальной камеры» эстонского телеканала ETV наблюдается, однако, вторичное, словно случайное, неинформативное, рассеивающее внимание соединение картинки и словесной информации. Это касается новостей, не носящих сенсационного характера (заседание Рийгикогу, подготовка города, страны к очередному мероприятию и т.п.), когда на закадровый вербальный ряд накладываются сюжеты общего плана закрывающейся или открывающейся двери, вывески на здании учреждения, триколора республики, идущих по улице людей и т. п. Нередко отснятый материал многократно используется в качестве видефона для разных по содержанию новостей. Анализу звуко- и видеоряда в программе «Актуальная камера» была посвящена бакалаврская работа М. Карка [Kark 2003].

На отбор языковых и невербальных средств оформления новости влияет, безусловно, и сама новость, то есть событие, факт, лежащие в ее основе. И. Фэнг приводит следующие критерии отбора (теле)новостей [Фэнг 1975]:

- масштаб события,
- степень известности участников события,
- сиюминутность, новизна,
- экономический эффект,
- социальная значимость,
- личное участие, опасность, волнение,
- человеческое любопытство.

Данный перечень элементов новостей можно пополнить, ссылаясь на проведенное Д. Васильевым исследование, посвященное факторам выбора новостей в русскоязычной редакции «Актуальной камеры». Ими стали: личностный уровень (индивидуальность редактора, национальность и др.), уровень медиа-рутины (новость выбирается «посредством здравого смысла»), уровень участия занимающих видное положение личностей, связь с Европейским союзом, недостаточные творческие (профессиональные) способности журналиста, тогда как факторы атрактивности и эмоциональности не релевантны [Vassiljev 2004]. Как мы видим, процесс отбора информации носит во многом субъективный характер.

Спектр факторов, воздействующий на организацию теленовостей многообразен. Существенную роль в этом процессе играет человек, личность. А благодаря своим техническим возможностям аудиовизуальный язык телевидения богат и имеет

большое преимущество в воздействии на массовую аудиторию. Воздействие, превосходящее, на наш взгляд, воздействие Интернета, специфику языка которого мы опишем далее.

1.5.3. Особенности языка Интернета и сетевых новостей

Ранее мы говорили о том, как язык СМИ реагирует на новые социальные и технологические тенденции. Одним из таких технологических прорывов является всемирная web-сеть. Остановимся подробнее на специфике языка сетевых СМИ и постараемся описать, как языковая система выполняет требования, предъявляемые виртуальным каналом коммуникации.

Интернет как предмет лингвистических исследований является достаточно «молодым» объектом. Работы о языке сетевых СМИ многочисленны, однако, посвященных новостной виртуальной коммуникации практически нет. Доступными нам оказались несколько статей, носящих, скорее, тезисный характер. Прежде всего, опираясь на них, обозначим функции Интернета.

Основной является коммуникативная функция. Релевантными оказываются также: фатическая (контактоустанавливающая), волюнтативно-персуазивная (убеждение, аргументация, пропаганда), когнитивная (возможность приобретения знаний), тезаурусная (хранилище накопленных знаний), культуурообразующая (средство формирования новой глобальной информационной культуры и ее субкультур) и эстетическая (как средство развлечения, так и среда реализации художественно-творческих потенций) функции [Иванов: 2001, 132 - 133].

Говоря об общих тенденциях в языке Интернета, Л. Ю. Иванов выделяет две тенденции. Первая состоит в том, что сетевой язык демонстрирует «одновременно протекающее усложнение одних и упрощение других средств по сравнению с аналогичными средствами в литературном языке», что «затрагивает план выражения, план содержания и план прагматических интенций» [Там же, 133]. Так, преобразование текста в «гипертекст» является одним из усложнений. К ряду усложнений исследователь относит обилие компьютерной, терминологизированной лексики и, добавим от себя, англо-американизмов, поскольку они вызывают определенные трудности с пониманием у пользователей Интернета. Тягой к упрощению можно считать такое виртуальное явление, как форумы, чаты,

электронная почта, службы мгновенных сообщений (ICQ, Skype). Данные жанры демонстрируют высокую степень проявления разговорности, а вместе с тем и упрощенности. К тому же, коммуниканты не должны утруждать себя описаниями эмоций, эту функцию выполняют смайлики, или эмодзи (пиктограммы, изображающие улыбающиеся и т. п. рожицы) [Там же, 133]. Второй тенденцией, отмеченной ранее зарубежными специалистами, как пишет Л. Ю. Иванов, является «конкурирующее воздействие норм письменной и устной речи» [Там же, 134]. «В частности, выделяются следующие признаки устной речи: дейксис «я — здесь — теперь», многоканальная информация (текст — графика — звук), дизайн реципиента, чередование ролей продуцента и реципиента речи, активная контекстуализация» [Там же, 134]. Наряду с этим оговаривается, что интернет-тексты *исконных* интернет-жанров являются «концептуально устными, но формально письменными». В итоге можно говорить о формировании некоего фиксированного письменно-разговорного языка.

Столкновение книжности и письменности в Сети образовало особое языковое / стилевое «междущарствие» [Костомаров 2005]. Оно, с одной стороны, при(в)носит пренебрежение «правильным» русским языком, а с другой — возвращает устной форме (*ненаписанному слову*) весомость, стимулируя появление новых жанров, обеспечивающих коммуникацию в интерактиве [Карпова: 2005, 123]. Вместе с тем автор сетевых новостных текстов может более открыто заявлять о себе, что проявляется на лексическом уровне. Ср.: *Положить конец разбазариванию народного богатства должен новый закон* (Delfi, 20.11.06); ... *однако прибывшие в Таллинн янки при желании могут отвергнуть предложения Охранной полиции и МИДа* (Delfi, 20.11.06), *Ида-Вируская центральная больница обратила взоры в сторону России* (Delfi, 9.11.06) и т. п.

Глобальная сеть — активно развивающаяся сфера коммуникации, в которой способны появляться новые, видоизменяться и исчезать какие-то устаревшие жанры, что, в свою очередь, обуславливает невозможность дать исчерпывающее жанровое описание. Попробуем, однако, опираясь на исследования именно языковых тенденций Интернета, отобразить специфику именно интернет-языка новостей.

Сегодня практически все традиционные газетно-публицистические жанры довольно разнообразно представлены в электронных СМИ: статьи, передовые на тему дня, «телетайпные» ленты новостей, обзоры и дайджесты новостей, сводки спортивных новостей, прогноз погоды и многие другие. Типичными являются

сайты крупных интернет-провайдеров. СМИ в Интернете «разделяются на имеющие традиционные «бумажные» аналоги и собственно сетевые, которые на бумаге вообще не издаются» [Иванов: 2001, 135].

Остановимся на отдельных уровнях языка. Так, на уровне словообразования Л. Ю. Иванов отмечает, что Интернету не чужды словообразовательные процессы, носящие здесь «лавинообразный характер». Обычной словообразовательной моделью является калькирование или заимствование англоязычной корневой морфемы, аббревиатур и присоединение к ним распространенных русских или также заимствованных аффиксов (**-щик/-чик-**, **-к-**, **-ланин-**, **-ер-**) (Ср.: *перекодировщик, инсталлировщик, юзер, офлайновый, кликнуть, коннектиться, загрузка, аська* и др.). Интересны тенденции, когда форма заимствованного слова уподобляется русскому слову (например, email — «мыло»). Распространены сложные слова, производные от синонимов *сеть, Интернет, веб* или *web*, например, *веб-сайт, веб-камера, веб-узел, сетеголовый, сетеголик, интернет-технология, интернет-кафе, интернет-услуга* и др. [Там же, 139]. Метафорический перенос и языковая игра «жителей» Интернета становятся, по мнению исследователей, наиболее продуктивными способами образования компьютерных жаргонизмов. Ср.: *мышедром, подмышка* — 'коврик для мыши', *айболит* — 'антивирусная программа', *компутер* от 'computer', а 'invalid device' называют *инвалид девицей, стервером server* и др. [Карпова: 2005, 126]. Типичной чертой «интернетовской» морфологии является частотность использования форм императива в 1 лице ед. числа: *Жми сюда! Закажи (то-то)! Зайди на «Куличики»! Щелкни мышкой!* Скорее, эти формы присущи развлекательным сайтам, рекламным этикеткам, баннерам. Обобщая, скажем, что Интернет как активный инициатор словообразования и проводник заимствований способствует их адаптации в литературном русском языке. Описанные выше черты обходят тексты новостей. Речевой строй хроникальной информации, отбор лексико-грамматических средств, особый характер образности обуславливается прежде всего общей стилевой чертой принадлежности к книжно-письменному стилю с вкраплениями делового.

Из наблюдений Л. Ю. Иванова следует, что «характерной чертой синтаксиса языка ГПС является тенденция к аграмматизму» со стороны продуцента текста. Причем адресат такого текста относится к нарушениям терпимо, порой, не замечая их вовсе. Пунктуационный аграмматизм чаще проявляется в неверной расстановке знаков препинания. Автор цитируемой статьи склонен объяснить

это сознательным стремлением подстроиться под телеграфный стиль [Иванов 2001: 141], на наш взгляд, с элементами потока сознания. Это проявляется в игнорировании автором текста такого пунктуационного знака, как точка., в неразделении предложения на более короткие. Ср.: *«Особую группу составляют ушедшие в иные сферы политики — много шума было по поводу превращения Сийма Калласа в брюссельского чиновника, Сигне Киви — в ректора, Мярта Раска — в председателя госсуда, а также еще пятерых членов Рийгикогу, перешедших в Европарламент»* (Delfi, 9.11.06). Или: *«Очереди грузовиков на восточной границе выросли еще больше, в Нарве пересечения границы приходится ожидать пять-шесть дней, быстрее всего — за двое-трое суток — можно пересечь границу на погранпункте в Койдула»* (Delfi, 6.11.06)

По нашим наблюдениям, причиной отсутствия пунктуационных знаков является элементарное незнание правил. В большей степени, конечно, это замечание относится к молодежным текстам / темам. Для последних также свойственна популярность и полифункциональность использования многоточия, тире. Эти знаки участвует как в упорядочивании текста, так и являются средствами передачи эмоций автора. Образцы безошибочной расстановки знаков в Рунете все же доминируют. Отрадно, что тексты новостей тяготеют к таким образцам.

Текстовый уровень примечателен тем, что глобальная сеть «создала техническую базу к адаптации линейной структуры текста к нелинейной ассоциативной связи идей в мозгу человека» [Иванов: 2002, 143]. На этой основе возник гипертекст, обеспечивающий линейное продуцирование и восприятие текста. По Л. Ю.Иванову, гипертекст — это совокупность референтных текстов, связанных с воспринимаемым текстом при помощи ссылочного аппарата [Там же]. Т. е. каждая ссылка выступает в роли указателя на другой текст, который, «открываясь», задает выход на следующие тексты либо не имеет такого выхода. Параллельно гипертекстуальности еще одним эксклюзивным принципом языка Интернета является «принцип ступенчатого развертывания текста». Это означает то, что реципиент может следовать по такому пути: «заголовок» (ссылка) — заголовок с аннотацией — часть текста (несколько частей могут открываться последовательно) — полный текст» [Там же, 144, также Атабекова 2004: 4]. Так, гипертекстуальность и нелинейность развертывания виртуального речевого произведения своей «технической» стороной относятся к экстралингвистическим факторам, играющим значимую роль при создании новостного текста в интернет-СМИ.

В этом отношении важно учитывать такую специфику текстов информационных порталов, как их сегментность, проявляющуюся в наличии такого зависимого от основного текста сегмента — комментариев адресата. Эта часть / сегмент текста новости имеет относительную автономию, поскольку смысл комментария (состоящего от одного до сотен высказываний) понятен только с учетом основного. На наш взгляд, комментарии являются такой технической особенностью интернет-текста новости, о которой автор-журналист знает заранее, поэтому само это знание становится условием организации хроникального произведения. Таким образом, данный канал информации имеет целый ряд отличительных особенностей, обнаруживающихся и в новостном интернет-пространстве.

Все сказанное выше относилось как к любым СМИ на русском языке, так и к местным. Как мы видим, как язык СМИ в целом, так и «языки» радио, газеты, телевидения и Интернета представляют собой результат взаимодействия языковых и внеязыковых факторов. Как нам представляется, характеристика последних не будет полной без описания конкретных анализируемых нами медиа-каналов. Она будет представлена в следующем разделе работы.

I. 6. Общая характеристика объекта исследования («Молодежь Эстонии», «Вести дня», «Нарвская газета», «Postimees на русском языке», «Радио 4», «Радио 100 FM », «Актуальная камера», «Новости Эстонии», портал Delfi)

Как было отмечено во введении, практическим материалом для настоящего исследования послужили тексты новостей различных местных русскоязычных СМИ, а именно: тексты газет «Молодежь Эстонии», «Вести дня», «Нарвская газета» и «Postimees на русском языке», радиостанций «Радио 4» (а также «Радио 100 FM»), интернет-портала Delfi (www.rus.delfi.ee), сетевых вариантов телевизионных программ «Актуальная камера» на русском языке (www.etv24.ee) и «Новости Эстонии» (www.ltv.ee). Далее коротко охарактеризуем каждый из названных медиа-каналов.

Газеты «Молодежь Эстонии» (далее «МЭ») и «Вести дня» («ВД») (ранее это издание носило название «Эстония») являются республиканскими многотиражными изданиями, выходящими 6 раз в неделю: по данным на апрель 2007 г. тираж «МЭ» составляет 6 000 и «ВД» — 10 000 экземпляров [Eesti Ajalehtede Liit, на 2007 год]. Обе газеты многоплановы по содержанию, а предлагаемая ими информация

разнообразна. И «МЭ», и «ВД» характеризуются традиционной, закреплённой структурой подачи материалов: состоят в среднем из 20 страниц, на титульной странице помещается анонс главной новости номера и некоторых «горячих» материалов, которые далее можно дочитать до конца, а также найти другие сообщения под той или иной рубрикой. Именно членением на рубрики разнятся названные газеты. В «МЭ» первые несколько страниц отданы рубрике «Новости», где обнаруживается разнообразная информация, касающаяся Эстонии, затем следуют социальная, экономическая, культурная, криминальная, спортивная полосы, новости из-за рубежа, порядок и наличие которых могут меняться из номера в номер. Регулярно же на последних страницах помещаются развлекательные рубрики, кроссворд, рекламные сообщения, а на последней — прогноз погоды. По нашим наблюдениям, охватывающим последние четыре с половиной года, доля рекламы на страницах «МЭ» значительно возросла. В целом издание четко структурировано, характеризуется обилием цветных и черно-белых (фото)иллюстраций.

Обновленному изданию «ВД», на наш взгляд, свойственна меньшая логизированность в структурировании номера, что отражается на размещении рубрик и характере печатающихся материалов. Как на титульном листе, так и на следующем сразу за ним, а также на последней странице размещаются рекламные сообщения, кроме того, зачастую рекламе отведена (в середине номера) отдельная рубрика *Рекламные вести дня*. Это создает общее впечатление о газете как об излишне коммерциализированной, пестрящей рекламой, что снижает информационное качество издания в целом. Еще одной отличительной чертой газеты «ВД» можно назвать необычное наименование рубрик, составной частью которых выступает ее название: *Местные вести дня*, *Приусадебные вести дня*, *Житейские вести дня*, *Тревожные вести дня* и т.п. Сообщение синоптиков регулярно размещается на заглавной странице под нестандартным заголовком *Градус дня*. Кроме того, в «ВД» из номера в номер печатаются некоторые материалы из эстонских (*Postimees*, *SL Õhtuleht*, *Äripäev*, *Eesti Päevaleht*) и российских газет, которым отводится рубрика *Переводные вести дня*. Таким образом эта газета возвращает утраченную ранее (газетой «Эстония») традицию представлять обзор эстонской и зарубежной прессы, пусть в несколько ином виде. Говоря об использовании неязыковых средств, отметим, что в обоих изданиях дифференциация рубрик и текстов на странице хорошо визуализирована. Как нам представляется, степень такой дифференциации в газете «ВД» особенно высока.

Еженедельное издание «Нарвская газета» является представителем городской печати. «НГ» издается в городе Нарва, объемом 15 страниц, выходит два раза в неделю тиражом 4 800 экземпляров (по данным на 2006 год) [<http://www.eall.ee/tiraazhid/2006.html>]. Газета направлена, прежде всего, на всестороннее отражение жизни города и отчасти северо-восточного региона. Регулярно в номере публикуются материалы читателей, сообщения, касающиеся мировой и российской истории, а также объявления, которые занимают предпоследнюю страницу номера. Узкая направленность и наличие конкретной стабильной аудитории газеты позволяет ей охватывать множество «оригинальных», важных событий и представлять их предельно информативно. Газета носит более сдержанный (в сравнении с «МЭ» и «ВД») с точки зрения наличия цветных фотографий (как правило, на первых полосах) и рекламы характер.

Хорошо структурированной, красочной является русскоязычная версия эстонской общегосударственной ежедневной, популярнейшей среди эстонских читателей газеты Postimees — «Postimees на русском языке» (далее «ПРЯ»). В свет первый номер «ПРЯ» вышел 7 ноября 2005 г. тиражом 10 000 экземпляров. В апреле 2007 года ее тираж составил 20 300 экземпляров [<http://www.eall.ee/tiraazhid/2007.html>]. По сути, материалы, печатающиеся на 16 страницах номера, представляют собой переводы из эстоноязычного оригинала. Эта газета распространяется только в столице (однако, подписаться на «ПРЯ» можно по всей Эстонии). Материалы, публикующиеся на страницах газеты, многогранны. Первые две полосы отданы новостям Эстонии, следующие две – Таллинна, далее размещаются культурные, зарубежные известия, материалы легкого характера, программа передач, рубрика «Досуг», прогноз погоды и кроссворд, гороскоп. Поскольку «ПРЯ» является переводным изданием, то его тексты новостей к собственно лингвистическому анализу привлекались минимально.

Общественно-правовая радиостанция «Радио 4» (далее «Р 4») является четвертой программой Эстонского Радио (Eesti Raadio), вещающей преимущественно на русском языке (а также час в неделю на украинском (по субботам) и белорусском (по воскресеньям) языках, час в месяц на армянском и иврите) [Avalik-õiguslik ringhääling Eestis: 2001, 100]. Эта радиостанция занимает третье место по популярности у радиослушателей Эстонии; «Радио 4» — самое «слушаемое» среди русской части населения (при этом 3 % эстоноязычной аудитории отдавало предпочтение этой станции в течение 15 минут в неделю) [Avalik-õiguslik ringhääling Eestis: 2001, 106]. Трансляция осуществляется круглосуточно и сетка вещания

покрывает территорию всей республики и даже частично северной Латвии. Последние два года отдельные передачи «Радио 4» можно слушать в Интернете (www.r4.ee). С недавнего времени портал позволяет новости не только слушать (однако, не синхронно, а в «архиве на час»), но и сохранять их (скачивать). В основном передачи, звучащие в эфире «Р 4», адресованы широкой аудитории с преимущественной ориентацией на слушателя среднего и старшего возраста. Поэтому они разнообразны по тематике и проблематике и носят информационно-просветительский характер. Новостные блоки выходят в эфир по будням с 6 до 9 часов утра каждые полчаса, далее (до 00:00 часов) ежечасно. По выходным, особенно в воскресенье, удельный вес информационных выпусков снижается. В практике работы «Р 4» распространенными являются пяти-десяти-минутные выпуски новостей. По будням с 16 до 17 часов эфир предоставляется информационной программе российского радио (вещающего из Санкт-Петербурга) «Время свободы». Затем в 19.00. выходит получасовая программа «Эхо дня». Как правило, информационный блок состоит из «новостей по нашей стране», «из-за рубежа» и «прогноза погоды».

Сетка вещания русскоязычного «Радио 100 FM» (далее «Р 100FM») покрывает северный и северо-восточный районы Эстонии. Программы, транслируемые этой частной радиостанцией, носят синкретичный характер и в основном направлены на молодого слушателя. «Р 100FM» работает в формате круглосуточного вещания музыки и «легкого материала», между которыми каждый час выходят новости [Raadioajakirjandus 1997]. Как правило, информационный выпуск длится от трех до пяти минут, а передаваемые сообщения, касающиеся не только жизни Эстонии, носят по преимуществу сенсационный характер.

Online-версии прессы, газет «МЭ» и «ВД» в частности, сетевое вещание «Р 4» конкурируют с информационными порталами, одним из которых является Delfi (www.delfi.ee), функционирующий на эстонском, русском (www.delfi.ee/rus), латышском (www.delfi.lv) и литовском языках (www.delfi.lt). Русскоязычный информационный портал предоставляет новости из разных областей как местного, так и мирового характера. Помимо собственно новостей, на сайте помещены развлекательные сообщения, реклама, ссылки на другие web-страницы. Кроме того, портал позволяет заказывать услуги для мобильного телефона и создавать личный электронный почтовый адрес. Специфика портала Delfi состоит в том, что вся новостная информация может обновляться дважды в день, а также храниться в

долговременных архивах, свободный доступ к которым открыт для посетителей сайта.

Материалом для анализа послужили и тексты телевизионных новостей Первого Балтийского канала (ПБК), однако, в своей интернет-версии (www.1tv.ee). Сам телевизионный канал функционирует в трех Прибалтийских странах: в Литве и Эстонии – шестой год, а в Латвии он имеет девятилетнюю историю. ПБК вещает 18 часов в сутки, а его программа состоит на 2/3 из оригинальных материалов самого рейтингового канала России (Первого канала) и 1/3 составляют купленные программы. На web-странице ПБК размещена информация о том, что вещаемая им телепрограмма едина (за понятным исключением в разнящихся рекламных роликах и некоторых «своих» передачах) для Литвы, Латвии и Эстонии. Добавим, что информационные передачи «Литовское время», «Латвийское время» и «Новости Эстонии» записываются в студии в Риге, но на основе оригинальных материалов, присланных журналистами-корреспондентами из каждой страны. Интересно, что дикторы программ одни и те же, одинаково оформление студий, музыкальное сопровождение выпусков, аранжировка новостных блоков (в начале новости по нашей стране, затем из соседних Прибалтийских республик). Ресурсы сайта канала позволяют смотреть информационную программу «Новости Эстонии» в сетевом режиме (архивной записи). Однако теперь здесь не размещаются печатные тексты той или иной новости, выходящей в телеэфир (как это было до 2006 года). «Новости Эстонии» длятся около 25-ти минут эфира.

Новости «Актуальной камеры» (далее «АК») общественно-правового канала ETV выходят ежедневно и длятся около 20 минут. В выпуске отражаются основные события Эстонии, зарубежные новости (как правило, анонского характера), за ними следуют снова местные, менее важные сообщения, далее спортивные и погодные. Формат программы совпадает с «Актуальной камерой» на эстонском языке. Примерно половина материала копируется с эстоноязычного оригинала, другая половина – работа корреспондентов русской редакции. При этом 57 % новостей являются т. н. «запланированными», т. е. почерпнутыми из специальных информационных баз данных [Vassiljev: 2004, 74]. Это, думается, позволяет тщательнее обрабатывать тексты, из которых komponуется выпуск. Русскоязычная редакция новостей «АК» в следующем году отметит 50 лет со дня возникновения. Уже несколько лет «АК» (на эстонском и русском языках) можно смотреть в сетевом режиме на страничке <http://www.etv24.ee/index.php?0534940>. Этот ресурс канала на русском языке начал свою работу весной 2007 года, ранее же интернет-новости на

русском языке размещались в одном перечне с эстонскими. Русскоязычная «АК» архивируется лишь в количестве выпусков за один месяц, тогда как все программы «АК» на эстонском языке хранятся в архиве с 2004 года до настоящего момента.

Итак, материалом нашего исследования послужили тексты новостей (хроникальной информации) газет «Молодежь Эстонии», «Вести дня», «Нарвская газета», «Postimees на русском языке», радиотексты кратких новостей, прозвучавших на «Радио 4», новостные тексты, размещенные на портале Delfi, а также на интернет-сайтах Eesti Televisioon. Кроме того, для анализа были привлечены некоторые тексты новостей радиостанции «Радио 100 FM» и телепрограммы «Новости Эстонии» (Первого Балтийского канала), вошедшие в анализ на предыдущих этапах. Корпус практического материала насчитывает около 2000 текстов новостного типа.

Обобщая все вышесказанное, попытаемся дать перечень основных экстралингвистических факторов, влияющих на формирование новостных текстов.

I.7. Экстралингвистические факторы, влияющие на организацию текста новости

Проблема вычленения экстралингвистических факторов языковой организации текстов разных жанров входит в компетенцию функциональной стилистики (см., например, работы [Кожина 1983, Васильева 1982]). В работах, посвященных типологизации речи, языка [Будагов 1967, Барнет 1988, Краевская 1981], изучению языка СМИ (например, [Сметанина 2002, Дроняева 2003]), также поднимается вопрос формирования медиа-текста с учетом внеязыковой ситуации. Достаточно целостная парадигма экстралингвистических факторов, определяющих языковую выраженность газетного текста, была предложена М. А. Гвенцадзе. Данный автор настаивает на том, что «глобальный экстралингвистический контекст предъявляет к языковой организации речевого жанра, функционирующего в той или иной сфере общения, определенные коммуникативно-прагматические требования» [Гвенцадзе: 1986, 143]. Под глобальным внеязыковым контекстом исследователь понимает взаимодействие социальной ситуации с тем или иным речевым жанром [Там же, 102]. Раскрыв эти параметры, автор выделил ряд требований в отношении газетных текстов: 1) фактографичность сообщения, заключающееся в отражении явлений

актуальной для реципиента действительности, 2) уплотнение информации, зависящее, прежде всего, от «вместительности» рабочего пространства, обусловленного, в свою очередь, фактором специфики канала, 3) чередование стандартности и экспрессивной вариативности, вызванное фактором адресата, 4) достоверность, обусловленная официальной сферой общения, 5) оперативность, сокращение дистанции между временем события и временем адресата, 6) монологичность, связанная с отсутствием обратной синхронной связи, 7) предварительная обработка материала, связанная со спецификой медиа-канала, 8) идейная, идеологическая позиция, которая реализуется через прагматическую категорию оценки [Там же, 145- 150]. Как мы видим, перед нами, по сути, перечень ряда экстралингвистических факторов.

Обобщая имеющиеся наблюдения разных исследователей (в частности, систематизацию экстралингвистических факторов в курсе университетских лекций по функциональной стилистике В. П. Щадневой) и собственные наблюдения, попытаемся предложить максимально полный перечень значимых для организации текста экстралингвистических факторов:

- форма речи (устная, письменная),
- вид речи (монолог, диалог),
- тип речи (повествование, рассуждение, описание),
- тип текста,
- сфера / условия общения,
- специфика медиа-канала (радио, газета, ТВ, Интернет),
- подготовленность / спонтанность речи,
- временная ограниченность подачи материалов,
- пространственные возможности,
- массовость, гетерогенность аудитории,
- конкуренция в СМИ,
- социально-экономический контекст,
- глобализация языка и медиа-пространства,
- интеллектуально-психологические характеристики (образоват. ценз, кругозор, темперамент, настроение автора),
- «внутренняя предвзятость», т. е. убеждения адресанта и адресата (как социальных субъектов) [по Т.ван Дейк: 1989, 137],
- физиологические признаки (пол, возраст),

- происхождение текста (авторство),
- «социальная роль» (специфика профессии, возраст, территория проживания говорящего) [ЛЭС: 1990, 413],
- языковая мода.
- языковой вкус, языковое чутье,
- уровень самоидентификации этноса (культура и степень духовности языковой личности, принадлежащей данному этносу),
- инвентарь невербальных коммуникативных средств.

Приведенный перечень внеязыковых факторов хорошо демонстрирует, насколько сложен и неоднозначен процесс формирования текста. Вряд ли целесообразно иерархизировать эти факторы, ведь они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Строгое деление их на группы представляется нам принципиально невозможным, поскольку они составляют целостный комплекс. Например, вне зависимости от индивидуального автора существуют определенные типы речи, однако их воплощение в конкретную речь всегда осуществляется человеком с теми или иными знаниями, умениями, навыками; социально-экономический контекст значим как для мира, страны, общества, так и для отдельного человека с его вкусами, духовными потребностями, возрастными и т. д. признаками. Сказанное демонстрирует, насколько тесно переплетаются все факторы. Можно наблюдать тенденцию тяготения первых тринадцати к более объективным, всех остальных – к более субъективным, однако о строгом разграничении, на наш взгляд, говорить нельзя.

Текст, речевое произведение облекается в ту или иную жанровую форму, когда приспособится к коммуникативной ситуации, приобретя определенную композиционную и словесную форму [Папина: 2002, 13]. Основными «механизмами» такого приспособления выступают: ресурсы языка, ориентация на конкретного адресата (который является безусловным участником коммуникативного акта), учет в целом сферы речевого акта коммуникации. И выбирает, и создает ту или иную вербальную (и невербальную) форму человек, автор, адресант с присущими ему социальным статусом, психо-физиологическими свойствами, интенциями, знаниями. Таким образом, говорить о доминировании каких-либо факторов неправомерно.

Приведенная выше характеристика языка СМИ в целом, новостного текста, разных информационных каналов может рассматриваться как общая, отражающая тот факт, что язык СМИ – это результат взаимодействия языковых и

экстралингвистических показателей. Более детальный анализ отдельных компонентов этой общей системы представлен в следующих частях магистерского сочинения. Рассмотренные выше разнообразные экстралингвистические факторы всегда проходят через призму авторского взгляда, субъекта, именно категория субъекта является базовой, без нее не действуют никакие другие, поскольку без автора нет речи. Как уже отмечалось во введении, роль субъективного фактора для современных СМИ чрезвычайно значима. Соответственно, далее мы и остановимся специально на этом аспекте.

Часть II. Роль экстралингвистических факторов в формировании текстов новостей (на материале эстонских СМИ на русском языке)

II.1. Субъективность в языке и речи

II.1.1. «Образ автора» как лингвистическое понятие

Talis hominibus fuit oratio, quails vita
(“Каков человек, таковы его речи”)

Человек — разумное существо, наделенное способностью воспринимать и осмысливать универсум посредством языка и речи. Современное языкознание зиждется на «четырёх китах», или на фундаментальных языковых свойствах — «исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно структурных основах <своего> устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [Караулов: 2002, 15]. Долгим, напряженным, полным коллизий был путь к осознанию и синтезу данных характеристик в лингвистической парадигме. Но за каждой из этих научных идей стоял человек и его сосуществование с языком, в языке. Под знаком «языковой личности» в роли организующего начала, объединившем эти свойства, и развивается современная наука о языке.

Попытки такого объединения, приписывания языку системности, пусть и непоследовательные, в виде «озарений», как предполагают историки науки, возникают уже в XVII — начале XVIII века (трактат Дж. Вико «Основания новой

науки об общей природе наций», работы Кондильяка «Опыт о происхождении человеческих знаний» и «Трактат об ощущениях»). Так, в «преднаучную» эпоху (XVIII в.) М. В. Ломоносов видел «психическую природу языка в том, что «чувствительные в мире вещи, действуя купно на ум наш, поощрили человека к скорому и краткому их сообщению посредством слова» [цит. по Караулов: 2002, 22]. Социальность языка выростала из его представлений, «что слово дано человеку «для сообщения с другими своих мыслей», что язык нужен людям для «согласного общих дел течения», а мысли Ломоносова о переменчивости всего сущего на земле, и языка в том числе, наводили ученого на идею исторической обусловленности и последнего [Там же]. С середины XIX века в научной и литературно-критической среде высказывались мысли о роли «Я» повествователя, существования некоего «языкового сознания», о точке зрения автора-рассказчика, которые обсуждались в аспектах философии, эстетики и психологии. Филологическими дискуссиями 20-х годов прошлого столетия, а также трудами по поэтике и стилистике были «заложены основы теории текста и антропоцентрического взгляда на язык» [Золотова, Сидорова, Онипенко: 1998, 20]. Как отмечают авторы цитируемой работы («Коммуникативная грамматика русского языка»), «к «образу автора» В. В. Виноградова, к «точке зрения» М. М. Бахтина восходят плодотворнейшие идеи нашего века, открывшие подступы к структуре текста» [Там же, 20]. О неповторимом положении человека в языке писал Э. Бенвенист в одном из разделов своей книги «Общая лингвистика» «О субъективности в языке»: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, — понятию «Это — мое я». «Субъективность», о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представить себя в качестве «субъекта» [Бенвенист: 1974, 294]. В качестве дополнения теории языка как социального феномена «Бенвенист выдвинул теорию языка как возможности реализации личностного начала человека» [Арутюнова: 1999, 648]. Такой подход к языку разделяет Ю. С. Степанов и определяет его как «антропоцентрический принцип», отмечая в свою очередь, что субъективностью в языке следует называть «способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, отражаясь в самом языке в виде особой черты его устройства <...> За субъективностью вскрывается, таким образом, еще более общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов: 1975, 50].

Центром нашего внимания является адресант. При этом важно подчеркнуть, что в аспекте проявления «Я» в речи (в языке) необходимо учитывать существование объекта, или Другого и его взаимодействие с говорящим (пишущим). Как пишет Н. Д. Арутюнова, «человек представляет собой не только существо говорящее (*Homo loquens*), но и означающее (*Homo significans*). Очевидно, что он может означать, только если Другой способен воспринимать. Взаимодействие этого рода невозможно без языка» [Арутюнова: 1998, 647]. Некто Другой выступает в роли посредника в отношениях между мной и самим собой, Он открывает «Я» себя как объект, благодаря чему возможно познать себя в своем сознании. И, тем не менее, «Эго» и «Другой» радикально чужды друг другу [Там же, 648]. Думается, что даже человек, который ведет дневниковые записи, адресат которых исключительно он сам, не самодостаточен как автор, поскольку не в силах абстрагироваться от Другого.

Итак, речепорождение предполагает ориентацию автора на реципиента, что позволяет констатировать: речевой акт и коммуникативное пространство в целом формируют адресант и адресат. Ряд ученых отмечают, что в публицистическом творчестве категория адресата весомее, нежели в творчестве иных типов, поскольку здесь он выступает не только в роли интерпретатора сообщения, но и как соавтор текста. Самостоятельно высказанная нами ранее точка зрения о том, что «предзнание» автора-журналиста о потенциальной аудитории влияет на процесс создания текста, на основе чего реципиент становится одним из внеязыковых условий коммуникации, нашла подтверждение, и конкретизируется, в частности, Л. В. Хочунской. Исследовательница пишет: «Концепция адресата, созданная в сознании журналиста, неизбежным образом влияет на творческий процесс по созданию текста, воздействуя в ходе этого процесса на замысел публицистического произведения, на способ и форму его воплощения. Ибо с самого начала творческого акта по созданию публицистического текста автор, имея в сознании концепцию адресата или созданный им образ читателя, вступает в непрекращающийся диалог с этим образом читателя» [цит. по Дускаева: <http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0060&lang=rus>]. Вышесказанное так или иначе ложится в основу более частной проблемы взаимоотношений автора медиа-текста и адресата (аудитории), которая достойна отдельного большого исследования. Мы же лишь коснемся некоторых ее аспектов.

Ясно, что научный (филологический, в частности) интерес к человеку имеет давнюю традицию и подкрепляется многочисленными трудами как российских (А. А. Потебня, В. В. Виноградов, Б. Де Куртенэ, Н. Д. Арутюнова, Р. А. Будагов, Ю. Н.

Караулов и др.), так и западных исследователей (О. Есперсен, Ш. Балли, В. Гумбольдт, Э. Бенвенист, Г. Гийом, Э. Косериу и др.). Это интерес к человеку «и в обобщенно-историческом смысле как создателю языка, воплощающего картину мира, и в конкретном тексте как к говорящему лицу, производителю данного текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова: 1998, 20]. В центр коммуникативной концепции языка помещен человек как субъект речевой деятельности и социального общения, или мыслящий и говорящий субъект, в сферу которого входит взаимодействие языка как системы и текста [Там же, 477].

В русле этого подхода появляется принципиально новая, на первый взгляд, концепция, предложенная Б. М. Гаспаровым, по которой субъект представлен не просто как мыслящий (и) говорящий, но как живущий в языке. Известно, что абсолютно любой текст рождается благодаря коммуникативным интенциям субъекта речи. По мысли Б. М. Гаспарова, речевое произведение — высокой ли поэтической ценности или в виде случайной тривиальной реплики — является частицей «непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [Гаспаров: 1996, 10], к которому восходит гигантский «цитатный фонд» [Там же, 105]. При этом, как отмечает исследователь, коммуникативные намерения автора «всегда множественные и противоречивые и никогда не ясны до конца ему самому» [Там же, 10]. В непосредственном акте коммуникации воплощенное из мысли высказывание «представляет собой компромисс между тем, что говорящий «намеревался» высказать <...> и тем, что «получилось» в силу свойств использованного языкового материала» [Там же, 106]. Но тогда, как нам кажется, роль человека, автора текста сводится к лавированию в языке как мнемонической среде в бесконечных поисках словооформления своим мыслям (или, может быть, тоже не своим?). В таком случае в текстопорождении сложно усмотреть процесс творческий, не шаблонный. На наш взгляд, рефлексия над авторством той или иной языковой продукции (текста) становится бесплодной, схоластической. Многоликость образа автора приводит к аморфности самой категории. Как бы категорично ни выглядело сделанное выше заключение, но, соосмысляя вместе с Б. М. Гаспаровым феномен взаимодействия языка и языковой личности, трудно принять следующую спорную точку зрения исследователя: «языковое общение протекает в виде непрерывных соприкосновений различных языковых личностей, в ходе которых они взаимно инкорпорируют в себя языковой опыт партнера <...> пробуждая многообразные и сугубо индивидуальные отклики в своем языковом мире, а не регистрируют в качестве зарегистрированных «новых» языковых сведений» [Гаспаров: 1996, 115]. В любом случае, появление

такой концепции, автором которой стал известный ученый, свидетельствует о чрезвычайной сложности проблемы субъективности в языке, тексте. Безусловно, ее трудно решить в рамках нашей работы.

Говоря о проблеме человека в языке и речи, стоит еще раз вспомнить гумбольдианский психологический подход к языку, при котором язык — это продукт психофизической деятельности человека. Вместе с этим важно учитывать и другие результаты, полученные в ходе развития языкознания, в частности, необходимость изучения языка во взаимосвязи со средой, в которой он функционирует «в процессах межличностной, массовой и человеко-машинной коммуникации» [Там же, 8]. В этом ключе становится очевидным, что текст предстает основной коммуникативной единицей, на фоне которого фигура говорящего (пишущего) становится более выраженной.

Известно, что в процессе речевой деятельности человек передает некоторую информацию о своей позиции, точке зрения, об ориентации в мире, в конкретной ситуации, личные интересы, что в свою очередь ложится в основу понятия прагматики языка [Шелякин: 2004, 383]. Так, М. А. Шелякин выделяет семь главных типов прагматики языка: выражение «1. ориентации говорящего в условиях речевого акта, 2. интерпретации сообщаемого события по отношению к языковой действительности, 3. рационально-ценностной интерпретации сообщаемого события или его компонентов, 4. экспрессивной интерпретации, 5. информационной интерпретации, 6. приоритетно-смысловой интерпретации компонентов события, 7. коммуникативно-целевого назначения речевых актов». При этом каждый из типов имеет ряд особых подтипов, что указывает на широкое понимание им субъективности. По мысли цитируемого исследователя, сама информация изначально субъективна, существует в сознании человека как нечто реальное в виде «идеального феномена» [Шелякин: 2002, 46] и «носит эгоцентрический характер, заключающийся в том, что она отражает события и их компоненты с точки зрения говорящего и по отношению к говорящему как субъекту сознания» [Там же, 48].

В рамках настоящего исследования мы исходим из иного, более узкого понимания субъективности — в смысле представления, экспликации субъекта речи, проявления автора и его влияния на текст, в частности, текст информационно-публицистического подстиля. Между тем, как кажется, уже сейчас следует отметить, что в процессе нашей работы понятия «субъект речи» и «образ автора» нередко используются синонимично. В результате такого наложения неизбежно и у автора настоящего сочинения, и у его читателя возникают трудности терминологического и

смыслового характера. Лингвистическое понятие личности в языке, субъекта, образа автора, образа ратора, авторского начала не является каким-то однозначным, поскольку, как отмечает Ю. Н. Караулов, слишком долго над языкознанием тяготело сосюроевское «язык в самом себе и для себя» [Караулов: 2002, 48]. Помимо этого определенный отпечаток на объяснение и понимание образа автора накладывает литературоведение, в недрах которого первоначально возникла и стала описываться (акад. В. В. Виноградовым) интересующая нас категория. Новизна и многоаспектность рассматриваемого (в литературоведении и языкознании) явления обуславливает изначальное (со)существование разных подходов и частных проявлений субъекта.

По замечаниям Н. С. Валгиной, понятие «образ автора» высвечивается лишь при вычленении таких, более конкретных понятий, как «производитель речи» и «субъект повествования». Через форму, избранную производителем речи, создается субъект повествования, который становится фундаментом построения образа автора, что, по оценке исследовательницы, является «высш<ей> форм<ой> индивидуализации авторства в градации «производитель речи — субъект повествования — образ автора». Такая дифференциация поможет избежать смешения и смещения этих связанных друг с другом понятий» [Валгина: [http://www.hi-edu.ru/x-books/...](http://www.hi-edu.ru/x-books/)]. Так, «воплощенное в речевой структуре текста личностное отношение к предмету изображения и есть образ автора, тот цемент, который соединяет все элементы текста в единое целое» [Там же]. А это, пишет Н. С. Валгина, «концентрированное воплощение сути произведения» (В. В. Виноградов) или «нравственное самобытное отношение автора к предмету изложения» (Л. Толстой) естественно в словесном произведении создается через словесные построения» [Там же]. Автора публицистического текста характеризуют отношение к социальной действительности и связанное с ним отношение к текстам (речи) [Солганик 2007: 15]. Кроме того, автор цитируемой работы, указывая на двунаправленность идеи «образа автора», говорит о возможности изучения последнего в ракурсе читательского восприятия. Поэтому «этот образ может подвергаться деформации или разные образы могут поддаваться типизации, приобретая типологические характеристики» [Валгина: <http://www.hi-edu.ru/x-books/>]. Суть скрупулезно описываемого в важной для нас работе Н. С. Валгиной понятия остается, по-видимому, до конца непроясненной. Кажется, что выстроенная иерархия из реального создателя, субъекта речи и образа автора не всегда работает. Несомненно, «образ автора рождается через восприятие личности автора, отраженной в его

сочинениях» [Там же]. Поэтому о личности автора в тексте новостей говорить сложно, однако вопрос о субъективности, в той или иной степени присущей им, в последнее время исследователями медиа-дискурса ставится во главу угла.

Одна из задач нашей работы — определить, каков субъект речи медиа-текста. Ввиду этого далее остановимся на формах авторизации таких текстов.

II.1.2. Авторизация новостного дискурса: типы и формы

Анализ материала показал, что одним из существенных неязыковых условий формирования текста новостного типа является его полисубъектность, влияющая на особенности эвиденциальности и типы авторизации (персонификации) информации.

Говоря об авторстве текста новости, мы сталкиваемся с рядом вопросов, острейшим из которых стал следующий: можно ли вообще искать в них их автора? Истинность сообщаемого в новостях, достоверность и фактографичность информации предполагаются изначально в силу жанровой традиции; они подсознательно работают и при продуцировании, и при восприятии текста. Ссылаясь на точку зрения Т. С. Дроняевой [Дроняева 2003], отметим, что модус засвидетельствованности особенно актуален для современного новостного дискурса. «Суть такого модального значения состоит в том, что основное высказывание, содержащее констатацию факта, сопровождается элементом текста (вводным словом, частицей, частью сложного предложения, отдельным предложением), указывающим на источник информации» [Там же, 294]. Источники информации, упомянутые в тексте, могут переплетаться и складываться в многоуровневые модальные рамки. В этом и заключается трудность обнаружения и толкования категории автора, субъекта новостного текста.

На основе наблюдений над собранным материалом с целью определить, каким образом персонифицируется информация в текстах новостей, мы предприняли попытку типологизации автора. Ее результаты отражаются в нижеследующей классификации, основой которой послужили наши наблюдения и специальное исследование Е. В. Осетровой (о котором было сказано в одном из разделов теоретической части).

I. Эксплицированный автор:

I. 1. Инкорпорированный, т. е. «внутритекстовый» автор:

- а) единоличный автор, которому принадлежит высказывание: *Министр финансов Тави Вескимяги и министр социальных дел Марко Померантс на прошлой неделе заявили, что...* (Радио 100 FM, 25.02.05), *заведующая тартуской Ратушной аптеки Тийа Кярнер сказала, что...* (Delfi, 28.11.05), *по словам Ильвеса* (Delfi, 08.11.06), *сказал председатель Собрания офицеров запаса Эстонии капитан Хейно Пийсару* («МЭ», 09.11.06);
- б) «корпоративный» (СМИ) автор — указывается на определенную редакцию, информагентство, телекомпанию, радиостанцию, портал: *Как сообщило агентство Синьхуа со ссылкой на южнокорейское телевидение...* (МЭ, 27.01.03), *Передает газета Helsingin sanomat* (Delfi, 20.11.06) и др.;
- в) «коллективный» автор, обозначаемый через указание на принадлежность к группе, некоему целому, объединенному общим признаком: *Синоптики прогнозируют, что...* («Радио 100 FM», 25.02.05), *Реформисты считают, что..., представители партии Эдгара Сависаара утверждают, что...* (www.1tv.ee, 14.03.05), *по словам представителей Ватикана...* («Р 100 FM», 25.02.05), *...уточнили на Далморстрит* («Р 4», 27.05.05), *по мнению разработчиков* (Delfi, 11.04.05), *по оценке профсоюзов* («АК», 01.05.06); *Польша заявила* («АК», 30.04.06);

I. 2. Неинкорпорированный, т. е. «затекстовый» автор:

- а) единоличный (индивидуальный) автор — (теле-, радио-) диктор или корреспондент: *Подробности у нашего корреспондента Вадима Белобровцева* («Новости Эстонии», 14.03.05); *В эфире служба информации Эстонского Радио. У микрофона Сергей Кудрин. Добрый вечер!* («Радио 4», 9.01.05, 21:00); *Максим Рогальский* (идентифицирующая корреспондента подпись в нижнем углу экрана, «Актуальная камера», 2.05.06)
- б) «корпоративный» автор выражается ссылкой (ссылками) за текстом новости (*Postimees, НГ, Delfi, BNS, ETA, РИА Новости, BNS/PM, New Scientist.com* и т. д.);
- в) неидентифицируемый автор обозначается формально выраженным под основным (газетным) текстом источником, однако он неясного происхождения: например, *membrana, Wired, Novo News, mk* и др. — встречаются наиболее часто в «НГ».

II. Неэксплицированный автор, косвенно, обобщенно обозначаемый внутри текста

а) «скрытый» автор — отсылка к источнику, который при этом не конкретизируется, остается завуалированным: *по словам свидетелей...* («Р 100 FM», 25.02.05), *по словам очевидцев...* («МЭ», 27.01.03), *заявил неизвестный ответственный иранский чиновник* («Р 4», 24.05.07);

б) «неопределенный» автор — позиция источника как субъекта не заполнена, используются безличные, неопр.-личные конструкции (при этом семантическая неопределенность подкрепляется формальной): *как известно,...* («Р 4», 23.10.03), *согласно прогнозам,...* («Р 4», 09.01.05), *сообщается, что...* («Р 100 FM», 25.02.05), *по уточненным данным, ...* («МЭ», 27.01.03), *было объявлено, что...* («Р 100 FM», 25.02.05), *по последним данным* («Р 4», 09.11.06); а также когда источником информации оказывается «канал» слухов, сплетен: *По одной из существующих версий,...* (www.1tv.ee, 07.03.05) и в газете «ВД» (11.04.05) в типичных высказываниях модусной рамки (*В Лондоне ходят слухи, что...* (14.04.05); *Говорят, что Пугачева стала ...*, *Говорят, что следующая «оранжевая» революция будет в Израиле; по слухам, в окружении нынешнего премьера...* (11.04.05) в последнем случае подкрепленные, однако, и жанровой рубрикацией номера «ВД»– «Версия вместе с Daily News»);

в) «нулевой» автор — авторство в тексте не эксплицируется, с трудом (или вовсе не) устанавливается: частотно в газетах (когда, например, не указывается источник новости или о нем можно лишь догадываться, приписывая авторство ведущему рубрики, составителю страницы, реже — под «фото-новостью» расположенный комментарий остается без формального автора; к этой группе относятся отчасти и тексты прогноза погоды;

г) «предтекстовый», не обозначаемый в тексте, но очевидный: редакция того или иного СМИ (редакция программы «Актуальная камера» и пр.).

Представленная классификация многокомпонентна, отражает все способы обнаружения авторства информации. На наш взгляд, она относительно закончена и способна носить прикладной характер (что будет показано ниже на конкретном материале). Уже сейчас напрашивается вывод о том, что в настоящий момент как в российских, так и в местных масс-медиа указание авторства (источника

информации) по-прежнему обязательно и выступает «строевым элементом» информационного текста [Дроняева: 2003, 302].

Говоря о субъективности, добавим, что специфика жанра хроникальной информации, обусловленная коммуникативно-стилистическим требованием обезличенности, сухости, объективированности подачи сообщений, нивелируется. Все настойчивее в новостные тексты проникает аналитика, когда об авторе рассматриваемого текста сложно говорить как о подчеркнуто самоустраняющемся и выступающем в роли беспристрастного ретранслятора информации. Аудитория же, являющаяся получателем продукта ретрансляции, может в процессе восприятия вносить свои представления об авторе. Так, например, телерепортер ассоциируется с представительным авторитетным источником, видится обладателем фактов, знанием и тем, кто наделен правом проинформировать [N. Fairclough: 1995, 4]. Это означает, что он компетентен в теме, о которой ведет речь, и может и, очевидно, должен в той или иной степени латентно высказывать по ней свои суждения.

Нельзя не согласиться с тезисом В. И. Конькова, что автор как (прежде всего) реальная личность является носителем определенной программы построения текста, авторской интенции, которая реализуется при формировании речевой структуры произведения, он управляет речевым действием с целью достижения желаемого образа своего «я» [Коньков: 1995, 12]. Поэтому непосредственно грамматический анализ языка текстов масс-медиа, как пишет Т. ван Дейк, раскрывает общую направленность сообщений отдельного журналиста или также всей редакции. «Синтаксис предложения отражает распределение семантических ролей участников события: либо порядком слов, либо различным функциональным соотношением элементов субъект – объект, либо использованием активных и пассивных форм ... журналисты стараются использовать «понимающие» синтаксические структуры <типа *демонстрант убит полицией — полиция убила демонстранта — демонстрант убил* (demonstrator killed), когда одно значение налагается на другое *демонстрант убит* — вставка наша, В. П.-И.> и имплицитные обороты, чтобы затушевать отрицательные роли правящей элиты» [Т. ван Дейк: 1989, 125].

Чтобы получить более полное представление о «местном» субъекте речи, и вместе с тем, о влиянии фактора авторизации, обратимся к примерам.

Рассмотрим несколько новостных текстов газетных, радио- и теленовостей. Они характерны для повседневной журналистской практики, типичны с точки зрения влияния типа авторизации на текст в целом.

Приведем один из них:

Комфорт для студента

Условия проживания иногородних студентов в Таллинне являются чрезвычайно плохими. Столичные власти ничего не предпринимают для решения этой проблемы, утверждает союз, объединяющий студенческие представительства.

Союз сообщил, что серьезно обеспокоен неудовлетворительными условиями в общежитиях. В сентябре прошлого года союз, объединяющий практически всех студентов страны, выступил с обращением в адрес министра образования и науки, а также членов парламентской комиссии по культуре, в котором указал на недостаточное количество мест в общежитиях. Союз обратил внимание и на то, что общежития столичных вузов находятся в плачевном состоянии. «За полгода решение о выделении необходимых средств так и не было принято. Сложно сказать, когда студенты столичных вузов смогут жить в человеческих условиях», – отметил председатель правления союза Хейки Лемба. **BNS**

Данный текст был опубликован в еженедельной газете «МЭ» (за 3.04.06) и размещен в правом нижнем углу третьей полосы.

Эксплицированный автор данного текста является *неинкорпорированным «корпоративным»*, представленным информагентством BNS (от Baltic News Service). Этот официальный, авторитетный, известный продуцент новостей в Прибалтике остается обобщенно-абстрактным, в высокой степени редуцированным, что направлено на повышение объективной окраски передаваемого. Такая позиция авторской абстрагированности проявляется в структуре исследуемого типа текста. Он состоит из заголовка, зачина, в котором реализуется категория главного события, далее следует фоновая информация (второй абзац) и в заключении комментарий участника события. Кроме того, при построении текста выдерживается модель «перевернутой пирамиды»: в зачине раскрывается суть события — что, когда и где произошло, далее информация фрагментируется, детализируется. И все же данная новость есть не факт, происшествие, а чье-то, в данном случае некой структуры («союза, объединяющего практически всех студентов страны»), мнение. Текст выдержан в стиле хроникальной заметки, для которой свойственно наличие не индивидуализированного автора, а обобщенного (1 и 3), официального, отдаленного (2). Этому способствуют и введенные модальные рамки:

1) Союз сообщил, что серьезно обеспокоен условиями в общежитиях.

2) «...Сложно сказать, когда студенты столичных вузов смогут жить в человеческих условиях», — отметил председатель правления союза Хейки Лемба.

3) BNS.

Глагол *сообщать* уместен, по [Гловинская: 2000, 414], когда передается новая информация, в случае с неординарным событием, сохраняющим свою актуальность на момент сообщения. Однако, в данном случае ничего нового сообщено не было (из контекста ясно, что вопрос о состоянии общежитий обсуждается уже как минимум полгода); уместнее было бы здесь употребить глагол (также со значением передачи информации) *высказался* (или словосочетание *высказал мнение*). Глагол *отметить* обладает в данном контексте, как кажется, семой 'указания, сообщения о каких-либо дополнительных признаках'. Представленный субъект не может заверять, даже сообщать, а лишь снова выразить мнение, оценку. Введенные в структуру текста «коллективный» и «индивидуальный» типы автора не придают информации фактографичности, делают ее неопределенной. Такая неопределенность поддерживается и другими средствами, в частности – лексическими. Использование таких слов и словосочетаний, как:

*условия проживания чрезвычайно плохие,
условия в общежитиях неудовлетворительные,
общежития в плачевном состоянии,
жить в человеческих условиях,
власти ничего не предпринимают,
союз, объединяющий студенческие представительства страны,
союз, объединяющий практически всех студентов страны,
недостаточное количество мест,
о выделении необходимых средств*

закljučают в себе оттенок приблизительности, неопределенности и, как следствие, демагогии. Автор не определится, с каким союзом он имеет дело, использует громоздкие описательные конструкции, хотя у этой организации есть название – «Союз студенческих обществ Эстонии». Эпитеты, характеризующие условия проживания студентов, делают информацию не содержательной, а эмоциональной. Читателю непонятно, какие же эти условия: неудовлетворительные или плачевные,

доходящие до нечеловеческих. Нет фактов, поддающихся таким оценкам. В то же время автор-журналист предваряет текст своим заголовком (Комфорт для студента), являющимся по характеру оценки явным диссонансом по отношению к содержанию текста. Можно заключить, что отмеченные неопределенность, нефактографичность, рассогласованность оценок возникают в результате соединения нескольких авторов: автора высказанного мнения, являющегося одновременно заинтересованным лицом (студенты) и потому дающим свою оценку, информагентства, придающего авторитетность мнению первого субъекта, конкретного человека (Хейки Лемба), высказывающего свое мнение, и журналиста, посредством заголовка предваряющего текст скорее позитивным настроем. Соединение разных авторов делает текст прагматически невыдержанным. Налицо противоречие между внешней строгой оформленностью текста и его неоднозначной прагматикой. Такого рода тексты часто становятся орудием манипуляции читателем.

Рассмотрим еще один газетный текст новости из газеты «НГ» (от 19.02.05), приведенные ниже.

Задержали похитителей рельсов

В четверг команда пограничной разведки, тренировавшаяся для соревнований “Эрна“, задержала трех мужчин, которые попытались унести железнодорожные рельсы с запасного пути на расстоянии двух километров в направлении Таллинна от станции Нарва.

Пограничники обнаружили рельсы, нарезанные на метровые куски, в четыре часа вечера и сразу отправились за полицией.

Вернувшись вместе с полицейскими на место происшествия, пограничники обнаружили на снегу свежие мужские следы. Пойдя по следу, пограничники через некоторое время обнаружили трех мужчин, которые, заметив преследование, попытались скрыться в лесу.

Безработные нарвитяне Константин 1950 г. р., Сергей 1961 г. р. и Максим 1970 г. р. были задержаны по обвинению в краже сорока семи рельсов и помещены в Арестный дом.

■ НГ

Автором данного текста выступает *эксплицированный автор неинкорпорированного «корпоративного» типа* — НГ (аббревиатура издания «Нарвская газета»). Перед нами снова редуцированный автор. Этот прием усиливает

объективность сообщаемого. Данный текст строится как самый типичный текст хроникальной заметки. Жанровая детерминированность также обуславливает наличие не индивидуализированного автора, а обезличенного. В данном случае наблюдается, на первый взгляд, наиболее полное совпадение типа текста и типа автора.

Обратимся к синтаксическому уровню текстовой организации. Как пишет В. И. Коньков, «обращение к синтаксису неизбежно при интерпретации позиции субъекта» [Коньков: 1995, 24]. Заголовок представляет собой неопределенно-личное предложение — *Задержали похитителей рельсов*. Этот тип односоставных предложений характеризуется как такой, в котором субъект неизвестен или неважен. Дополнительные функциональные особенности неопределенно-личного предложения появляются в контексте. Здесь, как нам кажется, есть оттенок прагматического индивидуального значения: говорящий не называет производителя действия и тем самым проявляет оценочность: в поимке преступников отличилась не полиция, в задачи которой входят такие операции, а команда пограничников, случайно заметившая неладное и своевременно оповестившая правоохранительную службу.

Текст имеет характер (полицейского) отчета. Не только синтаксис предложений, но и абзацное деление, а также лексика текста демонстрируют сухую фактографию, непредвзятость и объективность подачи информации.

Здесь нет лексических единиц, выходящих за рамки нейтральности. Единственное, пожалуй, выбивающееся из фона повествования, — слово *отправиться* (в словосочетании *сразу оправились за полицией*), создающее некоторый комический эффект. По МАС, *отправиться* (в своем первом значении) — это 'пойти, направиться куда-либо'. Однако, и об этом свидетельствуют приведенные в словарной статье примеры контекстов (*Я отправился вдоль плетня, время от времени останавливаясь и поглядывая кругом* (Тургенев); *Теперь я был свободен до вечера и мог отправиться на розыски [Лиды]* (Чуковский), в этом слове обнаруживается сема непринужденности, вольности. В результате перед читателем возникает такой образ: отряд тренируется, случайно замечает напиленные рельсы и сразу, в ту же минуту строем пускается в путь в сторону полицейского участка. Во избежание возможных коннотаций следовало бы употребить одно из устойчивых в данном (криминальном) дискурсе выражений *обратиться в полицию*, наряду с имеющимися в тексте (Ср.: *место происшествия, обнаружить кого-л., что-л., попытались скрыться, были задержаны по обвинению*). Таким образом, не вполне

удачное употребление лексемы *отправиться* (за), а также громоздкий синтаксис первого предложения указывают на автора, его языковое чутье.

При более внимательном прочтении текста можно увидеть иные косвенные проявления образа автора. Изначально мы можем предположить, что написан текст не газетой, а конкретным сотрудником местной газеты. На то, что автор – местный житель (как и адресат) указывает введенный без всяких предварительных знаний субъект действия – пограничники (*В четверг команда пограничной разведки, тренировавшаяся для соревнований ...*). Такое введение возможно лишь в том случае, если знание о наличии пограничников изначально входит в фоновые знания участников коммуникации, что естественно для жителей приграничного города Нарва, в другом месте, например, в Тарту, потребовались бы дополнительные пояснения того, почему здесь оказались пограничники, какие это пограничники и т. п. В тексте есть и другие маркеры «местного» автора: *безработные нарвитяне, в направлении Таллинна от станции Нарва*. Таким образом, местный автор использует языковые средства иначе, чем это делалось бы в случае появления информации о данном событии в других коммуникативных условиях. Перед нами иное, чем в предыдущем тексте о студентах, сочетание «авторов» – конкретного журналиста и абстрагированного НГ. В использовании языковых средств проявляются и тот и другой.

Далее рассмотрим радиотекст, прозвучавший в эфире «Радио 4» в девятичасовом выпуске новостей 7.11.06.

Общая стоимость предварительной кампании пяти парламентских партий составит около восьмидесяти миллионов крон, пишет сегодня Ээсти Пяэвалехт. Партия реформ уже знакомит общественность со своим политическим видением развития страны. На днях свои позиции обнародует и Союз Исамалиит и Рес Публика и Центристская партия. Бюджет рекламной кампании центристов еще не утвержден, однако, конкуренты предполагают, что партия выделит на кампанию двадцать пять–тридцать миллионов крон. Около пятнадцати–двадцати миллионов планирует потратить на кампанию по выборам в Рийгикогу Партия реформ и Союз Исамалиит и Рес Публика. Предвыборный бюджет Народного союза — тринадцать миллионов, Социал-демократическая партия и пока еще не зарегистрированная Партия зеленых — по шесть миллионов.

Специфика радиотекста заключается в том, что в эфир диктором (и редактором в одном лице) зачитывается заранее подготовленный текст. Данный текст прозвучал на волнах общественно-правовой радиостанции, ориентирующейся на качественное

информационное вещание. Диктор-редактор новостей дня является представителем службы информации Эстонского радио. Уже это положение позволяет говорить о процессе организации новостных текстов как об отлаженном, качественном, многоступенчатом. Эта многоступенчатость образует первых два яруса «модуса засвидетельствованности» [Дроняева: 2003, 295] радионовости: радиостанция, представляющая собой *неэсплицированный затекстовый* тип автора, и диктор выпуска — автор *эсплицированный «индивидуальный»* (в начале выпуска звучит фраза *У микрофона Владимир Айжинский...*). Следующий ярус выражен эсплицированным «корпоративным» автором — *пишет Ээсти Пяэвалехт*. Далее в тексте косвенно представлены менее очевидные источники информации: *Партия реформ знакомит, Союз Исамаалит... обнародует, конкуренты предполагают*.

Как видно, и автор данного текста «многолик»: автор-журналист объективизирует сообщаемое, самоустраняется, прагматически опираясь на источники информации, несколькими способами эсплицирует их. Тем самым снимает с себя ответственность. Отсутствие точной информации компенсируется наличием множества различных ссылок. Новость максимально приспособлена к слуховой коммуникации. Выдержаны требования фактографичности, безэмоциональности.

Следующий текст прозвучал в эфире «Радио 100 FM» 25.02.05 в 11:00. Заметим, «Радио 100 FM» — коммерческая радиостанция, программы которой носят легкий, развлекательно-музыкальный характер. Ежечасно выходящие блоки новостей направлены на освещение серьезных — политических, экономических, социальных, а также курьезных — событий, происходящих не только в Эстонии. Как отмечается в книге «*Kuidas tehakse raadiot*», стиль подачи новостей зависит от формата станции и от целевой аудитории. Так, радиостанции широкого профиля предпочитают диктора с голосом зрелого человека и ориентируются на спокойный темп (по такому принципу вещает «Р 4»). Музыкальные радиостанции характеризуются быстрым темпом зачитывания новостей, в эфире звучит бодрящий молодой голос [*Kuidas tehakse raadiot*: 1995, 30]. Помимо формата радиостанции, а ряд других факторов влияет на порождение радиотекста новости. Они обуславливают способы особой авторизации радиотекста. Ниже представлен зафиксированный радиотекст:

<сигнатура.> *В эфире новости Эстонии. В студии Дмитрий Панов.
Здравствуйте!* <сигнатура>

*Президент Арнольд Рюитель и председатель Комитета Госдумы России
Константин Косачев во вторник в Таллинне провели встречу, на которой*

обсудили вопросы о новейшей истории и документы, определяющие дальнейшие отношения двух стран. Как передала канцелярия президента, стороны подробно остановились на договоре об основах межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Эстонией, подписанном в январе тысяча девятьсот девяносто первого года и подтверждающем государственность Эстонского государства. По словам президента, в этом договоре заложены основы для развития сотрудничества в тех сферах, которые сегодня находят свое отражение в программе совместных действий Европейского Союза и России. В силу этого, считает Рюйтель, сегодня больше нет необходимости для составления совершенно новой декларации об отношениях между Эстонией и Россией. Рюйтель отметил, что положения, зафиксированные в принятом в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году Съездом народных депутатов СССР решения о политической и правовой оценке пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом актуальны и сегодня. Председатель думского комитета Косачев на встрече с президентом заявил, что нет причин оправдывать или каким-то образом пытаться загладить преступления, совершенные при сталинском режиме. По словам Косачева, Россия уже несколько раз осудила пакт Молотова-Риббентропа. Косачев отметил, что различия в позициях Эстонии и России заключаются в решении вопросов о том, возможно ли денонсировать этот пакт и можно ли с юридической точки зрения назвать послевоенный период в Эстонии советской оккупацией. По мнению Косачева, политические оценки событий новейшей истории с точки зрения России и Эстонии отличаются незначительно, и Россия в двухсторонних отношениях пыталась использовать открывшиеся возможности вырваться из заколдованного круга взаимных обвинений. Обе стороны выразили обоюдную готовность усилить политический диалог.

Приведенный текст достаточно большой по объему, что в целом типично для новостей «Радио 100FM». Редакторы ставят целью акцентировать внимание на двух-трех «горячих» новостях, осветить их как можно полнее. Новости скороговоркой зачитываются в эфир, а это препятствует восприятию информации на слух. «Травмируют» коммуникацию некоторые языковые особенности, связанные с фактором авторизации (диктором).

Данный текст также демонстрирует многоуровневую, или многоярусную модусную рамку авторизации. Автором первого уровня является «единоличный»

автор, т.е. сам диктор, представившийся в начале выпуска. Далее он избирает тактику самоустранения за счет введения в текст дополнительных источников информации. Здесь синтаксическое оформление каждого (за исключением первого, выполняющего функцию заголовка и вводки) высказывания содержит элемент категории засвидетельствованности либо в виде указания на источник в главной части сложноподчиненного предложения, либо при помощи вводной конструкции:

Пр.: *Как передала канцелярия президента* — коллективный автор;

По словам президента — эксплицитный инкорпорированный «единоличный» автор (к которому относятся нижеприведенные авторизирующие реплики);

По мнению Косачева,

Считает Рюитель,

Председатель думского комитета Косачев заявил,

Рюитель отметил,

Косачев заявил,

По мнению Косачева,

С точки зрения России и Эстонии,

Обе стороны,

По словам Косачева.

Отличительной чертой радионовостей считается вынесение ссылки на источник сообщения в текстовую препозицию, что должно вызывать большее доверие слушателей и реализовать стратегию привлечения внимания и лучшего запоминания информации (Kuidas tehakse...:1995, 30). Однако в рассматриваемом нами тексте авторизация выглядит скорее навязчивой, в некоторых случаях неуместно детальной. Но вместе с тем такое старательное называние имен высоких персон повышает значимость события, отвечает официальному характеру информации.

В то же время в тексте сохраняются многие иные признаки официального стиля, что делает сообщение не приспособленным к радиокоммуникации. Предложения, как правило, превышают максимально допустимое (20) количество слов. Языку радио свойственно разбивать сложные, длинные предложения на несколько простых, избегать деепричастных и причастных оборотов, развернутых придаточных конструкций. Обязательна и трансформация сложных числительных: их округляют, переводят в проценты и т.д. В противном случае тяжеловесность текста не позволяет слушателю уловить и декодировать информацию. В рассматриваемом тексте доминируют сложноподчиненные предложения, осложненные причастными

оборотами и однородными членами. Определенные помехи восприятия возникают из-за полной артикуляции числительных *1991* и *1989*. Все это является результатом невнимания автора к особенностям жанра. Думается, что в таком построении отражается, с одной стороны, единоличный автор, поскольку он (с учетом его профессионализма, языкового чутья) выбрал такое построение, а с другой — многоярусность авторства, т. к. «наслоение» авторов — официальных лиц — ведет к тяжеловесности.

Данный текст лексически (как и синтаксически) тяготеет к официально-деловому стилю речи и носит характер освещения документа, из которого «слов не выкинешь». Нам кажется, замена некоторых лексически-синтаксических единиц менее официальными синонимами просто необходима: *Российская Федерация* → *Россия*, *Европейский Союз* → *ЕС*, *Косачев* → *он*, *1991* → *91*, *нашла отражение* → *отразилась*, *в силу этого* → *поэтому*. «Единоличный» и «коллективный» (канцелярия президента Эстонии) авторы употребляют: плеонастические сочетания слов *совершенно новый*, *обе стороны выразили обоюдную готовность*, *межгосударственные отношения между*, *государственность Эстонского государства*. Таким образом, официальные источники информации повлияли на всю речевую организацию текста.

В заключении новостного выпуска диктор произносит: «*Вы слушали новости Эстонии «Радио 100FM»*». Этот композиционный элемент сигнализирует еще об одном ярусе засвидетельствованности — редакции. Анализируемый нами текст примечателен и тем, что энергичная артикуляция происходит на фоне оригинальной динамичной и монотонной музыкальной композиции. Музыкальный аккомпанемент усиливает эффект достоверности и важности сообщений, придает тексту большую аттрактивность, образительность, а вместе с тем и субъективную окрашенность, несколько уменьшая общую «официозность».

Далее перейдем к рассмотрению текста телевизионных новостей (в сетевом варианте). Можно сказать, что телевизионному новостному тексту свойственна гиперсложная модель модусной авторизирующей рамки, что обусловлено спецификой телекоммуникации, которая представляет собой систему высокой семиотической сложности. Сегодня доминирует именно семиотический подход к изучению специфики телевидения. Но немаловажно учитывать положения собственно лингвистического подхода, в основе которого лежит отождествление экранного и вербального языков. Так, кинорежиссер Л. В. Кулешов считал, что кадр должен быть однозначным, как буква типа иероглифа, а соединение нескольких

кадров образует кинематографическое «слово» или даже «фразу» [цит. по Телевизионный язык как область семиотического анализа: <http://www.cjes.ru...>]. Действительно, семиотический подход позволяет говорить о синтезированности телевизионного языка. Телевидение особым образом структурирует действительность, представляя собой его звукозрительное отражение. Таким образом, при анализе влияния экстралингвистических факторов на порождение новостного текста нами будет учитываться специфика языка телевидения — его аудиовизуальность.

Телевидение предоставляет безграничные ресурсы для реализации творческих потребностей индивидуума. Работающему по ту сторону экрана человеку с его эгоцентричностью сложно оставаться объективным, пропуская через себя разнообразные явления окружающей действительности — от повышения пенсий до террористического акта, тем более что зритель ищет в нем некоего арбитра. Существует особая иерархия участников новостной передачи: очевидцев, репортеров и ведущего в студии. Как пишет А. Дерябин в своей статье «Телевизионные новости как коммуникативное событие», каждому <...> дана «определенная мера объективизма / субъективизма, и каждый из которых находится под большим или меньшим дискурсивным контролем со стороны продюсера. Как это не парадоксально, в силу своей вовлеченности в описываемое событие очевидец изначально необъективен <...>. Следующую — более высокую ступеньку в дискурсивной иерархии новостей занимает репортер, чей голос носит одновременно и индивидуальный, и институциональный характер (репортаж обычно маркируется и именем репортера, и именем телекомпании). Он осуществляет функцию посредника между «голой» реальностью и объективной «истиной», вещаемой из студии. Вершин<ой> этой лестницы <выступает> ведущий в студии, уже не являющийся индивидуальным автором транслируемого текста. Его устами говорит обезличенная правда, информация в чистом виде, очищенные от субъективных мнений факты» [Дерябин: <http://www.cjes.ru...>]

Каким образом этот фактор многоуровневой авторизации отражается на лингвистической организации новостей, рассмотрим на примере текста, вышедшего в эфир в программе «Новости Эстонии» 14.03.05 (www.1tv.ee). Попытаемся его воссоздать:

Ведущая программы (Юлия Пилен) (Ведущая на переднем плане, на фоне справа телеэкран, изображающий корреспондента): *Союз республиканцев и реформистов Таллиннской власти распался. Представители столичной*

организации Res Publica (далее Республика — вставка наша, В.П.-И.) единогласно проголосовали за прекращение сотрудничества с Партией реформ и за возобновление переговоров с Центристской партией. Подробности у нашего корреспондента Вадима Белобровцева. (Смена кадра ≈ в фокусе корреспондент).

В. Белобровцев: Гром грянул среди ясного неба: всего неделю назад казалось, что правящая в Таллинне коалиция устояла и партнеры решили быть вместе в радости и в горе вплоть до осенних выборов. Однако республиканцы, похоже, изначально были настроены иначе и сегодня, используя первый попавшийся предлог, одним телефонным звонком отказались от дальнейшего сотрудничества с реформистами. Таким образом, столичная коалиция, пробыв в своем нынешнем виде всего пять месяцев, прекращает существовать. Подобной скоротечности не припомнят даже политические старожилы.

(Смена кадра ≈ идет видеоряд, за кадром голос корреспондента). Сегодня днем новый руководитель фракции «Республика» в столичном горсобрании Андрес Корк позвонил председателю горсобрания реформистке Марет Марипуу и сообщил, что республиканцы отказываются от дальнейшего сотрудничества с Партией реформ в Таллинне. Причины такого радикального шага назывались все те же – нежелание реформистов серьезно воспринимать политические цели «Республики».

(В кадре Андрес Корк, председатель фракции Res Publica в горсобрании) <говорит на эстонском языке, идут русские титры.>

(Смена кадра, видеоряд, голос В. Белобровцева) Реформисты считают обвинения республиканцев смехотворными и говорят, что последние просто искали любой предлог для объединения с центристами в столичной власти.

(Новый кадр: на переднем плане Марет Марипуу, председатель таллиннского горсобрания, говорит на эстонском языке, накладывается голос переводчицы) Партию реформ поражают действия «Республики». Своим поведением республиканцы показали, что их уже просто невозможно воспринимать всерьез. Очень жаль, что управление городом превратилось в цирк. Желаю «Республике» поскорее разобраться в том, правая они партия или левая. Еще шестого марта

мы решили вместе идти к осенним выборам, и никаких разногласий не было. А сегодня телефонным звонком они прекращают с нами сотрудничество. Это идет вразрез с политической культурой и добрыми традициями.

(Смена кадра ≈ видеоряд, голос корреспондента за кадром) После того, как республиканцы провели переговоры с центристами, но остались в коалиции с реформистами, представители партии Эдгара Сависаара были весьма удивлены и утверждали, что внутри «Республики» произошел какой-то сбой, из-за которого практически решенная смена коалиции в Таллинне не состоялась. После этого во фракции республиканцев в городском собрании были произведены несколько серьезных перестановок, больше похожих на чистки рядов. Реформисты сменили даже председателя фракции, и теперь, спустя всего неделю после подписания дополнения к существующему коалиционному договору, объявлено о распаде правящего в столице союза. Это означает, что, вероятнее всего, новая коалиция будет образована республиканцами и центристами.

(Смена кадра ≈ в фокусе Вл. Вельман (фракция Центристов в горсобрании), его комментарий) <...>

(Смена кадра ≈ на переднем плане В. Белобровцев) Как бы ни разрешилась возникшая ситуация, реформисты, безусловно, правы в одном: политические интриги и перестановки, которые за последние полгода, по сути, не прекращались в городской власти, ни в коем случае не идут на пользу жителям города. Поэтому хочется верить, что новая коалиция, какой бы она ни была, продержится, по крайней мере, до осенних выборов и будет заниматься не интригами и сведением счетов с соперниками, а продуктивной работой на благо города. Вадим Белобровцев, Сергей Попрядуха, Первый Балтийский канал.

В данном тексте выделяются следующие типы автора (мы их подчеркнули): эксплицированный инкорпорированный «единоличный» автор — ведущая программы, корреспондент, интервьюируемые М. Марипуу, А. Корк, В. Вельман; эксплицированный инкорпорированный «коллективный» в лице Первого Балтийского Канала; «коллективный» — реформисты, представители партии Э. Сависаара. Кроме того, незрим и неслышим неэксплицированный неинкорпорированный автор — телеканал, продюсеры. На основе этого членения

вырастает состоящая из нескольких ярусов модусная рамка засвидетельствованности информации. Элементом текста *Подробности у нашего корреспондента Вадима Белобровцева* ведущая программы как представитель, или «лицо редакции» как бы устраняется от коллективного авторства, «плеонастически подчеркивая авторство текста новостей» [Дроняева: 2003, 303], т. е. корреспондента, который волен указать на другой источник полученной им информации. Таким образом, репликой *Реформисты считают ... и говорят, что* корреспондент создает еще одну рамку. Кроме того, в тексте проявляются дополнительные «эллиптические» модусные рамки. Одни из них те, которые не артикулируются корреспондентом, но визуализированы. Посредством них осуществляется переход к речи «очевидцев» (М. Марипуу, А. Корка, В. Вельмана). Другие предстают в виде заключительной фразы репортера *Вадим Белобровцев, Сергей Попрядуха, Первый Балтийский канал*.

Попутно отметим, что авторизирующая структура телевизионной программы канала ETV «Актуальная Камера» отличается от «Новостей Эстонии» меньшей репрезентативностью авторов выпуска. Диктор в начале программы приветствует телезрителей, не называя своего имени, сообщает, что в эфире новости «Актуальной камеры». Затем перечисляет основные темы выпуска. Авторы сюжетов также не представляются при помощи клишированной фразы-скрепы «подробности у нашего корреспондента...». Авторизация осуществляется путем указания имени внизу экрана, кроме того, в практике «АК» не принято наводить объектив на сообщаемого, комментирующего журналиста. Его голос обычно звучит за кадром. Главные герои и «авторы» событий — непосредственные их участники, виновники, очевидцы. Журналисты же — беспристрастные медиаторы. Языковая канва выпуска в целом и отдельного текста новости предельно логизирована, проста. О проявлении авторского Я журналиста «говорят» видеокadres.

Высшую степень объективности в подаче информации демонстрирует ведущий телевизионной программы. Говорящему (диктору) свойственна подчеркнутая устраненность, безоценочность и сдержанность на всех уровнях текстовой организации. Тем самым и речь диктора самая строгая, самая нейтральная.

По своему статусу в «дискурсивной иерархии» (по А. Дерябину) корреспондент может позволить себе сопровождать информацию некоторым комментарием. В анализируемом нами тексте речь корреспондента отличается от дикторской большей субъективностью, оценочностью. Журналист не просто выступает в роли посредника между фактом действительности и «истиной», вещаемой из телестудии, он дает оценку. Это проявляется, прежде всего, на лексико-синтаксическом уровне.

Журналист вводит в свою речь фразеологический оборот *Гром грянул среди ясного неба*, прецедентное образное выражение *быть вместе и в горе и в радости вплоть до ...*, которые в сочетаниями с фразой *используя первый попавшийся предлог* приводят к появлению иронии, возникновение же определенных коннотаций создает смысловой диссонанс. Негативной оценочностью заряжены и следующие словосочетания: *чистки рядов, политические интриги, сведение счетов с соперниками, заниматься интригами*. Автор называет «героев» своего репортажа *реформистами, центристами и республиканцами*. В данном контексте эти номинации приобретают иное наполнение: проявляется оттенок антипатии со стороны говорящего. По сравнению же с принятыми в российском политическом дискурсе номинациями *яблочники, путинцы, зюгановцы, нацисты* использованные здесь гораздо менее негативнооценочны. Как представляется, автор апеллирует к фоновым знаниям реципиента, что придает особую тональность всему повествованию.

В речи корреспондента используются лишь два вводных слова: *похоже, вероятнее всего*, но их введение придает всему тексту оттенок домыслов, предположения. Большая субъективность проявляется в последних двух репликах во фразах: *безусловно, правы в одном, по сути, не прекращались, ни в коем случае, хочется верить, какой бы она ни была, по крайней мере, на благо города*.

Корреспондент предпочитает употреблять длинные сложные предложения, что затрудняет понимание слышимого, декодирование информации в целом. Визуальный же ряд, на наш взгляд, состоящий из «перелистывания» кадров горуправского быта, остается неакцептированным, поскольку имеет мало общего с вербальной информацией. В целом, с помощью языковых средств тележурналист приглашает зрителей к соосмыслению событий, «демонстрирует близость к своей аудитории и добровольную дистанцированность от власти» [Лихачева: 2002, 241].

Заметно иная тональность в частях текста, авторами которых выступают интервьюируемые. В «синхроне» (из жаргона телевизионщиков – ‘слова персонажа, интервью’) проявляется однозначность в оценках. В этом отношении показательна лексическая избирательность говорящих:

М. Марипуу: *...их уже просто невозможно воспринимать всерьез. Очень жаль, что управление городом превратилось в цирк.*

Таким образом, текст газетных, радио- и теленовостей структурируется с учетом требований жанра и коммуникативной ситуации, специфики канала связи. Но

языковая оформленность сообщения подчинена авторской целеустановке, которая заложена, в частности, в типе авторизации.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют многочисленность, многообразие и совмещение разных «авторов» в современном медиа-тексте.

На конкретных примерах мы попытались продемонстрировать, какую роль в организации текста новости играет фактор авторизации, входящий в группу субъективных экстралингвистических условий информационного дискурса.

Как отмечалось множеством исследователей, язык современных СМИ переполнен разного рода языковыми и речевыми ошибками. В чем, думается, тоже проявляется признак автора, или субъективность речи, а именно, языковая компетентность автора. В нашем материале такое проявление присутствует, поэтому далее остановимся на нормативности русского языка СМИ Эстонии.

II.1.3. К проблеме нормативности новостного языка

Современные исследователи, опасаясь за нормативность «великого могучего», вынуждены признать, что основная угроза исходит от современного сверхлиберализированного языка СМИ. Причиной этого процесса являются и расширение форм воздействия на человека (посредством новых СМИ), и глобализация информационных процессов, и повальное стремление участников «новой» коммуникации к самовыражению и самоутверждению [Володина: 2007, 518]. Все это ведет к неосознанному нарушению языковых норм, поскольку эталон современной русской речи утерян. Некогда СМИ выступали в качестве ревнителей нормированного русского языка. Сегодня речь дикторов информационных передач, авторов хроникальных заметок сдает свои позиции, с трудом выдерживая натиск аграмматичности, языковой моды и тотальной оценочности. Небрежность (в силу нехватки времени, знаний, уважения к Другому) вкупе с уровнем профессионализма, компетентностью журналистов влечет за собой халатное отношение к языку, отсутствие языкового чутья, ошибки.

С целью обнаружения нарушений орфоэпической, орфографической, стилевой и пунктуационной норм нами было проанализировано 120 текстов новостей. В связи с тем, что практический материал достаточно объемный, мы не стали сортировать тексты по количественному принципу. Цели подсчитать ошибки в каждом медиа-канале не было. Задачей данного мини-анализа стало выявление самых

распространенных ошибок или отклонений в языке и речи работников местных СМИ. Не только количественный, но и качественный анализ аспекта нормативности заслуживают отдельного специального исследования. Тексты новостей были взяты примерно в равных количественных пропорциях и проанализированы методом интроспекции. Проведенный таким образом анализ способен дать некую общую картину, обозначить некоторые тенденции.

Обратимся к звучащим текстам для выявления нарушения **норм орфоэпических и акцентных**. Дикторы радионовостей «Р 4», «Р 100FM» и «АК» делали следующие ошибки:

1. неправильно ставили ударения и произносили при чтении названия информагентства *Reutors* (как Рейторс) и журнала *Gardian* (на англ. манер с удлинением [А]). «Словарь образцового русского ударения» М.А.Штудинера, рекомендуемый работникам радио и телевидения, дает их «обрусевшие» орфоэпические формы *Рейтор* и *ГАрдиан*. Мы слышим, что *Ирак все больше погружается в хаОс*, а не правильно *в хаОс*; сообщалось о работе в *Нарвском к[а]лЕдже* (при чем эта форма повторялась на протяжении всего текста). Через э-оборотную произносится название украинского города Одесса [*АдЭсса*]. Некоторые дикторы колебались в произношении и говорили [*АдЕсса*]. Выбирали между орфоэпически правильным и неверным вариантами названия террористической организации *Аль-Каида* и *Аль-КаИда*. Регулярно, особенно в последнее время, в связи с апрельским конфликтом в Таллинне, употребляется словосочетание *мост через рекУ Нарову* и топоним *ИвАнгород / в ИвАнгороде* с выделенным нами ударением. Ошибки частотны в кратких причастиях ж. р. в составе сказуемого, например, «*Сегодня была избранА женщина года*». Достаточно часто неправильно артикулируется порядковое числительное 2001 и т.д., когда оно в значении `года`: *единую европейскую валюту не удастся ввести к [двухтысячнодевятому] году*. Чрезвычайно частотна ошибка в акцентировании слов *ходатАйствовать* и *обеспечЕние*. Неправильно из-за небрежности и спешки произносились числительные в предложении «*Если проект будет утвержден, то в две тысячи шестом – десятых годах...*», «*доля средств сократится до одного и семи десятых процента*». Или во фразе «*температура сохранится на уровне семь-двенадцать градусов тепла*» (вместо *семи-двенадцати*)

2. Встретились грамматические ошибки (в согласовании, выборе падежа) и лексические: *В Ираке погибли сорок шесть человек*. Или: *Десять учебных программ будут преподаваться на латышском, английском и...* Современная практика

усваивает и «смысловое согласование», однако литературный язык ставит глагольное сказуемое в форму ед. ч. [Справочник по...: 2006, 229]. Или *Инцидент прошел вчера вечером*. Возможно, это только оговорка диктора. Тогда как фразу *Об информации из-за рубежа в ближайшие десять минут* услышать можно нередко. Она — результат контаминации сочетаний слов *информация из-за рубежа* и *о сообщениях из-за рубежа в ближайшие...* Ошибочно выбрана валентность глагола 'рассредоточить', заполненная Предл. пад с предлогом *в* вместо предлога *по* + Дат. пад.: *...Силы НАТО рассредоточены в разных районах страны*. Или в сочетании синтаксисом *завтра намечены новые акции протеста* отсутствие предлога *на* перед обстоятельством времени. А в предложении *«Сегодня в вечерних сумерках около центра «Сакала» со стороны бульвара Эстонии...»* в названии улицы не нужно было изменять падеж второй части (Ср.: *в театре «Эстония», еду в совхоз «Нарва»*). Расхождение в согласовании рода нашло место в таком радиопредложении: *«...передала регалию... постановщику праздников песни и организаторнице уникального мужского праздника в Раквере...Майе Орав...»*. Имела место и тавтология: *...работы усложняются сложными погодными условиями* («АК», 10.11.06), *Самой большой проблемой является обеспечение горожан теплом и питьевой водой. Морская вода подтопила и испортила запасы дров у населения. Чистой питьевой воды, по данным Пярну веси...* («Р 4», 9.01.06); и плеонастические сочетания слов типа *в середине недели в среду к норвежскому контингенту перейдет...* («Р 4», 10.01.06).

3. В двух случаях было отмечено фактологически ошибочное, видимо, по невнимательности, отнесение новости к «сообщениям по нашей стране», когда информировали они о событиях, произошедших за пределами Эстонии. Или же наоборот, к местным отнесли сообщение о дислокации британских ВВС в одном литовском городе. Имеют место и неясности, ошибки, возникшие в результате некорректного представления факта. Так, телевизионный и сетевой «близнецы» расходились в данных о количестве студентов, которые смогут обучаться в новом центре в городе Валка. В эфире «АК» (8.11.06) прозвучало, что *«тысячи студентов смогут получить степени магистра или бакалавра»*, тогда как на портале Delfi сообщалось о такой возможности для *1000 студентов* (9.11.06). Здесь же отметим случай названия Балтийского моря *Западным* в результате бездумного перевода и зачитывания в радиоэфир гидронима, переведенного с эстонского Läänemeri («Р 4», 24.05.07).

4. Отдельно укажем ошибку, встреченную в русских титрах в новостях «АК»: неумение писать и склонять аббревиатуру вуз. Во всех случаях она писалась с прописных букв, а в Предл.п. обрела такую форму, как в ВУЗ-ах «...в европейских ВУЗ-ах — 2,6 % из-за рубежа» («АК», 10.11.06). Непонятным остается также написание в титрах буквы Ё в словах, где она очевидна в силу проявления в сильной позиции: *молодёжь, объём, приведённый, обобщённая, придётся отменить, квартиросъёмщицы* и т.п.

На страницах газет («ВД», «МЭ», «НГ») и портала встречаются следующие ошибки:

1. Орфографические. Так, сетевые журналисты колебались в выборе варианта написания слов: *Госсуд* (правильно) или *госсуд, Европарламент* или *европарламент, памятник свободы* или *памятник Свободы* (правильно), *в Интернете* или *в интернете, центр «Сакала»* (верно) или *центр Сакала, русская культурная автономия* или *Русская культурная автономия* (как название организации). Пр.: «Объединение *Русская культурная автономия, целями которой является создание Р(?)усской культурной автономии в соответствии с законом*» (8.11.06). Газетчики не различали *глазированный сырок* (покрытого глазурью) от *глазурованного сырка* (‘покрытого, — по сведениям БАСа, специальным стекловидным сплавом’), писали *мороженое пломбир* (правильно) и *мороженое-пломбир*, употребляли разные переводы наименования учреждения *Tartu veterinaar- ja toidukontrolli labor* *Тартуская лаборатория ветеринарии и пищевых продуктов* либо *Тартуская лаборатория продуктов питания и ветеринарного контроля*. С маленькой буквы писалось название *Кесклиннаское отделение полиции*.

2. Фактографические, на внимательность. Такие ошибки немногочисленны. На уровне предложения они проявлялись в использовании лишнего слова: «Предполагается, что задержанный молодой человек показывал 5 ноября в 18 часов на горке за физическим корпусом в Тарту демонстрировал свои половые органы девочкам и мальчику...». Нарушение фактографичности обнаружилось, когда в «НГ» (7.04.06, см. Приложение 1) под заголовком «Литовский орден эстонскому командующему» поместился текст новости о вручении Тармо Кыутсу ордена Виестура I степени (исконно латышский почетный знак).

3. Пунктуационные ошибки. Они являются отличительной чертой дельфийских текстов новостей. Приведем примеры на небособленность вводных конструкций и слов: «...к 1 апреля по данным регистра населения в столице проживало 399 056 человек» (3.04.06); «...по его словам раскопки нужно проводить лишь весной»

(9.11.06). В других случаях запятые были поставлены там, где в них не было необходимости: «Министр одобрил новый проект эскиза, согласно которому центр должен быть снесен» (9.11.06); «В газете «Молодежь Эстонии» министерство культуры ЭР₂ в соответствии с законодательством опубликовало объявление о том, что..» (8.11.06).

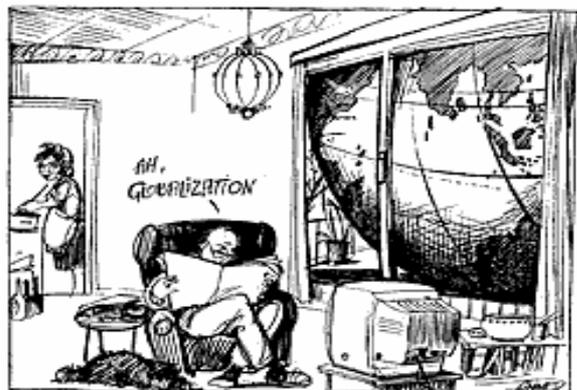
4. Стилистические недочеты в виде частотных как в газетных, так и интернет-текстах, реже – в аудиотекстах тавтологий: «...будут введены ограничения дорожного движения. На маршрутах движения высокопоставленного гостя... полиция перекроет движение...» (Delfi, 7.11.06, «ВД», 8.11.06); «Акционерное общество «Уус Сакала» начало готовится к запланированному на завтра началу сноса здания...» («Р 4», 9.11.06); плеонастических вкраплений «...стала женщиной года за организацию проведения танцевального праздника» («АК», 9.11.06).

На основе анализа текстов новостных СМИ можно сделать следующий вывод. С точки зрения соблюдения, знания языковых норм слабыми местами местных журналистов являются невладение акцентологической и орфоэпической нормами современного русского языка, знание «элементарных» пунктуационных правил, недостаточное внимание к стилистическому регистру, в котором они работают. Последние два замечания направлены, прежде всего, работникам интернет-портала. Напрашивается вывод и о том, что журналисты не знают о существовании специальных словарей и справочников либо их нет в наличии в редакциях новостей. Вызывает опасение тот факт, что под воздействием сверхбыстрых и простых способов передачи новостей посредством Интернета и других электронных СМИ тексты с ошибками кочуют по медиа-пространству, достигают аудитории, то есть – глобализационные процессы играют не последнюю роль в распространении норм языка. Каковы же особенности явления глобализации в целом, как она влияет на язык (язык СМИ в частности), рассмотрим в следующем разделе магистерского сочинения.

II.2 Глобализация и язык

Границы моего языка суть границы моего мира.

Л. Витгенштейн

А, опять про глобализацию...

Рис. Ammer / Wiener Zeitung

Такое явление современности, как *глобализация* занимает умы многих — от философов-мыслителей до политиков и обывателей, у которых дома стоит компьютер. Открываются границы между государствами, объединяется Европа, США участвуют в политике многих заокеанских стран, растет международный бизнес, стираются расовые и конфессиональные предрассудки, а если же, наоборот, обостряются, то выливаются в конфликты также мирового масштаба, на урегулирование которых, как правило, направляются силы международных организаций, набирают мощь потоки из страны в страну рабочих, университеты обмениваются студентами, а вездесущность всемирной паутины Интернета и технологический прогресс делают наш мир, этнические культуры и человеческое сознание глобализированным.

По сей день не сформировалось общей концепции глобализации. О ней говорят много и в различных аспектах, в разных регионах, обществах, научных дисциплинах это явление трактуется по-своему. Высказываются мнения и о преувеличении феномена глобализации. Таким образом, процесс глобализации и ее роль в той или иной сфере нуждаются в глубоком теоретическом осмыслении [Байдаров 2005].

Считается, что впервые термин 'глобализация' был **употреблен** в 1983 году американцем Т. Левиттом в статье в «Harvard Business Review»: с помощью этого неологизма он характеризовал процесс слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными корпорациями. Однако в широкое употребление он вошел с 1996 года после 25-ой сессии Всемирного экономического

форума в Давосе, на котором вся дискуссия была посвящена теме «Глобализации основных процессов на планете». В то время уже отмечали неподдаваемость этого слова строгому терминологическому описанию. В 1997 году «вашингтонский журнал «The National Interest» писал, что «термин глобализация стал своего рода клише: он служит для объяснения всего, чего хочешь, начиная от упадка германской угольной промышленности и кончая сексуальными привычками японских тинэйджеров» [Максименко: 2002, 1]. Уже в 1998 году К. Аннан дал такую характеристику современной эпохе: «Наша эпоха отличается от всех предыдущих явлением глобализации. Глобализация... перестраивает не только наши способы освоения мира, но и способы нашего общения друг с другом» [Там же]. Глобализация сегодня – это экономическое течение, политическая идеология, стереотип сознания, форма бытия.

Во времена древнейших цивилизаций культуры также подвергались унификации, нередко до полной ассимиляции, переживали кризис метаморфоз, но через него возрождались в неповторимых «продуктах» отдельных наций. Поэтому о глобализации как о феномене в полном понимании этого термина говорить неоправданно. Неправомерно также приписывать процессу лишь негативные характеристики. Стоит признать, что на данный момент, в эпоху «телеметрической цивилизации» (А. Согомонов, цит. по [Байдаров 2005]) «плохие» черты глобализации доминируют над «хорошими», неся с собой безликость, массовость, волюнтаризм, безразличность и ложь. «Глобализация вместо того, чтобы быть средством обогащения каждой культуры всеми иными в процессе их равноправного диалога, превратилась в форму обезличивания практически всех культур...<причем> культуры экономически развитых стран не исключение» [Байдаров 2005]. Этому способствуют всё развивающиеся средства массовой коммуникации и информационные технологии. В таких условиях, как отмечает Э. У. Байдаров, становится крайне актуальным вопрос о сохранении языковой и культурной идентичности, самобытности и уникальности народов планеты [Там же].

Чаще всего под глобализацией принято понимать распространение и насаждение всего западного: английского языка, выступающего в роли общего языка общения, американского доллара, использующегося во всем мире, модель либерально-демократического общества, которая в разной степени реализуется во многих странах. И, конечно, Интернета, создавшего и популяризовавшего новую — виртуальную — реальность, когда пространство и время становятся все ближе, даже сливаются. Все это ведет к «ценностной анархии в современном мире, которая для

удобства и оправдания именуется плюрализмом, <...переходит во> фрагментарность и непоследовательность; условность союзов и региональных объединений <,> волюнтаризм, отсутствие стабильности и критериев в политике; абсолютн<ую> манипулируемость гигантскими массами людей; чрезвычайн<ую> и неоправданн<ую> власть СМИ и т. д.» [Байдаров 2005]. Современные средства массовой информации находятся под угрозой если не полного вымирания, то существенного видоизменения. Именно Интернет как составная глобализации стал источником этой угрозы. Появление множества новых каналов повлекло за собой возникновение множества способов работы с новостями, текстами, передачи информации. Интернет и базы данных предоставляют возможность получать информацию индивидуализированную, а не массовую. Таким образом, в условиях демассификация и фрагментации — порождения глобализации — возникает проблема будущего СМИ в целом [Засурский: <http://www.rfbr.ru...>]. В таком ракурсе явление глобализации описывается, скорее, в негативной тональности. Однако следует признать, что данный процесс не всепоглощающий, не непобедимый, а просто неоднозначный. Многие исследователи прямо указывают на бинарный характер глобализации: глобализация и регионализация, интеграция и сегментация, синтез и разложение взаимно поддерживают друг друга, являясь сторонами одного процесса [Байдаров 2005].

В рамках нашей работы мы обратим внимание на жизнь языка СМИ в условиях глобализации. Далее перейдем именно к этой проблеме.

Процессу глобализации чужды государственные и национальные границы. «Глобальной деревней» метафорически называет планету Земля С. Г. Тер-Минасова и упоминает о ее «глобальном языке». Глобализацию мира и особенно языка известная исследовательница возводит в ранг серьезнейших проблем [Федорова: <http://life.ng.ru...>], с чем трудно не согласиться.

Под глобализацией языка подразумевается, прежде всего, экспансия английского языка (который выступает в роли проводника западной культуры) на практически все мировые языки. Со второй половины XX века роль языка международного общения в сферах техники и науки, политики и торговли, туризма и даже религии играет английский язык. По мнению Л. Цирлиной, одной из основных причин, по которой английский язык приобрел статус интернационального, стало политическое влияние его носителей. С. Г. Тер-Минасова высказывает беспокойство по поводу судеб многочисленных и самобытных языков и культур разных этносов. Они могут обезличиться и иссякнуть, что происходит сегодня с самим английским языком:

«сейчас и культура, заложенная в английском языке, и даже национальная идентичность англоязычных народов как бы выставлены напоказ и стали достоянием всего мира» [Федорова: <http://life.ng.ru...>].

Модель англо-американской глобализации относится к т. н. «негативной глобализации», когда в обширном пространстве осуществляется преимущественно «неосознанное распространение <западных > (вставка наша. — В. П.-И.) идей и материальных ценностей, сопровождаемое всемирной коммерциализацией и захватом новых рынков» [Sun: 1998, 12]. Мы разделяем точку зрения, высказанную Р. Рюукке (Riitta Ruukkö), что «англоамериканизм олицетворяет силу, уверенность в себе, свободу личности и предпринимательства, неизмеримые возможности» [Ruukkö: 1995, 106], или иначе, абсолютный позитивизм и оптимизм. No problem — таков лозунг современного человека.

Как было отмечено выше, в наш технически оснащенный век с открытыми границами и бесконечными потоками информации динамику слияния человечества в одно единое целое усиливает Интернет. Говоря об Интернете в заданном ракурсе, хотелось бы затронуть одну из острых проблем, связанных с глобализированным языком, а именно, проблему *силы слова*.

Слово написанное выступает как высшее проявление речи. Однако во многих культурах негативно относятся именно к печатному (письменному) слову (тексту), что связано с рядом причин, описанных В. Б. Касевичем [Касевич: 2004, 209]. Помимо представлений о фальсифицирующей способности слова, которое искажает мир, имеет место убеждение в том, что письменная фиксация слова убивает *его* животворящие силы. Не о том ли самом эти слова Сократа (в платоновской «Федре»): «В души научившимся <письменам> они всея<ю>т забывчивость, так как будет лишена упражнений память: припоминать станут, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою» [цит. по Касевич: 2004, 210]. Интересно, что бы сказали мудрецы по поводу животворящей силы «виртуального» слова.

Слово в сети стало информацией. Такое слово наделено точным, прозрачным, лишенным туманности смыслом и обязательной утилитарностью. То есть, как пишет автор электронной статьи «Эсхатология Н. Бердяева в контексте философии культуры», «превращаясь в информацию, слово как бы «глобализируется», становясь расхожим оборотным средством достижения тех или иных практических целей (тем самым частично обесценивая свой смысл) [http://www.mgimo.ru/kf/docs/silantieva_esh...]. Метаморфозы, происходящие в наш

компьютеризированный век с языком, схожи с теми, о которых высказывались поэты и философы начала прошлого. Сетевые слова мертвеют и объективизируются, поскольку утрачивается связь с исходным «горячим духовным ядром» [Там же]. Интернет, по мысли В. Г. Костомарова, «обретает подобие коллективного разума, заставляя человечество синхронизироваться, думать в унисон, жить в едином киберпространстве, в новом виртуальном мире» [Костомаров: 2005, 147]. Другими словами, глобализованный язык парализует мышление, стандартизирует его, проникая «агентом» массовой культуры, массовой коммуникации [Там же]. Человек, пользователь сети, лишается способности к творчеству, она оказывается просто ни к чему. *Юзер*, действительно, лишь пользователь.

Как нам представляется, суть этих тезисных замечаний правомерно спроецировать на медийный язык в целом, глобализация которого также во многом обусловлена Интернетом. Лингвисты выделяют следующие последствия воздействия всемирной паутины на русский язык: вытеснение ряда элементов английским, упрощение, приверженность к жаргонизмам и сниженной лексике, расшатывание орфографических, грамматических, пунктуационных и других норм. В целом «отмечается общая тенденция к пренебрежению русским языком» [Карпова: 2005, 122].

Универсальность web-сети, как кажется, нередко играет негативную роль в процессе создания речевого информативного произведения и его семантико-структурной организации. В частности, наши наблюдения показали, что работники русскоязычных СМИ Эстонии нередко практикуют не требующее творчества копирование информационных материалов из какого-либо одного медиа-источника, Интернета в частности, и последующее его использования в другом (и даже третьем).

Итак, под *глобализацией* в информационно-коммуникативном дискурсе мы, вслед за специалистами, понимаем «распространение информационных материалов, связей, средств и систем в транснациональных масштабах по всему миру» [Денисова: 2004, <http://www.philol.msu.ru...>]. Одними из негативных последствий этого феномена, на наш взгляд, стала возникшая «поликодовость дискурса» (а это и новый сленг, глобализмы, и смешение, использование двух или более языков) и «интертекстуальность» [Там же]. К добавочному значению интертекстуальности мы приписываем миграцию текстов разных типов, лишенных языкового преобразования, строго обуславливаемого фактором специфики медиа-канала. С. П. Денисова констатирует, что люди уже привыкли к сопровождающим их процессам

виртуализации, мультимедиагизации, а, соответственно, к их продуктам. Все это вместе дестабилизирует жизнь языка, снижает порог чувствительности к нему его носителей [Там же].

Таким образом, глобализация коммуникации и нивелирование культур (а значит и языков) способствуют, усреднению текстов, выражающемуся в том, что они кочуют в информационном пространстве из одного вида СМИ в другой в «первозданном» виде. В этом глобализация медиа-языка проявляется, прежде всего. Подчиняясь неоднозначному, двойному характеру процесса глобализации — сплетению синтеза, унификации и фрагментарности, индивидуализации, — язык СМИ переживает некую новую веху своей жизнедеятельности. Далее же обратимся к анализу текстов новостей в аспекте воздействия на них фактора глобализации.

II.2.1. Влияние глобализации на русскоязычные СМИ Эстонии

На предшествующих магистерскому этапам работы нами исследовались тексты новостного типа, которые совпадали по тематике во всех (а именно, в газете и на радио) медиа-каналах за определенный период времени. Также были рассмотрены и несовпадающие по теме новости. В настоящем разделе работе мы вновь придерживаемся принципа изучения текстов монотемных, т. е. тематически совпавших в нескольких СМИ за определенный отрезок времени. Такой подход к отбору материала был обусловлен, во-первых, возрастающим их количеством, а во-вторых — наглядностью описания русского языка СМИ диаспоры и специфики организации данного типа текста, поскольку в схожих по теме текстах разных СМИ лучше проявляется влияние экстралингвистических факторов.

В формировании текстов участвуют, как известно, самые разные экстралингвистические факторы, одни из которых, что было продемонстрировано выше, носят субъективный (в широком понимании этого слова) характер. В отношении воздействия на продуцирование текста *фактора глобализации* следует еще раз подчеркнуть бинарность этого явления — синтеза слияния времени, пространства, культур, унифицировании, стандартизации и стремления, необходимости обособиться, выделиться, утвердиться (что особенно актуально для культур, этносов, языков). Образуется некий сложный феномен, не поддающийся однозначной трактовке.

Под глобализаций, как уже отмечалось, мы понимаем прежде всего «кочевание» текстов по мультимедиапространству в неизменном, «первозданном» виде. Отличительной чертой русскоязычных газет, в частности, считается «большое количество репродуцированных изданий, кроссвордов, анекдотов» [Meediakasutus 2004, Paves 2006: 29]. Наши наблюдения также подтверждают этот факт. В большей степени перепечатки встречаются на страницах «Вестей дня» и «Нарвской газеты». Здесь существенными оказываются, думается, факторы профессиональной практики, предельными сроками подачи материала, составом наличных сотрудников. Приведем некоторые статистические данные. См. ниже Таблицы 1 и 2.

Таблица 1

Газеты на русском языке (апрель и ноябрь 2005, 2006)

название газет	всего номеров	всего текстов	тексты-перепечатки	% текстов-перепечаток
МЭ	9	514	84	16,34%
ВД	9	351	107	30,48%
ПМР	9	329	23	6,99%
НГ	7	275	114	41,45%
ВСЕГО	34	1469	328	23,82%

Таблица 2

Интернет, портал Delfi

всего выпусков (8-9.11.05, 4/6.04.06, 7-9.11.06, 20-21.11.06)	9
всего текстов новостей* без рубрики Admiral Invest	614
кол-во "чужих" материалов, текстов	384,50
% "чужих" текстов	62,62%

Из Таблицы 1 видно, что общая картина соотношения оригинальных, то есть своих, местных, редакционных материалов и позаимствованных из российской прессы в целом позитивна. Если же рассматривать каждый отдельный случай, то выдерживает свое лицо только «МЭ». Отдельно следует оговорить ситуацию с газетой «ПМР», которая представляет собой частичный перевод эстонского первоисточника «Postimees». Поэтому в отношении ее текстов сложно говорить как о созданных на русском языке, принадлежащих редакции, «своих». Львиная доля

газетного пространства отводится перепечаткам из российской прессы или Интернета в газете «НГ». Причина тому, по словам журналиста данной газеты, малочисленность сотрудников редакции (3-4 человека). Из *Таблицы 2* следует, что местных публицистических в сравнении с «копи-пэйтс»-материалами, размещенных на портале Delfi, меньше. «Чужими» текстами были копированные с российских и других интернет-лент новостей, информационных сайтов, касающиеся в основном событий, произошедших за рубежом. Очевидно, что масс-медиа не только подвергаются влиянию глобализации, но и являются ее инструментом [см. подробнее Hjarvard: <http://www.nordicom.gu.se>.. , 82]. Перейдем к более частному проявлению воздействия фактора глобализации.

В фокусе нашего внимания оказались тексты новостей, совпавших по теме во всех рассматриваемых нами медиа-каналах (в газетах, на радио, телевидении и в Интернете) за определенный период времени, а именно с 7-ого по 10-ое ноября и с 20-ого по 21-ое ноября 2006 года, а также 22, 23 февраля и 4 и 10 марта 2007 года. Тематическое совпадение текстов новостей хотя бы в двух медиа-каналах было принципиальным. Мы отобрали из них таковые. Их оказалось 72 (т. е. 6, 3 % от общего количества, 1132). Текстов, имевших «близнеца» во всех пяти исследуемых каналах, не оказалось ни одного. Это позволяет сделать вывод о тематической пестроте, о тенденции отражать нашу жизнь многогранно, а также о стремлении каждого медиа-канала к своеобразности. При этом регулярнее всего интернетовский текст совпадал с газетным или радио-, телевизионным, хроника печати также нередко совпадала.

Далее, совпавшие тексты мы разбили на 3 основные группы: совпавшие 1) лишь тематически, 2) частично и 3) практически полностью. Самой многочисленной является вторая группа. Практически полностью совпавших текстов оказалось 26. Проанализируем далее некоторые из текстов.

По поводу первой группы – лишь тематически совпавших-новостных текстов – отметим, что проводить их анализ с точки зрения воздействия фактора глобализации нецелесообразно, поскольку между ними языковые сходства минимальны. Это, с данной точки зрения, идеальные новостные речевые произведения.

Как правило «близнецами» становились новости высокой социальной значимости (например, посвященные встрече президентов Эстонии, Латвии, Литвы и Польши в Вильнюсе, визиту Дж.Буша в Эстонию и связанных с этим трудностям и радостям для местных жителей, утечке топлива из баков затонувшего судна, а также тексты криминальных новостей). Обратимся к примерам, приведенным в

Приложении 2.

Перед нами полное совпадение новостных текстов газеты «ВД» (от 3 апреля 2006) и портала Delfi (2 апреля 2006). Их единственное различие в заголовках: «*Студенты требуют человеческих условий жизни*» и «*Хотят жить как люди*». Первый из них более нейтрален и вместе с тем более информативен. Выбор такого заголовка объясняется спецификой организации интернет-сайта: читатель, прежде всего, видит заголовок, который выполняет функцию опции и ссылки-перехода непосредственно к тексту. Второй — экспрессивно окрашен, носит прецедентный характер (отсылка к фразеологизму *жить (заживем) как (белые) люди*) и более аттрактивен. Здесь усматривается обусловленность особой функцией газетного заголовка: заинтересовать, привлечь внимание, создать «подтекст и затекст, обеспечивая возможность вдумчивому читателю размышлять, сопоставлять, делать выводы» [Павловская: 2000, 207].

Рассмотрим также тексты полицейской хроники (один из газеты «ВД», другой был помещен на информационном портале) в Приложении 3, которые демонстрируют практически копию друг друга. Их различия наблюдаются на лексико-синтаксическом уровне и проявляются также в выборе заголовков: «*Осторожно, педофил!*» и «*Извращенец требовал у детей орального секса*». Обоим, как видно, присуща экспрессивность, второй, однако, несет большую информативность, называя все своими именами. Различаются данные тексты тем, что автор газетной хроники изменил словосочетание *говорящий по-эстонски* на *говорит по-эстонски* и из последней части последнего предложения «выкинул» субстантивированное причастие *звонящего*. Здесь можно усмотреть попытку упростить синтаксис. В целом же такого рода минимальные изменения в структуре текста несущественны, непонятны.

Обратимся к текстам-близнецам в Приложении 4. Один из них также с интернет-портала, другой — из газеты «ВД». Заголовок первого — «*Насильнику–неудачнику запретили общаться с девушками*» — по сравнению с газетным — «*На пушечный выстрел*» — более информативен, но при этом его лексическое наполнение явно оценочно. Автор присваивает себе право судить преступника, называя его насильником (притом, что попытка изнасилования была пресечена) и неудачником (явно оценивая действия преступника с точки зрения достижения цели). Заголовок газетного текста — устойчивое выражение с определенными коннотациями. На содержательность, информативность здесь нет и намека. Газетный текст этой пары «близнецов» также лишился вводной конструкции (*сообщает SL Õhtuleht*), двух

придаточных предложений (*который она вытащила, чтобы позвонить и позвать на помощь*) и ряда добавочных сведений (последний абзац).

Другой пример (см. в Приложении 5), новости о встрече президентов демонстрирует полное совпадение радиотекста с тремя абзацами газетного материала. Их отличает: замена в первом лексемы *других* на *прочих* к сочетанию *международных организациях*. Попутно отметим, что объемная статья на первой полосе в «МЭ» нашла свое отражение и в «ВД», но в виде краткой хроники из двух сложных предложений под схематичным (из трех звездочек) заголовком. Как видно, фактор социальной значимости события проявился по-разному в этих медиа-каналах.

Фактор глобализации наблюдается в формировании «близнецов» в Приложении 6. Работа над текстом редактора газетной полосы новостей свелась также к придумыванию более «верного» заголовка — *«Ну просто беда»* — вместо озаглавливающего сетевой текст *«Визит Буша перекроет центр Таллинна»*. Объем газетного текста был сокращен на два последних абзаца, несущих дополнительную информацию, напрямую не касающуюся перемен в уличном движении столицы. Такая редукция, скорее, оправдана и необходима в условиях ограниченности газетного пространства. Верным нам показалось и изменение предлога и числа в таком случае: *По маршруту движения высокопоставленного гостя полиция перекроет движение на час* (ВД) вместо *На маршрутах движения...перекроет движение на час* (Delfi). В данном контексте уместнее устоявшаяся форма, более официальная *по маршруту* (Ср.: *по маршруту движения колонны, по маршруту движения кортежа, по маршруту движения процессии*). Тогда как во мн. ч. и чаще с предлогом *на* это сочетание фигурирует в контекстах, связанных с движением общественного транспорта (Ср. по данным google.ru: *контроль на маршрутах городского транспорта, движение автобусов маршрутов №56, 576; изменены трассы движения маршрутов социальных автобусов*). В остальном же тексты идентичны.

Порой абсолютными «близнецами» оказываются тексты новостей социально незначимых, «пустячных», как приведенные в Приложении 7. Они — тексты из «МЭ» и «НГ» — совпадают практически дословно, различаясь (не)указанием на источник информации (текст «НГ» авторизирован агентством Би-Би-Си), а также заголовками (*«Как обезьян отучили воровать мобильники»* и *«У обезьян отобрали мобильники»*). Эти заголовки в некоторой степени экспрессивно окрашены. Синтаксис одного отсылает, как нам кажется, к названиям известных произведений

(напр., «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Как Иван-дурак дверь стерег»). Другой заголовок создает некоторый комический эффект, будто у животных изъяли их собственные мобильные телефоны. На лексическом уровне изменения коснулись словосочетания *их родина* (в «МЭ»), определение которого, выраженное притяжательным местоимением было заменено развернутым: *Родина белчих обезьян*. Кроме того, есть различия и на синтаксическом уровне: косвенная речь, при помощи которой встраиваются комментарии ученых в газете «МЭ», имеет в «НГ» форму прямой речи. Данные тексты также различаются сопровождающими иллюстрациями. В остальном же тексты точно повторяют друг друга. Заметим в скобках, что в «МЭ Суббота» текст об обезьянах с телефонами снова был опубликован, однако в значительно сконденсированном виде.

В Приложении 8 помещена еще одна пара текстов из газет «МЭ» и «ВД», которые являются практически точной копией друг друга. Произведенные авторами изменения сводятся к выбору «своего» заголовка. Прочитав заголовок «*Ради продолжения рода*», мы определенно не поймем, что речь пойдет о кротах. Но возникшие ассоциации привлекут читательское внимание. Другой заголовок «*Для чего кроты толстеют*» нейтрален, информативен, как собственно и текст в целом, и в то же время интригующе, побуждающий прочесть заметку.

В «ВД» текст появился на день раньше, а значит, имел какой-то иной первоисточник, ссылка на который отсутствует. Нет в данном тексте и уточнений — причастного оборота с приложением: *изучающие дармалендского голого землекопа (*Cryptomys damarensis*) на его родине в Южной Африке*, а также предложения-скрепы в начале последнего абзаца: *Только одно может заставить этих ленивых кротов напрячься*. При этом смысл заметки существенно не меняется. Текст в «МЭ» снабжен ссылкой на источник и фотоиллюстрацией.

На основе приведенных примеров текстов-«близнецов» можно сказать, что преобразование их сводилось к подборке более выразительного заголовка и/или удачного, по мнению журналиста/редактора, синонима.

Изменения, произведенные в текстах второй группы, т. е. частично совпавших (их оказалось 41), носили несколько иной характер. Перечислим, проиллюстрировав примерами, какие изменения претерпели тексты новостей этой группы. Заметим, что подсчет языковых и текстуальных изменений мы провели методом интроспекции, поэтому трудно гарантировать полную точность результатов, однако общую картину они дают.

Прежде всего, замена (читай — работа над текстом) производилась на

лексическом уровне. Лексические отличия встретились 38 раз: из них регулярнее всего автор пускался на поиски синонима (пр.: *На востоке Польши – В восточной части Польши, парламент Эстонии – Рийгикогу, бывший – экс-министр, мемориала Свободы – памятника Свободы, входящий в Партию реформ – реформист, с нового года – со следующего года, в диапазоне от – в пределах от..., тет-а-тет – с глазу на глаз, городской бюджет – бюджет Таллинна, яйца грязнее обычных – более грязными, суд оставил в силе обвинительный приговор – суд не вынес оправдательного решения, поэтому – так как, накануне – перед и др.*). Нередко автор употреблял оценочную лексику (мы насчитали 6 случаев), например, *весьма* (Р 4), *разбазаривание* (Delfi), *национальное достояние* (Р 4), *явные педофилы* («ВД», портал), *уверенно заявил он, удивлен представитель предприятия* (Delfi) и др. Характерно изменение сложных числительных, которые приветствуются в газетных текстах, на округленные в звучащих: *в объеме 6, 48 млн. – почти шесть с половиной миллионов крон, в очереди стояло 197 грузовиков – около двухсот* и др. Употребление штампов замечено 3 раза: *суд счел обоснованными обвинения — был признан виновным, госсуд оставил в силе – оставлен без изменения...; обеспечит преимущественный проезд — даст...*

На морфологическом уровне изменения малочисленны и были представлены заменой времени глагола (1 раз: *победители вернутся в Эстонию — вернулись...* (хотя новость вышла в один день, именно в среду), вида (*город должен обеспечить – должен обеспечивать*), числа (3): *подобные системы установлены – подобная система используется; на маршрутах — по маршруту, на латышском, английском и русском язык- ах / -е*), падежа, изменение части речи (*включая – а также*).

Значительные изменения текста производились и на синтаксическом уровне. Это проявлялось в усложнении (за счет вкрапления вводных слов, приложений, уточняющих придаточных предложений) или упрощении (характерно для радионовостей) синтаксической структуры предложений, текста в целом. При этом нередко в радиоэфир выходила новость, взятая, скорее всего, из газеты, но без достаточной работы над структурой предложений, да и смысла в целом. Более того, такие новости звучали без изменений неоднократно (в случае выхода в эфир выпусков с интервалом в час за один день). Как, например, следующий:

(«Р 4», 23.02.07) *Хозяевами Эстонии должны быть ее граждане, а не политики, — заявляет президент Томас Хендрик Ильвес. Отвечая сегодня на вопросы читателей газеты «Молодежь Эстонии», Ильвес напомнил, как в своей инаугурационной речи он высказал пожелания, чтобы через пять лет*

молодежь не говорила больше о Б восстановившей независимости, а могла бы говорить о независимой Эстонии. По его словам, это предполагает возникновение детских болезней, неизбежно сопутствующих построению демократии и экономики. В числе прочего это означает, чтобы хозяевами государства ощущали себя граждане страны, а не политики вкупе с близкими им бизнесменами...

Видимо, данный текст посредством глобальной сети был получен службой новостей «Радио 4», диктору-редактору осталось лишь зачитать его в эфир.

Кроме отмеченных выше синтаксических изменений наблюдалась перестановка синтаксем местами (3). Наблюдалось и смещение тема-рематического деления текста, что проявлялось в вынесении, например, обстоятельства места и причины в препозицию, а в другом случае в начало предложения выносился факт, цифры (*В результате аварии автобуса в восточной части Польши... – Четверо россиян погибли в пятницу в результате автокатастрофы...*). Порой менялся предикативный центр высказывания: *Десять учебных программ будут преподаваться на латышском, английском и русском языках («АК») – Преподавание будет вестись по десяти программам на латышском, английском и русском языке (Delfi)*. Три раза встретилась замена типа сказуемого (типа *бактерии, которые не вредят – бактерии, которые не опасны; Трамваем, который шел – трамваем, следовавшим...*). Всего отмечено 48 вариантов синтаксических замен.

На невербальном уровне имели место наличие-отсутствие заголовка (9), выбор другой фотоиллюстрации (3), использование кавычек (4), а также использование транслита или перевода для передачи эстоноязычных наименований (многократно: Ср.: «Экстра» / Ekstra, центр «Сакала» / центр Sakala).

Текстообразующий уровень был представлен различиями в привлечении дополнительной фоновой информации (12), во включении мнения третьего лица (9) (но вкупе с телевизионными текстами гораздо больше), в отсутствии затекстовой авторизации (4).

Прежде всего, организация новостных текстов подчинена специфике медиа-канала. Именно этот фактор обусловил явные различия между печатными, телевизионными и радиотекстами. В качестве примера влияния фактора глобализации на «видеоязык» телевидения можно привести такой, что нередко разный словесный материал сопровождается видеорядом, ранее использовавшимся в предыдущих выпусках, когда сообщалось совершенно о других фактах, событиях. Как правило, в целом телевизионные тексты обрабатываются с большей

тщательностью, поскольку над ними работает сразу несколько человек и выпуск komponуется задолго до выхода в эфир.

Таким образом, как показывает анализ материала, фактор глобализации имеет место и разнообразные проявления в местных СМИ. В фокусе нашего внимания во всех предыдущих разделах работы были языковые средства, далее остановимся на сопутствующих им невербальных средствах, понимая при этом, что полный анализ требует специального исследования.

II. 3. Невербальные средства организации текста новости

В реальной жизни вербальная и невербальная коммуникация тесно взаимосвязаны. Мимика, взгляды, пластика тела (кинестетика), а также интонация, громкость голоса (паралингвистические добавки) и паузы «способны расставить определенные акценты на передаваемой информации, выявить или скрыть эмоциональное состояние» человека [Стефаненко: 1999, 155]. Как справедливо отмечает Т. Г. Стефаненко, «речь является лишь частью единого процесса коммуникации», как правило, невербальная коммуникация ее сопровождает, но нередко она может быть и автономной, фактически заменять «словесный» текст [Там же]. Иногда же слова и невербальное сопровождение могут вовсе противоречить друг другу. Считается, что люди извлекают только 7 % смысла из говоримой речи, в то время как голос, выражение лица, жесты и поза передают 93 % смысла [Невербальные средства в коммуникации. www.cjes.ru...].

В. Г. Колшанский, напротив, убежден, что вербальный язык «как единственно глобальная манифестация всей разумной познавательной деятельности является доминирующим средством человеческой коммуникации» [Колшанский: 2005, 215]. Паралингвистические средства участвуют в восполнении вербального эллипсиса и контекстуально привязаны к конкретному высказыванию. Параязык сам по себе не несет никакого смысла [Там же, 219].

В отличие от межличностной коммуникации, когда люди не так часто и не так осознанно думают о своем невербальном поведении, в массовой коммуникации, осуществляемой СМИ, использование невербальных средств прагматически релевантно. Всесильные, по оценке У. Липпмана, СМИ располагают всеми

возможными неязыковыми средствами фиксации и репрезентации информации: от размера шрифта до видеоряда и оптического трюка. В медиа-коммуникации слово перестает быть единственным и достаточным способом передачи информации [Специфика языка телевидения: <http://www.cjes.ru...>]. Поэтому невербальные знаки называют вторичной коммуникативной системой.

Следует помнить, что отличительным признаком современных СМИ признается «усиление зазывной и эмотивной функции, что, в свою очередь, является проявлением стремления <автора–журналиста> к броскости» [В. Н. Шапошников: цит. по Ильясова 2002: 49]. Одним из способов создания броскости становится, на наш взгляд, использование невербальных средств коммуникации. В этой связи правомерно говорить о выполнении последними развлекательной и манипулятивной функций. Рекламный дискурс, а также «гламурная» пресса, кинематограф суть естественная среда активного функционирования неязыковых средств. Информационный медиа-дискурс гораздо менее мотивирован на включение в организацию новостного текста различных экспрессивных элементов, в том числе и невербальных.

По нашим наблюдениям доля использования «несловесного» языка в текстопорождении относительно велика. В формировании произведения участвуют такие невербальные средства, как: шрифт, цвет, значки-символы, цифры, фотоиллюстрации, схемы, особенности голоса, речи, паузирование, музыкальное сопровождение, пластика тела, видеоряд, а также использование кавычек, расположение текста в рабочем пространстве.

К невербальным средствам регулярного, системного свойства в печатных новостных текстах относятся *шрифт* и *цвет*. Выделение слова курсивом или жирным шрифтом, размер шрифта демонстрируют значимость, первостепенность маркируемого знака, тем самым фокус внимания реципиента переносится на главный, с точки зрения автора, компонент текста или описываемой ситуации.

В этом отношении показательны такие текстовые категории, как заголовок и зачин (вводка, лид); заголовок и зачин прочитываются в первую очередь, инициируя тем самым процесс понимания словесного текста. Именно в заголовке реализуется авторская стратегия привлечения внимания аудитории. Как правило, заголовки занимают верхнюю (над основным текстом) позицию, печатаются крупными буквами, обязательно выделяются жирным шрифтом. Жирным шрифтом регулярно печатаются зачины новостей, а также указанный за / перед текстом источник, автор сообщения, и тем самым возрастает его понятийность и аттрактивность.

Другим часто встречающимся невербальным средством организации новостного текста являются *фотография* или *схема, таблица*, а также *диаграмма*. Визуальные знаки находятся в распоряжении всех каналов коммуникации, за исключением радио. В газетах в силу лимитированности рабочего пространства (фото)иллюстрации используются значительно реже, нежели в интернет-текстах новостей.

Интересным показался текст из «НГ» за 8.04.06 (*Приложение 9*) под заголовком «Трагедия на кольце», сопровождаемый фотографией с места дорожного происшествия. Снимок красноречиво комментирует факт свершившегося. Вербальный текст носит объективизированный характер, что выражается в фактографичном описании события через ответы на вопросы когда? Где? Что? при помощи прозрачных синтаксических и лексических единиц. Более официальным текст выглядел бы без второго абзаца показаний свидетелей аварии. Их включение, а также употребление таких слов, как *трагедия* (а не сухого *происшествие*), *женщина* (а не безликое *пешеход, потерпевшая*), *на кольце* (которое известно всем нарвитянам, читателям данной газеты, именно под таким «бытовым» названием, а не официального *на кольцевом перекрестке Таллиннского шоссе, улиц Кересе и Пушкина*), обособление приложения «*Анна, 1925 г.р.*» тире с двух сторон в функции выделения, акцентирования внимания, интимизируют коммуникацию. Черный фон, на котором помещается словесный текст и картинка, как кажется, призван создать у читателя определенные перцептивные аллюзии или настроения с целью вступить с адресатом в диалог, выразить личное сочувствие.

В отношении использования средств реализации авторской установки в новостных текстах прогноза погоды действуют жанрово обусловленные требования. Другими словами, текст о погоде является, на наш взгляд, классическим вариантом речевого произведения официально-информативного подстиля, языковая организация которого обуславливается «социально закрепленными, стандартизованными ситуациями <...> <обладающими> определенными и относительно устойчивыми формами построения» [Гаузенблаз: 1986, 77]. Однако в условиях высоких технологий, глобализации мира, языка, непрекращающегося информационного потока и жесткой конкуренции в СМИ журналисту приходится быть оригинальным, нетривиальным, «продаваемым».

Именно под влиянием названных обстоятельств, как нам представляется, в некоторых современных русскоязычных газетах стало нормой сопровождать сообщение о погоде нестандартной иллюстрацией. На примерах прогноза погоды в

разных газетных изданиях (*Приложение 10*) прослеживается возрастающая тенденция к авторскому творчеству. Современным текстам о погоде свойственны сокращение словесного объема, отсутствие заголовка, а также компьютерного изображения карты Эстонии с пиктографическими значками состояния погоды (функционирующими в роли заголовка, маркера того, что здесь идет речь о прогнозе погоды), которые замещает теперь фотография «на злобу дня», в прочем, еще больше привлекающая внимание читателя (см. *Приложение 11*). Данный текст прогноза погоды подчеркнута объективен и безоценочен в собственно языковой организации. Использованная иллюстрация с видом на паром Tallink в Финском заливе, лишь у берега непокрытом льдом, где зимуют лебеди, может указывать на проявление субъективного взгляда, раскрывает отношение к неязыковой ситуации благодаря возникающим коннотациям (возможно, с и в связи с актуальной то время проблемой распространения птичьего гриппа).

Важно, что текст оснащен указанием на нескольких авторов, как минимум двух — информагентство является источником информации о погоде, а конкретный человек (в данном случае Леонид Смутьский) автор фотографии. Так, выбор фотографии позволяет говорить о проявлении личностных особенностей автора.

Говоря о субъективности и невербальной оформленности новостного медиа-текста в местных СМИ на русском языке, приведем пример из российской прессы. Газета «Известия», вышедшая сразу после сентябрьского теракта в Беслане, от начала до конца состояла из «фото-новостей» и «без слов» рассказала об ужасе этой трагедии. Это поистине беспрецедентный случай в газетной практике. В русскоязычных газетах в Эстонии в последнее время встречаются тексты новостей, в которых неязыковые средства коммуникации превалируют над вербальными.

Тактика привлечения внимания читателя управляла и авторами текстов, приведенных в *Приложении 12*. Доминирующим смысловым компонентом здесь являются фотоиллюстрации. Фотография здесь выполняет функции и заголовка, и вводки, реализуя тем самым авторский замысел привлечения внимания, желания быть интересным, оригинальным. Информация о встрече министра культуры с представителями творческой интеллигенции, о крещенском купании или о зимней аварии представлена предельно сжато, лаконично, максимально фактографично. Словесный текст, отметим, выделен жирным шрифтом, что работает на большую аттрактивность и на повышение значимости вестей. А фотография, изображающая резвящихся в снегу щенков, есть собственно новость: максимально девербализованное сообщение. Главная особенность таких текстов — отсутствие

указания на официальный источник информации. Внутритекстовых ссылок также нет. Авторизируется только сам снимок: авторитетной, вызывающей доверие верификации по категории истинности-ложности не требуется. Информация важна не только та, что телеграфируется через информагентства. Факт жизни интересен и информативен сам по себе.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что современному медийному дискурсу и массовой коммуникации в целом присуща направленность на понимание «с полуслова», умения читать «между строк». Такая тенденция, по мнению некоторых исследователей (Э. Лассан, Т. В. Козлова), активизировалась в российских СМИ.

Особого внимания с точки зрения влияния на порождение текста невербальных средств заслуживают радио- и телевизионные, а также сетевые речевые произведения. Мы уже говорили о том, что медиа-текст — это сложная синтаксическая единица, компонентами которой являются как вербализованная информация, так и передающаяся визуальным изображением, звуковыми эффектами. Известно, что немаловажную роль в текстопорождении на телевидении и в Интернете, на радио меньше, играют средства невербальной коммуникации. Перечислим основные: фотография, видеоряд, музыка, графика (в случае письменных печатных текстов), а также компоненты, к которым относятся неязыковые звуки (вскрики, стоны, оханья), кинетика и высота и интенсивность звука, тембр речи. Как эмоциональные индикаторы могут выступать запинки, оговорки, паузы и молчание, поза, телодвижения, мимика [Психологический словарь: <http://centersep.ru...>] Последние компоненты, в отличие от первых четырех — опосредованных, контролируемых волей человека (автора), являются как бы более субъективированными, поскольку исходят прямо от человека. Мы не можем принять точку зрения Г.В.Колшанского, согласно которой свойства голоса, особенности артикуляции ни в коей мере не связаны «с организацией высказывания, поскольку эти факторы не участвуют в передаче» какого-либо содержания [Колшанский: 2005, 216-217]. Так, диктор новостей «Р 4» (Вл. Айжинский) склонен интонировать текст так, чтобы высветить смысловые доминанты высказывания, а иногда и выразить свою субъективную точку зрения на произошедшее. Приведем примеры:

«вытекающее из его баков горючее з[аэ]гр[И]зняет море»,

«Президент США Джордж Буш заявил, что готов обсудить [л']убые предложения по Ираку».

В первой фразе диктор особенно выделил (потянув вокал первого и второго слогов, акцентацией Я) слово *загрязняет*, усилил тем самым его смысловую нагрузку. Во второй — повысил до этого ровный тон на слове *заявил*, а значение лексемы любые «умножил» удлинённым произношением Л.

Отметим далее некоторые особенности использования невербальных средств в радио- и телетекстах.

Дистантность речевого акта, отсутствие визуального контакта с аудиторией предъявляют радиомедиуму требования к поиску особых средств «наглядности». Ими оказываются образность слова или «образность» произношения, а также музыкальный фон-сопровождение и документальные записи. Выпуск радионовостей (как и телевизионных) обрамляется специальным идентифицирующим сигналом (или сигнатурой), который представляет собой короткую музыкальную вставку, оригинальную композицию [Raadioajakirjandus: 1997]. Этот сигнал указывает на начало / конец программы, членит ее структуру, а также оживляет фон трансляции, тем самым эффективно, привлекая внимание слушателей. Дополнительная функция таких «музыкальных пауз» усматривается в том, что сигнатуры облегчают задачу диктора, экономят его речевые ресурсы, эфирное время. Фразы типа «А теперь прослушаем прогноз погоды» или «Внимание, теперь приглашаем вас к прослушиванию получасового выпуска новостей» опускаются, тем самым, позволяя доработать языковое оформление текста, всего выпуска, настроить на коммуникацию.

Понятно, что акустичность радиокommunikации предполагает господство устной речи диктора (и корреспондентов). Фактор устного общения подразумевает включение в процесс текстообразования таких невербальных средств передачи информации, как интонирование, темп речи, тембр голоса, паузирование, сбивчивость (влекущей за собой оговорки, коммуникативные помехи) и т. п. диктора. Как писал в «Эстетике и поэтике» А. А. Потебня, «свойства голоса ... повышение и понижение, степень силы и долготы дают звуку столько разнообразия, что если бы возможны были люди со струнами на груди, но без органов слова, то звуками струн они могли бы свободно выражать и сообщать друг другу свои мысли» [Потебня: 1976, 37].

Нарушенное интонирование речи приводит к смещению логического ударения в произносимом тексте, слишком быстрый (или наоборот, медленный) темп речи диктора влечет ошибки, оговорки-нелепицы. Их вероятность возрастает за счет того, что, во-первых, информации слишком много, а рабочего времени не хватает, во-

вторых, необязательное сегодня (по причине частого отсутствия профессиональных корректоров-редакторов) модифицирование текста новости для радиокommunikации приводят к тому, что диктор зачитывает в эфир малознакомый ему текст. Ярким (но не частотным, что отрадно) примером этому послужил нижеприведенный текст новости («Р 4», 10.01.05):

В пострадавшем от наводнения городе Пярну на исходе запасы питьевой воды. На чрезвычайном заседании сегодня горуправа прИняла решение открыть банковский счет для приема пожертвований в пользу пострадавших от наводнения. Самой большой проблемой является обеспЕчение горожан теплом и питьевой водой. Морская вода подтопила и испортила запасы дров у населения. Чистой питьевой воды, по данным Пярнувеси, хватит примерно до девяти часов вечера. Автобусное движение в Пярну не нарушено за исключением приморского района. ??? Сильный шторм и вызванные им наводнения в западной части Эстонии вынудили спасателей эвакуировать около сотни жителей города Хаапсалу ...

Особенности голоса диктора (низкий, успокаивающе-обволакивающий, с хрипотцой), свойственные ему замедленная и даже убывающая к концу фразы скорость говорения усугубляют монотонность речепорождения и вместе с тем подачи материала в целом. Кажется, что автор (диктор) механически воспроизводит написанный текст, не расставляя логических ударений, не следит за орфоэпией (ошибки в словах *приняла* и *обеспечение*), не делает фразоразличительного паузирования (в результате не ясно (маркировано нами как ???), где заканчивается одно сообщение и начинается следующее), т.е. нарушается связность текста.

По нашим наблюдениям, и достаточно сильный, твердый голос другого диктора, которая зачитывает новости в быстром темпе, но чересчур старательно расставляет смысловые акценты, резко повышая голос и понижая на вдохе / выдохе, особым образом влияет на восприятие. Это наряду с особенностями артикулирования шипящих (ж и ш, становятся «перенасыщенными», как бы удлинненными: на вчераШШШнем заседании, ШШШтобы, провозглаШШШен) придает тексту театрализованно-наигранную тональность (известно, что диктор по профессии актриса, а не журналистка). Такой, как нам кажется, эффектный стиль подачи информации отражается на общей «понятности» текста, придает самой информации солидность, душещипательность, но в то же время как бы торопит слушателя

слушать. Это привлекает внимание аудитории, вызывает желание слушать новости, но иногда и делает коммуникацию громоздкой, навязчивой.

Связность телевизионному гипертексту обеспечивают такие его структурные элементы, как видеоряд, цвет, свет, ракурс, звук, жесты, мимика, элемент одежды и др. Именно в неразрывном единстве словесного и аудиовизуального кодов заключается специфика языка телевидения. Согласно исследованиям телевизионного дискурса, «ведущий новостей обычно присутствует в кадре так, что его лицо, голова, плечи почти полностью занимают экран <...> Эта организация знаменует авторитет говорящего» (Fowler 1991 — цит. по [Лихачева: 2002, 240]). По нашим наблюдениям, ведущих программы «Новости Эстонии» характеризует сдержанность в цвете одежды, строгость, даже холодность в выражении лица, минимальная подвижность рук, головы, глаз. Ведущие русскоязычной «Актуальной камеры» зачитывают новости, с более мягким выражением лица, голова и плечи подвижны, нередко на лице сдержанная улыбка. «Позиционное» реноме диктора актуализируется разной степени; то, что в центре внимания оказываются и атрибуты телестудии, более характерно для «Новостей Эстонии», тогда как студии «Актуальной камеры» присуща большая камерность, незаметность фона.

Совершенно ясно, что именно в силу своих выразительных возможностей, аудиовизуальный язык телевидения имеет большое преимущество в воздействии на массовую аудиторию [Специфика языка телевидения: www...]. В Приложении 13 пример такого воздействия. Представленный там «фрагмент» аудиовидеотекста новости демонстрирует эффектное и эффективное наложение вербального и визуального рядов. В фокусе камеры: шоссе, длинная очередь грузовиков, ее замыкающая фура, от которой камера плавно наводится на дорожный знак, указывающий расстояние от этой точки до столицы. На протяжении этих кадров звучит голос диктора: *«Решение о том, где построить новые стоянки, нужно принимать совместно Министерством экономики и внутренних дел с волостью Вайвара. Хотя, конечно, глядя из Таллинна, решение проблемы можно и откладывать, так как до дверей министерств от крайней в очереди машины остается еще 203 километра»*. Проявление авторской интенции, субъективной оценки (злой иронии) усматривается в умелой визуализации факта. Вместе с аттрактивностью данный гипертекст максимально информативен.

Изучение взаимодействия неязыковых средств, используемых телевидением, с собственно языковыми требует большей углубленности изысканий, основательной

работы со специальной литературой, что заслуживает стать целью специальных исследований.

Заключение

Целью настоящего магистерского сочинения стало выявление экстралингвистических факторов, влияющих на формирование текстов информационного типа. Объектом исследования явились новостные тексты, в языковой организации которых нашли отражение объективные и субъективные внеязыковые условия.

Осветив во введении степень изученности русскоязычных СМИ Эстонии, ознакомившись в первой части работы с теорией вопроса, а именно, с характеристикой ГПС и жанрами его информационного подстиля, с состоянием языка сегодняшних российских масс-медиа, имеющимися лингвистическими и собственно журналистскими подходами к изучению дискурса новостей, охарактеризовав язык печатных и электронных новостей, мы можем сделать вывод о сохраняющейся актуальности и новизне темы работы. Такие, например, аспекты, как типология текстов, жанров, описание языковых черт новых и непрерывно обновляющихся масс-медиа, а также функционирования русскоязычных СМИ в Эстонии требуют дальнейшего, детального изучения. Наше исследование, направленное на рассмотрение новостных текстов с точки зрения влияния на их создание как *объективных*, так и *субъективных* внеязыковых особенностей, является частью такого изучения.

Работа с литературой и анализ практического материала показали, что основную роль в создании текстов новостей разных медиа-каналов играют следующие факторы: форма речи (устная, письменная), вид речи (монолог, диалог), тип речи (повествование, рассуждение, описание), тип текста, сфера / условия общения, специфика медиа-канала (радио, газета, ТВ, Интернет), подготовленность / спонтанность речи, временная ограниченность подачи материалов, пространственные возможности; массовость, гетерогенность аудитории, конкуренция в СМИ, социально-экономический контекст, глобализация языка и медиа-пространства, интеллектуально-психологические характеристики, «внутренняя предвзятость», т. е. убеждения адресанта и адресата [по Т. ван Дейк: 1989, 137], физиологические признаки, происхождение текста (авторство), «социальная роль», языковая мода; языковой вкус, языковое чутье, уровень самоидентификации этноса

(культура и степень духовности языковой личности, принадлежащей данному этносу), инвентарь невербальных коммуникативных средств.

Приведенный перечень внеязыковых факторов, тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных, влияющих на язык, хорошо демонстрирует, насколько сложен и неоднозначен процесс формирования текста. Значительная часть этих показателей в разных СМИ совпадает, чем, очевидно, объясняется то, что принципиальных различий в использовании собственно языковых средств в текстах, функционирующих в разных СМИ, не обнаружилось. Однако в то же время целый ряд особенностей организации новостных текстов с точки зрения проявления экстралингвистических факторов был обнаружен.

Наблюдения над материалом позволили заключить, что достаточно высока степень воздействия на их организацию субъективных факторов. Зачастую именно профессиональный уровень, кругозор, убеждения автора-журналиста, его языковой вкус, а также факторы конкуренции, определенного принципа отбора сообщений, ориентации на моду играли доминирующую роль в создании текстов новостей. Все эти наблюдения и выводы стали предпосылками к тому, чтобы обратить особое внимание на способы авторизации новостей. По данному показателю тексты могут быть очень разными: от таких, в которых никак формально не представлен автор, до текстов, в которых «выражен» целый ряд авторов, образующих «многоярусное» явление, именуемое «модальной рамкой» дискурса. Тексты первого типа тяготеют к стандарту на всех языковых уровнях, во втором типе наблюдается смешение авторских «голосов», ведущее к смешению конкретных способов использования языковых средств, прежде всего лексических, синтаксических и текстовых.

Еще одним отголоском «автора» в тексте является количество разного рода ошибок, отражающих недостаточно внимательное и иногда даже халатное отношение к информационному языку. Чаще, по нашим наблюдениям, норму нарушают работники новостного портала Delfi. Регулярны ошибки в расстановке пунктуационных знаков. Налицо нарушение когерентности, а вместе с тем и ясности текста в целом, «нелюбовь» к точке, влекущая к соединению в высказывании нескольких смысловых блоков путем перечисления через запятую или при помощи тире. Незнание орфоэпической нормы демонстрируют радиожурналисты. Фактологические изъяны из-за невнимания к цифрам, названиям присущи всем из исследуемых нами СМИ. Однако в целом обнаруженные в анализируемом типе текста ошибки можно охарактеризовать как немногочисленные и однотипные.

Наряду с субъективными факторами по-прежнему значимо в языке масс-медиа

наличие стандарта, клише, которые на современном этапе видоизменяется под влиянием фактора глобализации – сложного, неоднозначно трактуемого исследователями явления, обнаруживающегося в самых разных областях жизни, в частности – в языке, особенно в языке СМИ. Под глобализацией в информационно-коммуникативном дискурсе мы, вслед за специалистами, понимаем «распространение информационных материалов, связей, средств и систем в транснациональных масштабах по всему миру» [Денисова: 2004, <http://www.philol.msu.ru...>], что ведет к использованию однотипных текстов и усиливает проявление стандарта в языке. Анализ материала показал, что существование текстов-«близнецов» в местном русскоязычном информационном пространстве – явление достаточно распространенное, имеющее разные варианты.

Несомненно, значимо для исследуемого нами объекта использование невербальных средств коммуникации. СМИ сегодня располагают всевозможными неязыковыми средствами фиксации и репрезентации информации: от размера шрифта до видеоряда и оптического трюка. Слово перестает быть единственным и достаточным способом передачи информации [Специфика языка телевидения: <http://www.cjes.ru...>]. Выбор определенного шрифта, цвета (фона), аранжировка элементов текста, иллюстрации становятся основными способами невербальной манифестации авторского Я. Фотография может, привлекая читателя-зрителя, передать и авторское отношение (равнодушие, насмешку, радость, соболезнование) к факту. Интонацией, темпом речи, паузированием диктор радионовостей выделяет ядро информации, расставляет оценки при помощи «нужной» акцентации, усиливая произношение того или иного звука. Корреспондент теленовости, вооружившись камерой, наводит объектив на говорящие сами за себя лица, объекты. Наш материал — яркое свидетельство умелого и уместного / неуместного включения в словесный текст каких-то элементов параязыка.

Таким образом, анализ материала позволяет сделать вывод о наличии набора основных, постоянных экстралингвистических факторов, влияющих на организацию текста новостного типа. Одни из этих факторов можно рассматривать как наиболее значимые, базовые, другие как второстепенные. Разумеется, в конкретном речевом акте могут появляться окказиональные факторы, также требующие внимания, однако нами была предпринята попытка описать некоторые общие тенденции, закономерности.

Перечень принятых в работе сокращений

ГПС – газетно-публицистический стиль

ПС – публицистический стиль

СМИ – средства массовой информации

Мн. ч. – множественное число

Ед. ч. – единственное число

Им. п. / Род. п. – именительный / родительный падежи

Прош. вр. – прошедшее время

НСВ – несовершенный вид (глагола)

«МЭ» – газета «Молодежь Эстонии»

«ВД» – газета «Вести дня»

«НГ» – газета «Нарвская газета»

«КП» – газета «Кренгольмский проспект»

«ДД» – газета «День за Днем»

«Р 4» – радиостанция «Радио 4»

«Р 100 FM» – «Радио 100 FM»

«ПРЯ» – «Postimees на русском языке»

Список использованной литературы

- 1) Абишева М. С. 2004 — К вопросу о субъектной организации текста информационной заметки. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы, 18 – 20 марта 2004.* М.
- 2) Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека.* М.
- 3) Атабекова А. А. 2001 — Лингвистическая архитектура представления знаний в сети Интернет. *Русский язык на рубеже тысячелетий.* СПб.
- 4) Байдаров Э. У. 2004 — Влияние глобализации на культуру и ценности человека. http://ftp.orenburg.ru/culture/credo/04_2005/4.html (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 5) Барнет В. 1988 — Дифференция национального языка и социальная коммуникация. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX.* М.
- 6) Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика.* М.
- 7) Будагов Р. А. 1967 — О типологии речи. «*Русская речь*», № 6.
- 8) Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. — *Стилистика газетных жанров.* М. 1978.
- 9) Валгина Н. С. 2002 — Текст как функционально-стилевая категория. *Теория текста.* <http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook029/01/index.html?part-012.htm#i792> (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 10) Ван Дейк 1989 — *Язык. Познание. Коммуникация.* М.
- 11) Васильева А. Н. 1982 — *Газетно-публицистический стиль.* М.
- 12) Володина М. Н. 2004 — Влияние языка СМИ на современный русский язык. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы, 18 – 20 марта 2004.* М.
- 13) Гаспаров Б. М. 1996 — *Язык, память, образ.* М.
- 14) Гаузенблаз К. О. 1978 — О характеристике и классификации речевых произведений. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII.* М.
- 15) Гвенцадзе М. А. 1986 — *Коммуникативная лингвистика и типология текста.* Тбилиси.

- 16) Гловинская. М. Я. 2000 — Глаголы со значением передачи информации. *Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н.А. Арутюновой*. М. с. 403 – 415.
- 17) Данн Дж. А. 2004 — Современный русский язык между глобализацией и фрагментацией. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы, 18 – 20 марта 2004*. М.
- 18) Демьянков В. З. — Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи. <http://www.infolex.ru/Lich.html> (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 19) Денисова С. П. 2004 — Глобализмы в языке массовой коммуникации. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы...* <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/> (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 20) Дерябин А. — Телевизионные новости как коммуникативное событие. <http://www.cjes.ru/lib/content.php> (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 21) Дремова Е. 2005. — *Оценочная лексика в русскоязычной прессе Эстонии. Бакалаврская работа*. Тарту.
- 22) Дроняева Т. С. 2003 — Информационный подстиль. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. Изд-во МГУ. с 290 – 317.
- 23) Дуличенко А. Д. 1994 — Русский язык конца XX столетия (Slavistische Beiträge, Baud 317) – München-.
- 24) Дускаева Л. Р. — Информационные жанры газетной публицистики. <http://language.psu.ru/bin/view.cgi?alt=0060> (дата посл. просмотра 12.06.07).
- 25) Евстратова С. Б. 2000 — Особенности функционирования лексики в русскоязычной прессе Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту.
- 26) Евстратова С. Б. 2002 — Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. IV*. Тарту. с. 82 – 90.
- 27) Засурский Я. Н. — Информационное общество и среда массовой коммуникации. http://www.rfbr.ru/default.asp?article_id=5608&doc_id=5216#id5608 (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 28) Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998 — *Коммуникативная траматика русского языка*. М.

- 29) Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. <http://www.cjes.ru/lib/content.php> (дата последнего просмотра 12.06.07).
- 30) Иванова Т. Ф. 2001 — Норма и узус в языке СМИ. *Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. М.
- 31) Иванов Л. Ю. 2001 — Воздействие новых информационных технологий на русский язык: системно-языковая и культурно-речевая проблематика. *Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. М.
- 32) Ильвес К. 2002 — *Некоторые особенности прагматической направленности газетного текста (на материале эстонско-русских и русско-эстонских переводов)*. Бакалаврская работа. Тарту.
- 33) Ильвес К. 2006. — *Характер заимствований в мультикультурной среде (на материале русской прессы Эстонии)*; диссертация на соискание ученой степени *magister artium* по русскому языку. Тарту.
- 34) Ильясова С. В. 2002 — *Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ*. Ростов-на-Дону.
- 35) Иссерс О. С. 1999 — *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск.
- 36) Какорина Е. В. 2005 — СМИ и интернет-коммуникация: области пересечения и проблемы взаимодействия. *Язык современной публицистики. Сборник статей*. М. с. 67 – 98.
- 37) Каменская О. Л. 1990 — *Текст и коммуникация*. М.
- 38) Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. М.
- 39) Карпова Т. Б. 2005 — Соотношение книжности и разговорности в языке Интернет. *Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. Материалы к международной научн. конференции (Пермь, 5 – 7 октября 2005 г.)*. Пермь. с. 122 – 127.
- 40) Касевич В. Б. 2004 — *Буддизм, картина мира, язык*. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.

- 41)Кожина М. Н. 1983 — *Стилистика русского языка*. М.
- 42)Колесов В. В. 1998 — *Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра*. СПб.
- 43) Колесов В. В. 2000 — Язык, стиль, норма. *Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. 14 ноября 2000*. М. <http://www.gramota.ru/rlefir.html?p7.htm> (дата последнего просмотра: 12.06.07)
- 44)Колшанский Г. В. 2005 — *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*. М.
- 45)Коницкая Е. М. 2000 — Некоторые синтаксические особенности кратких новостей в русской прессе Литвы. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту. с. 176 – 186.
- 46)Коньков В. И. 1995 — *Речевые структуры газетного текста*. СПб.
- 47)Кормилицина М. А. 2003 — Усиление личностного начала в русской речи последних лет. *Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Крысин*. М.
- 48)Кормилицина М. А. 2007 — Неопределенность как принцип подачи информации в современной прессе. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Международный конгресс исследователей русского языка. МГУ, 20 – 23 марта*. Москва.
- 49)Костанди Е. 1994 — Текстовая функция вводных слов. *A2 Humanoria. Contrastive linguistics*. Tallinn. с. 204 – 209.
- 50)Костанди Е. И. 1988 — Языковые средства выражения прагматической направленности газетных текстов (на материале хроникальной информации); автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- 51)Костанди Е. И. 1996— Коммуникативная структура предложения и текста в русском и эстонском языках. *Emakeel ja teised keeled II, 18. – 20. okt. 1996.*, Tartu. с. 165 – 173.
- 52) Костанди Е. И. 1997 — Некоторые синтаксические особенности газетного текста (на материале русскоязычной прессы в Эстонии). *Valoda – 1997. – Daugavpils, 1999*. с. 153 – 159.
- 53) Костанди Е. И. 2000 — Некоторые особенности социокоммуникативной обусловленности порядка слов (на материале русской прессы Эстонии). *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту. с. 185 – 194.

- 54) Костнанди Е. И. 2001 — Тип связи и тип текста. *Русский язык: система и функционирование. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. V.* Тарту. с. 19 – 32.
- 55) Костанди Е. И. 2004 — Оценка как отражение социальных факторов. *Valoda dažādu konteksta. Žinātnisko rakstu krājums XIV.* Daugavpils.с. 219 – 224.
- 56)Костанди Е. И. 2005 — Прагматика новостного дискурса (на материале русскоязычного телеканала «Первый Балтийский Канал»). *Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Выпуск I.* Рига.с. 191 – 199.
- 57)Костанди Е. И. 2006 — Отличительные особенности языка современной русской прессы Эстонии. *Latvijas Universitātes raksti. Valodniecība. 707.* Latvijas Universitāte.
- 58)Костомаров В. Г. 1971 — *Русский язык: исторические судьбы и современность. Русский язык на газетной полосе.* М.
- 59)Краевская Н. М. 1981 — Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи. *Лингвостилистические особенности научного текста.* М.
- 60)Кристл Д. 2001 — *Английский язык как глобальный.* М.
- 61)Кронгауз М. — Слово под лупой. <http://www.strana-oz.ru/?numid=13&article=622> (дата посл. просмотра 14.06.07).
- 62)Крыжановская Л. 1993 — *Сопоставительный анализ языковых средств функциональной направленности в разных типах текстов (повествовательные и драматические тексты).* Бакалаврская работа. Тарту.
- 63)Крысин Л. П. 2005 — Литературная норма и речевая практика газет. *Язык современной публицистики.* М. с. 44 – 57.
- 64)Куликова Г. С. 2003 — Восприятие языка СМИ радиослушателями. *Язык и власть.* Изд-во Саратовского ун-та.
- 65)Кюльмоя И. П.1999 — О прагматике сленговой речи. *Прагматический аспект исследования языка. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Нов. серия II.* Тарту. с. 151 – 159.
- 66)Кюльмоя И. П. 2000 — Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III.*Тарту. с. 84 – 93.

- 67) Кюльмоя И. П. 2002 — Об исследовании языка русской диаспоры в странах Балтии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI. Проблемы языка диаспоры.* Тарту. с. 9 – 19.
- 68) Кюльмоя И. П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии.* Тарту. с. 153 – 159.
- 69) Лассан Э. 1997 — «Новая» публицистика как постмодернистский дискурс. *Язык. Общество. Культура.* Вильнюс.
- 70) Лихачева А. 2000 — Особенности метафоры в современной российской телепублицистике. *Slavistika Vilnensis. Kalbotyra 42 (2).*
- 71) Лихачева А. 2002 — Реинкорнация устности (о формировании современного русского языкового сознания). *Полифония в культуре, тексте и языке.* Каунас. с. 237 – 245.
- 72) Ломко Я. А. 2000 — Русский язык в телерадиоэфире. *Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. 14 ноября 2000.* М. <http://www.gramota.ru/rlefir.html?p7.htm> (дата последнего просмотра: 12.06.07)
- 73) Луми М. 2003 — *Выражение причинно-следственных отношений в газетно-публицистическом стиле в русском и эстонском языках. Бакалаврская работа.* Тарту.
- 74) Лысакова И. П. 1989 — *Тип газеты и стиль публикации.* Л.
- 75) Лысакова И. 1997 — Идеи М. М. Бахтина и социолингвистические исследования прессы. *Язык. Общество. Культура.* Вильнюс. с. 44 – 50.
- 76) ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.
- 77) Майданова Л. М., Чепкина Э. В. 2001 — Ирония в современных медиа-текстах. Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. *Материалы международной конференции. Екатеринбург, 21 – 22 дек. 2001.*
- 78) Максименко В. 2002 — Глобализация: риторика, идеология, реальность. <http://www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm> (дата посл. просмотра 12.06.07).
- 79) Манаенко С. А. 2004 — Достоверность аналитического текста публицистики: языковой аспект. *Русский язык: исторические судьбы и современность...* М.
- 80) Мартыненко Н. Г. 2003 — Оценка в журналистском тексте. *Язык и власть.* Изд-во Саратовского ун-та.
- 81) МАС 1981 — *Словарь русского языка.* В 4-х томах. Изд. 2. М.

- 82)Медведев Р. 2006 — Непрерывное развитие языков: их влияние друг на друга и конкуренция. <http://www.nkj.ru/archive/articles/5672/> (дата посл. просмотра 12.06.07).
- 83)Мельцер С. Б. 1998 — Газетный заголовок как средство выражения авторской установки. *Voloda – 1998. – Daugavpils, 1999. с. 118 – 125.*
- 84) Найдич Л. Э. 1995 — *След на песке. Очерки о русском языковом узусе.* СПб.
- 85)Намиткова Р. Ю., Нефляшева И. А. 2004 — Семантико-словообразовательный потенциал прецедентных текстов на газетной полосе. *Русский язык: исторические судьбы и современность...* <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/> (дата посл. просмотра 12.06.07).
- 86)Николаева Т. М. 2002 — Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных газетах. *Встречи этнических культур в зеркале языка.* М.
- 87)Невербальные средства в коммуникации. www.cjes.ru/lib/content.php? (дата посл. просмотра 12.06.07).
- 88)Нестерова Н. Г., Босый П. Н. 2007 — Современная радиоречь как объект лингвистического исследования. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы, 20– 23 марта 2007.* М.
- 89)Новикова В. И. 2001— Речевые ошибки в электронных СМИ. www.gramota.ru/mag_new.html?mid=13 (дата посл. просмотра 14.06.07).
- 90)Овчинникова И. Г., Черепанова Л. Л. 2004 — Характеристика дискурса СМИ: восприятие речи в радиоэфире. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы, 18 – 20 марта 2004.* М.
- 91)Осетрова Е. В. — Модус неопределенности в современных СМИ. http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0070161.pdf (дата посл. просмотра 12.06.07).
- 92)Отть А. 2005 — *Глаголы перемещения в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в эстонском переводе. Бакалаврская работа.* Тарту.
- 93)Папина А. Ф. 2002 — *Текст: его единицы и глобальные категории.*М.
- 94)Пехк В. 2005 — *Роль экстралингвистических факторов в формировании новостного текста (на материале русскоязычных СМИ Эстонии).* Бакалаврская работа. Тарту.
- 95) Пипенов П. А. 2003 — Визуальное сообщение как доминантная коммуникация мультикультурного пространства. *Вестник Воронежского*

- Госуд. Ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. с. 35 – 45.
- 96) Питсал К. 2004 — *Общественно-политическая лексика в русской прессе Эстонии. Бакалаврская работа.* Тарту.
- 97) Потебня А. А. 1976 — *Эстетика и поэтика.* М.
- 98) Прядко И. П. — Церковная лексика в практике современных СМИ. www.gramota.ru/mag_new.html?id=65 (дата посл. просмотра 14.06.07)
- 99) Психологический словарь. <http://centercep.ru/content/view/112/71/> (дата посл. просмотра 14.06.07)
- 100) Раскладкина М. К. — Влияние Интернета на инфраструктуру провинции: к постановке вопроса. www.russcomm.ru/rca_biblio/r/raskladkina02.shtml (дата посл. просмотра 02.06.07)
- 101) Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. Изд-во «Наука». М. 1990.
- 102) Ровнова О. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии.* Тарту. с. 144 – 154.
- 103) Сенкевич М. П. 1997 — *Культура радио- и телевизионной речи.* М.
- 104) СИСВ 2004 — *Словарь иностранных слов и выражений.* М. Изд-во АСТ.
- 105) Словарь русского языка. В 4-х томах. Изд. 2. М., 1981.
- 106) Словарь образцового русского ударения / Штудинер М. А. Изд. 3. М. 2005.
- 107) Сметанина С. И. 2002 — *Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века).* СПб.
- 108) Согомонов А. 2004 — Неузнаваемая узнаваемость постсовременности. <http://www.globalculture.ru/news/news72.html> (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 109) Солганик Г. Я. 1982 — *Лексика газеты.* М.
- 110) Солганик Г. Я. — Современная публицистическая картина мира. www.gramota.ru/mag_new.html?id=6 (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 111) Солганик Г. Я. 2005 — *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики.* М

- 112) Солганик Г. Я. 2007 — О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ). *Язык современной публицистики: сборник статей*. Изд-е 2-е, испр. М. с. 13 – 30.
- 113) Специфика языка телевидения. <http://www.cjes.ru/lib/content.php>. (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 114) Степанов Ю. С. 1975 — *Методы и принципы современной лингвистики*. Изд-во «Наука». М.
- 115) Феньвеш Иштван 1998 — Русский язык в жизни и литературе. *Сборник статей по русистике*. Вып. I. Сегед.
- 116) Тексты массовой информации: особенности языка СМИ. <http://www.cjes.ru/lib/content.php>. (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 117) Телевизионный язык как область семиотического анализа. <http://www.cjes.ru/lib/content.php>. (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 118) Федорова Е. — Глобальный язык как глобальный вызов. http://life.ng.ru/circum/2001-05-25/1_language.html
- 119) Фэнг И. 1985 — *Теленовости, радионовости*. Реферат книги. Сент-Пол. http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=5793. (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 120) Херкель А. 1999 — Культура глобализации. *Журнал «Радуга»*, 3. Таллинн.
- 121) Цирлина Л. — Глобализация и лингвистика: вавилонское столпотворение или «язык-киллер»? http://www.prof.msu.ru/publ/book6/c62_04.htm
- 122) Человеческий фактор в языке: языковые мехагизмы экспрессивности. М. 1991.
- 123) Чернышева Т. Н. 2004 — Фатическое общение в сфере газетной коммуникации. *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы, 18–20 марта 2004*. М. <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/> (дата последнего просмотра: 12.06.07).

- 124) Шелякин М. А. 2002 — Язык и человек. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VII.* Тарту.
- 125) Шелякин М. А. 2004 — О понятии языковой прагматики и ее основных типах. *XI Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц». Сб. Научных докладов. Ялта, 4 – 8 окт., 2004.* с. 383 – 385.
- 126) Щаднева В. П. 2002а — Языковые качества русскоязычных изданий Эстонии. *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI.* Тарту. с. 292 – 307.
- 127) Щаднева В. П. 2002 — О влиянии типа авторизации на организацию текста. *Полифония в культуре, тексте и языке.* Каунас. с. 301 – 309.
- 128) Щаднева В. П. 2005 — Особенности перевода русских глаголов перемещения (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его эстонском переводе). *Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Выпуск I.* Рига. с. 467 – 476.

- 129) Эсхатология Н. Бердяева в контексте философии культуры.
http://www.mgimo.ru/kf/docs/silantieva_eshatology.htm
- 130) Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Изд-во. МГУ, 2003.
- 131) Язык конфликта. <http://www.expertizy.narod.ru/books/lang/0005.htm>
(дата посл. просмотра 15.06.07).
- 132) Avalik-õiguslik ringhääling Eestis: Fakt. Sõna. Pilt. XIII. Tartu Ülikooli Kirjastus. 2001.
- 133) Eesti Ajalehtede Liit. <http://www.eall.ee/tiraazhid/2007.html>,
<http://www.eall.ee/tiraazhid/2006.html> (дата посл. просмотра 15.06.07).
- 134) Fairclough N. 1995 — Media discourse. London-New York.
- 135) Hjarvard, Stig — *The Globalization of Language*.
http://www.nordicom.gu.se/common/publ_pdf/157_075-098.pdf (дата посл. просмотра 13.06.07).
- 136) Jakobson V. 1997 — *Pressi funktsioonide arengu ajaloolised seaduspärased ja nende ilmumine Eesti venekeelses pressis. Magistritöö*. Tartu Ülikool.
- 137) Kemppanen H. 1997 — Выбор макродеятеля как первый этап негативно-оценочной номинации в дискурсе газетных новостей. *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XIV*. Helsinki. с. 62 – 76.
- 138) Vassiljev D. 2004 — *Uudiste valik venekeelses Aktuaalses Kaameras : bakalaureusetöö*. Tartu.
- 139) Kark M. 2003 — *Aktuaalse kaamera heli- ja pildirea analüüs : bakalaureusetöö*. Tartu.
- 140) Kostandi J. 2004 — Keelte vastastikuse mõju süntaktiline aspekt. *Emakeel ja teised keeled IV*. Tartu.
- 141) Kuidas tehakse raadiot. Tartu, 1995.
- 142) Külmoja I. 2004 — Vene keel Eesti kõrgkoolides. *Emakeel ja teised keeled IV*. Tartu.
- 143) Pullerits P. 1997 — *Ajakirjanduse põhižanrid: uudis, olemuslugu, juhtkiri*. Tartu.
- 144) Рууккө R. 1995 — Нетранслитерированные иноязычные выражения в современном газетном тексте. *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XII*. Helsinki. с. 104 – 125.

- 145) Raadioajakirjandus / E. Farmann ja P. Kramboft. T., 1997.
- 146) Raivo Suni 1998 — *Eesti ühiskonna avanemine ja kultuuri globaliseerumine aastatel 1992 – 1997. Bakalaureusetöö.* Tartu.
- 147) Rummo-Laes T. 2001 — *Eesti keel globaliseeruvus ühiskonnas (1991-2000 aasta ajalehtedes ilmunud arvamused eesti keelest ja keelekorraldusest).* Bakalaureusetöö. Tartu.
- 148) Writing for Television and Radio. 5 Edition / Robert L.Hillard. Emerson College, 1995.

Keeleväliste faktorite roll uudisetekstide kujundamisel (Eesti venekeelse massimeedia põhjal)

Viktorija Pehk-Ivaštšenko

Kokkuvõte

Käesolev magistritöö on pühendatud keeleväliste tegurite mõjurollile venekeelsete uudisetekstide kujundamisel. Antud uurimus on tehtud venekeelsete massimeedia tekstide põhjal välja selgitamaks läbi nende keelestruktuuri objektiivsete ja subjektiivsete faktorite olemust.

Antud töö on mitmete vene diasporaa keele olemasolevate uurimustööde koostisosa. Kohaliku vene keele funktsioneerimise probleem äratub eriti suurt tähelepanu pärast tormilisi ühiskondlik-poliitilisi protsesse, mis algasid juba 1990-ndate esimestel aastatel. Tänapäeval uuritakse vene diasporaa keelt ja kõnet aktiivselt nii Eestis kui ka teistes endistes nõukogulikes riikides. Tartu Ülikooli lingviste huvitavad eelkõige järgmised teemad: eesti ja vene keele kõrvutavad uurimused, ilukirjandusliku tõlke analüüs [Костанди 2002, Щаднева 2002, Щаднева 2005, Отть 2005], vanausuliste keel, Peipsi lääneranniku murrakud [Кюльмоя 2004, Ровнова 2004], noorte släng [Кюльмоя 1999], vene keele võõrkeelena õpetamisprobleemid, kohalik massikommunikatsiooni keel [Тальберг 1995, Ильвес 2002, Лепистик 2003, Луми 2003, Питсал 2004, Фейгенбаум 2004, Пехк 2005, Дремова 2005; Костанди 1996, Костанди 1997, Мельцер 1998, Кюльмоя 2000, Евстратова 2000, Костанди 2000, Евстратова 2002, Костанди 2005, Костанди 2006].

Massimeedia keele funktsioneerimise erinevate aspektide uurimine on tänapäeva humanitaarteaduse üks olulisemaid suundi.

Enamus venekeelsele massimeediale suunatud töödest on pühendatud sõnavara funktsioneerimise eripäradele. S. Jevstratova artiklites «Экспрессивная лексика в прессе Эстонии» [Евстратова 2000] ja «Лексика русскоязычной прессы Эстонии» [Евстратова 2002] vaadeldakse eripärasusi ekspressiivsete sõnavaraliste elementide kasutamises vene ajalehtedes. Autor on Venemaa ja Eesti venekeelse trükimeedia võrdlemise tulemusena järeldanud, et “üldiselt on sõnavara funktsioneerimises kohaliku ja

Venemaa venekeelses pressis täheldatud palju sarnaseid jooni“ [Евстратова: 2000, 164]: nõukogudeaegse reaalsusega seotud sõnade tähenduste deaktualiseerumine, sõnavara politiseerumine, arhaismide, slängi, kõnekeele, võõrsõnade aktiivne tungimine keelde. Samal ajal aga on märgata rohkem neutraalsust, professionaalset ja eetilist normeeritust, emotsionaalset tagasihoidust keele kasutamisel. Eesti ajalehtede pealkirjade sõnavara analüüs näitas eestikeelsete pealkirjade suuremat struktuurset korrapärasust, suhteliselt nõrgemat subjektiivsuse väljendamist, kõrgemat informatiivsuse taset võrreldes tõlgitud pealkirjadega venekeelsetes ajalehtedes. I. Külmoja oma artiklis „Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии“ kirjutas barbarismide ja tõkelaenude üleküllusest, ettevõtete, ürituste, tänavate jms nimetuste kajastamises ladina tähestiku kasutamisest, verbirektisooni vigadest vene trükimeedias [Кюльмоя 2000]. Eestikeelsete ja venekeelsete ajalehetekstide kõrvutamisel on läbi viidud uurimus, mis oli suunatud süntaksi kommunikatiivsusele. Selle nähtuse uurija J. Kostandi jõuab järeldusele, et venekeelset teksti iseloomustavad: suurem subjektiivsus, keeruliste süntaktiliste mudelite rohkus, igasugused kõrvalekalded ja kommentaarid [Костанди: 1996, 172]. Teistes oma artiklites nendib tänapäeva keele uurija venekeelse trükipublitsistika „vahemehe“ rolli Eesti ja Venemaa venekeelsete ajalehtede vahel. Kohaliku vene mediakeele iseloomustavaks omaduseks on abisõnade, kiilsõnade, ütede, korduvate lauseliikmete ja eraldatud lauselühendite vähene kasutamine lauseehituses. See omakorda annab suurema informatiivsuse ja vähema süntaksi funktsionaalse koormatuse [Костанди 2000, Костанди 2005].

Peale ülalmainitud teadusartiklite on olemas veel terve rida vene filoloogia ja ajakirjanduse üliõpilaste bakalaureuse- ja magistritöid [Ильвес 2002, Дремова 2005, Пехк 2005, Ильвес 2006, Vassiljev 2004, Jakobson 1997 ja teised]. Neis käsitletakse samuti Eesti venekeelsete ajalehtede ja teiste meediakanalite sõnavara ja sõnamoodustust, keele pragmaatilist suunitlust, ekstralingvistilise konteksti tingitust, sotsioloogilise ja majanduspoliitilise kallakuga seotud küsimusi.

Kokkuvõttes on niisugune erialadevaheline huvi diasporaa keele vastu, mis on emakeeleks 28%-le elanikele ning 7%-le suhtluskeeleks [Külmoja 2004], tingitud uue vene keele sotsiaal-poliitilise staatuse (vähemusrahvuse keel) saavutamisest seoses iseloomulike arenguprotsessidega.

On näha, et venekeelse massimeedia (eriti ajalehtede) keelt uuritakse intensiivselt. Uurijad rõhutavad kõigepealt sotsiaalsete faktorite suurt mõju ajakirjandusliku teksti loomisele. Kuid puudub sedalaadi süstemne uurimus mitmetes meediakanalites esinevate erinevate keeleväliste põhjuste kohta. Käesolev magistritöö on katse täita seda lünka.

Eesmärgiga kirjeldada ekstralingvistilisi faktoreid, mis mõjutavad uudiste kujundamist, koguti kokku ligi 2000 teksti. Töös on analüüsitud järgmiste kohalike meediaallikate tekste: ajalehtede “Молодежь Эстонии”, “Вести дня”, “Нарвская газета” ja «Postimees на русском языке», raadiojaamade Raadio 4 (samuti ka «Радио 100 FM»), internet-portaali Delfi (www.rus.delfi.ee) и teleuudiste veebivariante: ETV “Aktuaalne kaamera” vene keeles (www.etv24.ee) ja Pervõj Baltijskij Kanali “Новости Эстонии” (www.1tv.ee). Peab ära märkima, et materjali kogudes esines raskusi ajalehtede uudistekstide piiritlemisel. Tihti on juhtunud, et ajalehe rubriigis “Uudised” ilmusid mitte ainult tuntud infoagentuuride uudised, vaid ka kindla autori kirjutatud lühikesed oma olemuselt analüütilist artiklit meenutavad tekstid. Analüüsi jaoks oli tähtis, et tesktid peaksid kokku langema nii ajalisel kui temaatiliselt. Seega analüüsiti nii monotemaatilisi, kui ka temaatiliselt erinevaid tekste.

Monotemaatiliste uudistekstide järgi on hästi näha teksti struktuuri muutumist. Lisaks sellele tuleb ära märkida ajalist kogumisnäansi: kindla perioodi jooksul (nt nädala jooksul) kogutud tekstide hulka kuuluvad raadiouudised, mis ilmusid sel ja samal päeval eetrise ühes, harvemini kahes, uudisteprogrammis. Sellest on tingitud tekstide arvuline ebavõrdsus: juhtus, et ühel päeval saadi keskmiselt 30 ajaleheteksti, 75 portaali oma, 15 teleuudist ning 6 raadioteksti. Siiski võib pidada saadud tulemusi küll üldpilti peegeldavaks. Välja jäeti Venemaa pressist pärit tekstid ja eestikeelsetest allikatest võetud tekstid, mis olid lihtsalt tõlgitud vene keelde. Ainult ilma nende tekstide kaasamiseta saab uurida ja kirjeldada kohalike venelaste keelt, mis on meie töö lisaeesmärk.

Niisiis analüüsitakse uudisežanri keeleomadusi, nii häälikulisel, sõnavaralisel, vormiõpetuse, lauseõpetuse ja teksti tasemetel. Eraldi käsitletakse mitteverbaalseid suhtlusvahendeid, mis on lisatud arutlusele.

Viie aasta jooksul kogutud materjali analüüs näitas, et massimeedia keelele avaldab mõju terve hulk erinevaid tegureid. Nende hulgast tõusevad esile kaks peamist: tugevdatud subjektiivsus ja globaliseerumine. See tähelepanek on võetud antud uurimuse aluseks. Kõik see mõjutas töö prioriteete paika panemist, eesmärkide püstitamist ning kompositsioonilist ülesehitust.

Töö eesmärgiks on välja selgitada ja süstematiseerida kõikvõimalikult keelevälised tegurid ning kirjeldada nende mõju keelele konkreetsete tekstide näitel. Uurimuse prioriteediks on aga rõhutada tähtsamat rolli mängivaid faktoreid – need on *subjektiivsus* (nõ teksti autori eksplitseerimine) ja *globaliseerumine* (mille ilmingud on tekstide unifikatsioon, keele standardiseerimine, informatsiooni dubleerimine).

Antropotsentrismi ehk subjektiivsuse tugevnemist inimestevahelises kommunikatsioonis nimetatakse tänapäeva massimeedias fenomeniks. „Kui 1945 – 1960 a. valitses igal pool avalik-poliitiline stamp, loosunguline mõtteviis, siis 90-ndatel aastatel hakkasid aktiviseeruma kõikvõimalikud autorluse esiletoomise viisid, rääkija teksti isikupäraseks muutmise võtted“ [Кормилицина: 2003, 466].

Antropotsentrismi kontekstis tullakse selle probleemi alguse juurde. Keelt kui rahvusvaimu ilmingut kujutas V. Humboldt. E. Benvenist märkas ühes oma raamatu „Üldkeeleteadus“ peatükis kordamatu *inimese* asukohast keeles, milles ja tänu millele tema (inimene) konstitueerib ennast subjektina [БЕНВЕНИСТ 1974]. Teksti subjektiivse kujundamise idee kuulub kirjanduse- ja keeleteadusele V. V. Vinogradovile, kes tundis suurt huvi individuaalse autoristiili uurimise vastu ilukirjandustekstis. V. G. Kostomarov kirjutas autori suhtumisest ajalehe teksti struktureerimisesse, nimetades ekspressiivsust (standardi kõrval) keelevahendite organisatsiooni konstruktiivprintsipi lahtumatu koostisosaks. Tänapäeval aga käsitleb kommunikatiivne grammatika teksti „rääkiva üksikindiviidi mõttelise ja suhtlemise eesmärgi tulemusena“ [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 9

Niisiis, uurimuse eelduseks sai keelevälise ja keelelise tegurite vastastikkune toime ajakirjanduslikus stiilis, täpsemalt uudisežanri tekstis.

Uurimuse käigus leidis kinnitust see, et uudise kujundamises mängivad oma rolli nii objektiivsed, kui ka subjektiivsed tegurid. Neid tuleb vaadelda üheskoos, mitte üritada esile tuua peamist. Siiski näitas läbiviidud mahuka materjali praktiline analüüs, et funktsionaalstilistika ettenähtud raamidest jääb välja just autori „mina“ faktor.

Seoses sellega on osutatud käesolevas töös antud aspektile erilist tähelepanu, mis on kajastatud erinevate magistratöö osades. Peale selle tõestas analüüsitud materjal, et tihtipeale langesid erinevates massimeedia kanalites uudised praktiliselt kokku, mis on nimetatud käesolevas töös „kaksikuteks“. On mõistev, et standard või stamp kui meediakeele koostiselemendid leiduvad eriti uudisetekstides. Tänapäeva tingimustes, uute tehnoloogiaarengu võimaluste tagajärjel on eespool nimetatud stiilitunnus transformeerunud. Standardi all mõistetakse praegu tekstide kopeerimise ja nende „rändamist“ esialgses variandis ühest kanalist teise, kolmandasse jne. Kuigi ametlik-informatiivne alamstiil nõuab teksti teatud keeleviimistlemist sõltuvalt konkreetsest meediakanalist.

Näiteks suulistes tekstis (milleks on raadio- ja teleuudised) ei soovitata lauselühendit liiga palju kasutada. Viimistledes uudist raadiokommunikatsiooniks, peab ajakirjanik seda arvestama, kuigi lauselühendid on tarvitusele võetud kirjakeele teisendamiseks ja kohmakate konstruktsioonide asendamiseks. Suuline tekst peab olema aga lühike (mitte

pikem kui 20 sõna) ja koosnema lihtsatest täislausetest. Raadiouudistes kerkib ülesse allikate probleem. Ajakirjanduse spetsialisti U. Loidi arvates pole lühiuudises faktide esitamisel allika rõhutamine üldjuhul vajalik [Raadiouudis: 2000, 19].

Identifitseerimist vajavad faktid siis, kui informatsioon on kaheldava väärtusega, esitatakse erinevaid andmeid või keegi avaldab oma isiklikku arvamust. See hõivab nii eetriaega, kui ka raskendab uudiste vastuvõtmist kuulajatel, mida raadio puhul peab tekstilooja kindlasti arvesse võtma. Mõnikord aga teeb autoriseerimise allikate keerulise esitamise. Tänapäevakeele uurijad nimetavad sellist tendentsi „globaalseks autoriseerimiseks“ [Виноградов С. И. 1996, Сметанина 2002, Дроняева 2003, Щаднева 2002]. Antud näitaja järgi võivad uudised olla väga erinevad: alustades tekstidest, kus autor ei ole üldse esitatud, kuni tekstideni, mille autor on formaalselt eksplitseeritud, nõ koosneb terve autorite reast, mis moodustab diskurssi „mitmekorruselise modaalse raami“.

Kui mitte arvestada kanali eripära ja jätta vajalik eeltöö tegemata, viib see tavaliselt valele keelelisele ülesehitusele. Trükitekst nõuab ka professionaalset eeltööd. Võrreldes raadiouudise tekstiga sisaldab ajalehetekst sisaldada keerulisemaid lauseid, tsitaate, allikaid. Ajaleheformaad lubab ajakirjanikule pikemat fakti väljendamist ja annab lugejale võimaluse pöörduda tagasi segaseks jäänud lõigu juurde. Televisiooni uudiste ülesehitus on hoopis teistsugune. Tänu oma audio-visuaalsele iseloomule on televisiooni võimalused ja mõju tõhusamad. Sõna-heli-pildi ridadega suudab see luua, võrreldes teiste kanalitega, luua konkreetsema ja tugevama „kohalolekutunde“, anda uusi tähendusi, olla efektiivsem ideede, faktide, väärtuste levitamisel. Esialgu tingib kanali loomus teleuudise teksti struktuuri.

Nii teleuudise, kui ka interneti tekstis on autori eksplitseerimiseks tunduvalt rohkem keelelisi ja ekstralingvistilisi võimalusi. Seetõttu viimaste puhul võib märgata suuremat *subjektiivsust* ja rohkem hinnangute esitamist.

Tasub veel kord märkida, et viimasel ajal võetud BNS-ist (seda agentuuri kasutatakse kõige rohkem) ühed ja samad uudisetekstid lähevad eetrisse ning ilmuvad ajalehtedes. Selline nähtus tingib termini *globaliseerumine* kasutusele võtmise Globaliseerumise all tuleb mõista ideede, materiaalsete väärtuste, sümbolite, tekstide teadvustamata või teadvustatud levikut globaalses multimeedia ruumis. Globaliseerumise negatiivseks jooneks peetakse tekstide kopeerimist välismaistest informatsiooni pakutavatest venekeelsetest allikatest. Võrreldes ajalehtedega, kasutab aktiivsemalt kopeerimisvõimalust portaal Delfi. Näiteks rubriigi „Välismaalt“ on materjalid tavaliselt võetud teistest allikatest ning funktsioneerivad oma originaalses vormis. Alltoodud tabelid

demonstreerivad „laenamiste“ mahusuhet kohalikes ajalehtedes (vt Tabel 1) ja „võõraste“ uudiste arvu veebimeedia lehetedel (vt Tabel 2):

Tabel 1.

Ajalehed vene keeles (aprill ja november 2005, 2006)

Ajalehe nimetus	Numbreid kokku	Tekste kokku	„laenamis-tekstid“	„laenamistekstide“ %
МЭ	9	514	84	16,34%
ВД	9	351	107	30,48%
Postimees на русском языке	9	329	23	6,99%
НГ	7	275	114	41,45%
kokku	34	1469	328	23,82%

Tabel 2.

Interneti portaal Delfi

Väljaanded kokku(8-9.11.05, 4/6.04.06, 7-9.11.06, 20-21.11.06)	9
Uudisetekste kokku * välja arvatud rubriik Admiral Invest	614
„võõraste“ materjalide arv	384,50
"võõraste" tekstide %	62,62%

Selge, et globaliseerumine muutub üheks tähtsamaks keeleväliseks tekstikujundamise teguriks. Sealhulgas kui BNS teeb mingisuguse vea, siis seda esitatakse eetris, „laenatake“ teiste kanalite poolt, ilma et keegi eksitust märkaks. Grammatilised, ortograafilised ja faktivead liiguvad märkamatuks, lähevad eetrisse mitu korda järjest muutumata kujul. Allpool on toodud näited:

1) Soo ühildumisvead raadiouudises: *“...передала регалию...постановщику праздников песни и устраительнице уникального мужского праздника в Раквере... Майе Орав...”*. Tekstides tuli ette sõnade kordamist: *“...работы усложняются сложными погодными условиями”* (“АК”, 10.11.06).

2) Eetris võib kuulda: *“Ирак все больше погружается в хаОс* (õige oleks aga: *в хаОс*); *работ в Нарвском к[ал]Едже* (siin on antud vale ortoeepiline vorm kordus tekstis pidevalt).

3) “Kaksik”-tekstides leidsid faktilisi vigu: Aktuaalse kaamera eetris (8.11.06) öeldi: *“тысячи студентов степени магистра или бакалавра”*, aga Delfi portaalil oli kirjas: *“1000 студентов смогут получить...”* (9.11.06).

See näitab, et ajakirjanikud-toimetajad suhtuvad oma töösse lohakalt, ei kontrolli info tõesust ega oska olla korrektne. Siinkohal tuleb rääkida subjektiivse faktori ja globaliseerumisel interferentsist.

Niisiis on materjali vaatlemise käigus leitud ühest küljest kõrgema subjektiivsuse faktori, teisest küljest standardi suur tähtsus, mis sai edasise uuringu tulemuste üldistamise põhjuseks. Käesolevas magistritöös vaadeldakse põhjalaikult just neid kahte faktorit. Just sellepärast analüüsid konkreetseid tekste on praktiline (teine) tööosa pühendatud nimetatud aspektide lahtimõtestamisele. Kuid see on võimatu, kui pole peamisi taustteadmisi meedia vene keele tänapäeva seisukorrast, ajakirjandusliku uudisežanri eripärast ning ühte või teist meediakanalit iseloomustavatest tunnustest. Selliste aspektide esitamisele on suunatud teoreetiline (esimene) tööosa, kus puudutakse ka teisi massikommunikatsiooni küsimusi.

Tehes läbiviidud uurimuse tulemustest kokkuvõtet, töös esitatakse keeleväliste faktorite klassifikatsiooni. Selle koostamisel võeti aluseks terve rida keeleteadlaste töid, sealhulgas M. Gventsadze [Гвенцадзе 1986] uudiseteksti uurimusele ja V. Štšadneva funktsionaalse stilistika kursuse materjalidele [Щаднева 2002 / 2003]. Tuleb märgata, et siiani pole veel terviklikku ekstralingvistiliste tegurite süsteemi

Keelevälised faktorid võivad olla:

- Kirjalik või suuline kõnevorm
- Kõne liik (monoloog / dialoog)
- Kõne tüüp (jutustamine, arutus, kirjeldamine)
- Teksti žanr / teksti tüüp
- Suhtlemissfäär (ametlik, avalik, asjalik)
- Meediakanali eripära (raadio, ajaleht, Interneti portaal, televisioon)
- Ettevalmistatud / spontaanne kõne (tekst)
- Informatsiooni esitamise (mitte)piiratus ajas
- Ruumi / aja teksti kujundamine
- Massiauditooriumi eripärad
- Meedia sisekonkurents
- Sotsiaalpoliitiline taust (toimetuse ideoloogia, riigi poliitika, olukord maailmas)
- Psühho-intellektuaalne (hariduse tase, silmaring, temperament, tuju)

- Autori ja vastuvõtja veendumused [Т. ван Дейк: 1989, 137]
- Teksti “päritolu”
- Keelemood
- Keelemaitse
- Rääkija füsioloogia (sugu, vanus)
- Rahvuse identiteet, autori vaimne areng
- Keele ja meediaruumi globaliseerumine
- Mitteverbaalsed kommunikatiivsed vahendid.

Tõenäoliselt, detailiseerida, jaotada selliseid faktoreid objektiivsete või subjektiivsete rühma pole nii lihtne. Mõned kätkevad endas mõlemate rühmade tunnusi. Selliste näitajate tunduv osa langeb kokku erinevates meediakanalites. Ilmselt selle tõttu ei esinenud olulisi erinevusi kasutatud keelevahendites. Uudist kujundades, püüdis autor teha mingisugust eeltööd tekstiga. Kuid tavaliselt pole see tehtud eeltöö, teksti viimistlemine tuntav, märgatav. Ilmnenud erinevused olid subjektiivset laadi, mis peegeldus standardiseeritud süntaktilise konstruktsiooni muutumistes, keelenormi mitteteadmises, graafilises (mitteverbaalses) kujunduses. See kõik tõendab seda, et teksti organiseerimisel mängisid domineerivat rolli just autori (ajakirjaniku) hariduse tase, silmaring, tõekspidamised, keelemaitse, samuti aga meedia konkurentsi, informatsiooni päritolu faktorid. Ei ole harv juhus, kui olulist rolli mängib mitteverbaalsete vahendite kasutamine. Need on värv, kirjastiil, pilt, heli, signatuur (muusikaline taust, programmi kutsung jms), hääletoon, intonatsioon, diktori asend, materjalide paigutus. Allpool tuuakse ühte keeleliste ja keeleväliste vahendite oskusliku kasutamise näidet. *Lisas 13* on näha, kuidas teleajakirjaniku positsiooni, seisukohta, suhtumist väljendatakse. Siin räägitav ja kuuldav sõnaline tekst langeb pildireaga kokku. Kaadrite taga kõlab korrespondendi hääl: *«Решение о том, где построить новые стоянки, нужно принимать совместно Министерством экономики и внутренних дел с властью Вайвара. Хотя, конечно, глядя из Таллинна, решение проблемы можно и откладывать, так как до дверей министерств от крайней в очереди машины остается еще 203 километра».*

Kokkuvõttes tuleb konstateerida, et: 1) autori „mina“ tuleb ilmsiks ortoeepiliselt, sõnavaraliselt, süntaktiliselt, mitteverbaalselt; 2) žanri piirid muutuvad ning toovad kaasa uudiste tekstide stiilitunnuste kokkulangemise; 3) üha sagedamini ilmuvad uudistena kellegi arvamused, mitte aga faktid; 4) globaliseerumise faktor mõjub pigem negatiivselt,

mis ilmneb informatsiooni kopeerimises, meedia kanalite ühenäolisuses, keele unifikseerimises; 5) kohalike venekeelsete meediakanalite ajakirjanike töö pole rahuldav.

Need probleemid, mis on käsitletud antud magistritöös, nagu tänapäevase meediakeele tendentsid, subjekti aktiveerimine kõnes, uudis teksti autoriseerimise küsimus, massimeedia ruumi ja keele globaliseerumine, on aktuaalsed nii teoreetilises kui ka rakenduslikus mõttes. Nende lahendamine võib soodustada massimeedia keele uurimise funktsionaalse, sotsiaalingvistilise, lingvolulturooloogilise lähenemisviiside edasist läbitöötamist. Samuti peaksid saavutatud tulemusud pakkuma huvi kohalikele ajakirjanikele.

Lõpuks tuleb tuua ära väitekirja struktuuri. Käesolev magistritöö koosneb sissejuhatausest, kahest peaosast, mille esimene on teoreetiline, teine aga praktiline, kokkuvõttest, lühendinimestikust, kasutatud kirjanduse loetelust, lisast koos näidetega ja eestikeelsest resümeest.

Студенты требуют
человеческих условий жизни

DELFI
2 апреля 2006 14:24

Союз студенческих обществ Эстонии выражает озабоченность условиями жизни студентов и связанными с ними ограничениями в доступности высшего образования.

В сентябре прошлого года Союз направил внимание министра науки и образования и парламентской комиссии по культуре на недостаточное количество мест в общежитиях таллиннских университетов и на крайне плохое их состояние, однако до сих пор ничего не изменилось, сообщает Союз студенческих обществ Эстонии.

"Полгода спустя все еще не принято решения о выделении денег и неизвестно, когда студенты таллиннских университетов получат человеческие условия жизни", — отметил председатель правления Союза Хейки Лемба.

Недостаток мест в общежитиях и нечеловеческие и местами даже опасные условия проживания в них становятся серьезным препятствием для получения образования.

Проект реновации общежитий, составленный Таллиннским университетом, Таллиннским техническим университетом и Эстонской художественной академией, нуждается в государственной гарантии приведения в порядок пяти студенческих общежитий. DELFI

ВЕСТИ

В ТЕМУ

ХОТЯТ ЖИТЬ КАК ЛЮДИ

Союз студенческих обществ Эстонии выражает озабоченность условиями жизни студентов и связанными с ними ограничениями в доступности высшего образования. В сентябре прошлого года Союз направил внимание министра науки и образования и парламентской комиссии по культуре на недостаточное количество мест в общежитиях таллиннских университетов и на крайне плохое их состояние, однако до сих пор ничего не изменилось, сообщает Союз студенческих обществ Эстонии.

"Полгода спустя все еще не принято решения о выделении денег и неизвестно, когда студенты таллиннских университетов получат человеческие условия жизни", — отметил председатель правления Союза Хейки Лемба. Недостаток мест в общежитиях и нечеловеческие, местами даже опасные условия проживания в них становятся серьезным препятствием для получения образования. Проект реновации общежитий, составленный Таллиннским университетом, Таллиннским техническим университетом и Эстонской художественной академией, нуждается в государственной гарантии приведения в порядок пяти студенческих общежитий.

DELFI
7 ноября 2006

Politsei foto

В воскресенье в 18 часов в Тарту на горке за физическим корпусом на улице Тяхе молодой мужчина показывал двум девочкам и одному мальчику свои половые органы и требовал у них орального секса.

Детям, к которым приставал извращенец, было по десять лет, лишь вмешательство проходившего мимо взрослого спугнуло преступника.

Дети описывают

извращенца
следующим
образом: это молодой мужчина,
примерно 160-170

сантиметров ростом, худого телосложения с темными бровями, говорящий по-эстонски. На мужчине была черная куртка ниже пояса, синие джинсы и черная шапка с козырьком и наушниками, предположительно из флиса.

Тартуская полиция возбудила по факту происшествия уголовное дело. В Тарту расследуется также еще один подобный случай — 27 апреля 2006 года молодой человек, соответствующий приведенному выше описанию, напал в подъезде дома по Каунасе пуйэстеэ на 12-летнего ребенка. Был составлен фоторобот преступника.

Всем, кто заметит подозрительных лиц или явных педофилов, ходящих около детских игровых площадок, школ, спортивных сооружений или горок или беседующих с детьми, следует немедленно сообщить об этом полиции по телефону 110, анонимность звонящего гарантируется.

Александр Чаплыгин |
тел. 602-6862

ОСТОРОЖНО, ПЕДОФИЛ!

В воскресенье в 18 часов в Тарту на горке за физическим корпусом на улице Тяхе молодой мужчина показывал двум девочкам и одному мальчику свои половые органы и требовал у них орального секса.

Детям, к которым приставал извращенец, было по десять лет, лишь вмешательство проходившего мимо взрослого слугнуло преступника.

Дети описывают извращенца следующим образом: это молодой мужчина, примерно 160-170 сантиметров ростом, худого телосложения с темными бровями, говорит по-эстонски. На мужчине была черная куртка ниже пояса, синие джинсы и черная шапка с козырьком и наушниками, предположительно из флиса.

Тартуская полиция возбудила по факту происшествия уголовное дело. В Тарту расследуется также еще один подобный случай

— 27 апреля 2006 года молодой человек, соответствующий приведенному выше описанию, напал в подъезде дома по Каунасе

пуйестез на 12-летнего ребенка. Был составлен фоторобот преступника.

Всем, кто заметит подозрительных лиц или явных педофилов, ходящих около детских игровых площадок, школ, спортивных сооружений или горок, или беседующих с детьми, следует немедленно сообщить об этом полиции по телефону 110, анонимность гарантируется.

Сообщите если видите нуждающегося в помощи ребенка.

Таллинский детский телефон помощи и информации

1345

Телефон работает 24 часа в сутки

Также можно послать сообщение 1345@rescue.ee

**Насильнику-неудачнику запретили общаться с девушками
DELFI**

20 ноября 2006 11:55

Пярнуский уездный суд запретил мужчине, который увез девушку в лес и удерживал ее там, общаться с незнакомыми девушками моложе 18 лет и приговорил его к условному лишению свободы.

1 мая 51-летний Пеэтер согласился подвезти на своем автомобиле 17-летнюю Лийну, голосовавшую около бара в Варбла Пярнуского уезда. По дороге Пеэтер свернул в лес, остановил машину и попытался повалить девушку на сиденье, схватив ее за волосы, сообщает SL Õhtuleht.

Лийне удалось вырваться, когда Пеэтер попытался отнять у нее мобильный телефон, который она вытащила, чтобы позвонить и позвать на помощь. Девушка добралась до Варбла и обратилась в полицию.

Суд приговорил Пеэтера к двум годам лишения свободы условно, а также запретил ему общаться с незнакомыми девушками моложе 18 лет.

DELFI

+ «ВД», 21.11.06

На пушечный выстрел

ПЯРНУСКИЙ УЕЗДНЫЙ суд запретил мужчине, который увез девушку в лес и удерживал ее там, общаться с незнакомыми девушками моложе 18 лет и приговорил его к условному лишению свободы.

1 мая 51-летний Пеэтер согласился подвезти на своем автомобиле 17-летнюю Лийну, голосовавшую около бара в Варбла Пярнуского уезда. По дороге Пеэтер свернул в лес, остановил машину и попытался повалить девушку на сиденье, схватив ее за волосы.

Лийне удалось вырваться, когда Пеэтер попытался отнять у нее мобильный телефон. Девушка добралась до Варбла и обратилась в полицию.

Встретившиеся в понедельник в Вильнюсе президенты Литвы, Латвии, Эстонии и Польши подписали совместное заявление, в котором отмечается, что страны будут укреплять взаимное сотрудничество и придерживаться единой позиции. В заявлении Валдаса Адамкуса, Вайры Вике-Фрейберги, Тоомаса-Хендрика Ильвеса и Леха Качинского акцентируется важность укрепления и углубления трехстороннего сотрудничества стран Балтии и отношений с Польшей в Евросоюзе, НАТО и прочих международных организациях. В заявлении президенты отмечают также потребность в укреплении инфраструктурных связей в Балтийском регионе и Польше, а также в укреплении путей сообщения с другими странами ЕС.

БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР

Встретившиеся в понедельник в Вильнюсе президенты Литвы, Латвии, Эстонии и Польши подписали совместное заявление, в котором отмечается, что страны будут укреплять взаимное сотрудничество и придерживаться единой позиции.

В заявлении Валдаса Адамкуса, Вайры Вике-Фрейберги, Тоомаса-Хендрика Ильвеса и Леха Качинского акцентируется важность укрепления и углубления трехстороннего сотрудничества стран Балтии и отношений с Польшей в Евросоюзе, НАТО и других международных организациях.

В заявлении президенты также отмечают потребность в укреплении инфраструктурных связей в Балтийском регионе и Польше, в укреплении путей сообщения с другими государствами ЕС. Главы государств, с учетом важности проекта Rail Baltica, обещают призвать свои правительства провести более подробный анализ исследования возможностей проекта, акти-

визировать реализацию совместных энергетических проектов с целью интеграции энергорынков стран Балтии в общий рынок ЕС.

В пресс-службе президента Эстонии «Интерфаксу» сообщили, что Тоомас Хендрик Ильвес при обсуждении вопросов энергетического сотрудничества высказался за развитие производственных мощностей, а также за сооружение электролиний между Балтией и другими странами ЕС.

Кроме того, он призвал коллег выработать единый подход к энергетической торговле с Россией. В качестве примера содружества, способного вырабатывать «в отношении многих проблем единую, предварительно согласованную

позицию», эстонский президент назвал страны Бенилюкса.

Президенты согласились признать важность проекта новой АЭС в Литве для региона. Они призывают Россию как можно скорее ратифицировать Договор энергетической хартии и подписать протокол транзита.

Руководители четырех стран напоминают о расширении Шенгенского пространства, приветствуют предстоящий саммит НАТО в Риге и подчеркивают свою поддержку политики открытых дверей НАТО. Они приветствуют начатый альянсом более интенсивный диалог с Грузией и поддерживают реформы в секторе обороны и внутренней безопасности Украины, которые призваны способствовать интеграции страны в трансатлантические структуры.

Президенты также обращают внимание на возможности, которые предоставляет соседним странам политика добрососедских отношений ЕС, включая интеграцию

этих стран во внутренний рынок Европейского сообщества, приветствуют обязательство ЕС снизить напряжение между Грузией и Россией и призывают Россию отменить все экономические санкции, применяемые ею в отношении Грузии, а также не применять никаких санкций в отношении грузин, проживающих в России.

Кроме того, они призывают увеличить помощь ЕС, оказываемую странам Восточной Европы, в отношении которых реализуется политика добрососедства. Вместе с тем, они призвали Белоруссию отреагировать на возможности, которые предлагает упомянутая политика ЕС. Главы государств также отмечают, что Россия должна принять участие в разрешении «замороженных» конфликтов на основе принципов суверенитета и территориальной целостности.

В заявлении президенты поздравляют с 15-летием Балтийскую Ассамблею, объединяющую парламентариев Литвы, Латвии и Эстонии, а также выражают уверенность в том, что деятельность Балтийской Ассамблеи еще более укрепит тесное и дружественное сотрудничество стран Балтии. **BNS, «МЭ»**

+ «МЭ», 7.11.06

**Визит Буша перекроет центр Таллинна
DELFI
7 ноября 2006
14:23**

В связи с визитом президента США Джорджа Буша в Эстонию 27 и 28 ноября в Таллинне будут введены ограничения дорожного движения. На маршрутах движения высокопоставленного гостя полиция перекроет движение на час.

"Охранная полиция в сотрудничестве с чиновниками Белого дома стремится минимизировать неудобства для таллинцев, связанные с мерами безопасности, однако полностью их избежать не удастся, — сказал директор Охранной полиции Ивар Притс. — Поэтому 28 ноября мы рекомендуем по возможности не передвигаться по центру Таллинна".

Поздно вечером 27 ноября полиция перекроет движение по маршруту аэропорт — центр, таким образом, этим вечером водителям придется считаться с ограничениями на Тартуском шоссе, улице Ярвевана, Пярнуском шоссе, Лийвалайа, Юхкентали и Гонсиори.

28 ноября с 7.45 до 14.00 будет затруднено движение рядом с Пярнуским шоссе, площадью Свободы, площадью Виру, Нарвским шоссе, улицами Лайкмаа, Гонсиори, Тартуским шоссе, улицами Пронкси, Ливайлайа, Татари и Тоомпеа, а также на Тоомпуйестеэ и Раннамяэ тез.

27 и 28 ноября в центре Таллинна будет изменен и порядок парковки. В эти дни временно будет запрещена парковка на улицах, по которым пройдет маршрут движения президентского кортежа, и парковках, находящихся в непосредственной близости от них. Жителям центра и предприятия, деятельность которых может быть нарушена в связи с визитом, полиция оповестит дополнительно.

"О том, когда можно будет увидеть президента Буша своими глазами, мы всех проинформируем вовремя", — добавил Ивар Притс.

**Приложение 6
+ «ВД», 8.11.06**

Александр Чаплыг
тел. 602-6862

**НУ ПРОСТО
БЕДА**

В связи с визитом президента США Джорджа Буша в Эстонию 27 и 28 ноября в Таллинне будут введены ограничения дорожного движения. По маршруту движения высокопоставленного гостя полиция перекроет движение на час.

"Охранная полиция в сотрудничестве с чиновниками Белого дома стремится минимизировать неудобства для таллинцев, связанные с мерами безопасности, однако полностью их избежать не удастся, — сказал директор Охранной полиции Ивар Притс. — Поэтому 28 ноября мы рекомендуем по возможности не передвигаться по центру Таллинна".

Поздно вечером 27 ноября полиция перекроет движение по маршруту аэропорт — центр, таким образом, этим вечером водителям придется считаться с ограничениями на Тартуском шоссе, улице Ярвевана, Пярнуском шоссе, Лийвалайа, Юхкентали и Гонсиори.

28 ноября с 7.45 до 14.00 будет затруднено движение рядом с Пярнуским шоссе, площадью Свободы, площадью Виру, Нарвским шоссе, улицами Лайкмаа, Гонсиори, Тартуским шоссе, улицами Пронкси, Ливайлайа, Татари и Тоомпеа, а также на Тоомпуйестеэ и Раннамяэ тез.

27 и 28 ноября в центре Таллинна будет изменен и порядок парковки. В эти дни временно будет запрещена парковка на улицах, по которым пройдет маршрут движения президентского кортежа, и парковках, находящихся в непосредственной близости от них.

Как обезьян отучили воровать мобильники

Нечистые на руку белочки обезьянки никак не могут устоять перед искушением украсть мобильный телефон: он так ярко светится и так замызгано пищит!

Недавно открытый в Лондонском зоопарке вольер, через который посетители проходят насквозь, не отгороженный от обезьян никакими барьерами, призван напоминать боливийский лес.

Разумеется, попав в столь необычные для центра Лондона условия, люди тут же достают телефоны и начинают фотографировать «дикунгли». А это непременно привлекает внимание белочих обезьян, которые слайками сбегаются к туристам и быстро снимают у них яркие игрушки.

Этот новый вольер позволяет посетителям находиться в непосредственной близости к посетителям, - объясняет Малкольм Фицпатрик, куратор Лондонского зоологического общества. - А для нас важно, чтобы поведение обезьян сохранялось в естественном виде, и для этого очень важно научить их не стирать у людей телефоны.

Задумавшись над решением проблемы, служащие зоопарка нашли достаточно оригинальный выход: взяв несколько старых и никому уже не нужных телефонов, они

покрыли их неприятной и к тому же липкой субстанцией - и сработало!

«Обезьяны вернулись к своему обычному времени репродукции, то есть спят, просыпаясь лишь затем, чтобы поесть», - с удовлетворением констатирует Малкольм Фицпатрик.

Белочих обезьяны часто живут в домах людей: их используют в биомедицинских исследованиях. Их родина - Южная Африка, но там их существование находится под угрозой, и Лондонский зоопарк, как и другие аналогичные учреждения Англии, участвует в программе их размножения.

« Курьезы

У обезьян отобрали мобильники

Нечистые на руку белочки обезьянки никак не могут устоять перед искушением украсть мобильный телефон: он так ярко светится и так замызгано пищит!

Недавно открытый в Лондонском зоопарке вольер, через который посетители проходят насквозь, не отгороженный от обезьян никакими барьерами, призван напоминать боливийский лес.

Разумеется, попав в столь необычные для центра Лондона условия, люди тут же достают телефоны и начинают фотографировать "дикунгли". А это непременно привлекает внимание белочих обезьян, которые слайками сбегаются к туристам и быстро снимают у них яркие игрушки.

Этот новый вольер позволяет посетителям находиться в непосредственной близости к посетителям, - объясняет Малкольм Фицпатрик, куратор Лондонского зоологического общества. - А для нас важно, чтобы поведение обезьян сохранялось в естественном виде, и для этого очень важно научить их не стирать у людей телефоны.

Задумавшись над решением проблемы, служащие зоопарка нашли достаточно оригинальный выход: взяв несколько старых и никому уже не нужных телефонов, они покрыли их неприятной и к тому же липкой субстанцией - и сработало!

Обезьяны вернулись к своему обычному времени репродукции, то есть спят, просыпаясь лишь затем, чтобы поесть, - с удовлетворением констатирует Малкольм Фицпатрик.

Белочих обезьяны часто живут в домах людей: их используют в биомедицинских исследованиях. Их родина - Южная Африка, но там их существование находится под угрозой, и Лондонский зоопарк, как и другие аналогичные учреждения Англии, участвует в программе их размножения.

« Би-Би-Сси

Для чего кроты толстеют

Вы толсты, ленивы, и единственное, что может побудить вас к действиям, это перспектива спаривания? Если вы – африканский крот, то все в порядке. Более того, ваши товарищи по колонии будут изо всех сил вкалывать, чтобы вам помочь.

Зоологи, изучающие дамаралендского голго землекопа (*Cryptomys damarensis*) на его родине в Южной Африке, обнаружили, что в колониях этих животных наблюдается четкое разделение на две касты. Одна группа – это усердные трудяги, а вторая – толстые ленивые бездельники.

Дамаралендские голые землекопы – это африканские кроты. Считается, что они единственные млекопитающие, которые живут и воспроизводятся за счет сотрудничества, то есть некоторые члены колоний посвящают свою жизнь тому, чтобы помогать другим размножаться.

Для исследования этого необычного образа жизни Майкл Скэнлбери из Университета Претории, Южная Африка, и его британские коллеги проанализировали энергетические потребности и уровень активности этих животных.

Они установили, что трудолюбивые землекопы осуществляют более 95% общей работы колонии. Ленивые кроты накапливают запасы жира, взваливая на колонию двойную нагрузку: они практически не трудятся, зато требуют больше пищи.

Только одно может заставить этих ленивых кротов напрячься. В сезон дождей, когда почва становится мягкой и влажной, они вкладывают все свои силы, чтобы прорыть каналы, прорваться на поверхность и найти себе в другой колонии самку для спаривания, или даже основать собственную колонию. NewScientist.com

РАДИ ПРОДОЛЖЕНИЯ РОДА

Вы толсты, ленивы, и единственное, что может побудить вас к действиям, это перспектива спаривания? Если вы – африканский крот, то все в порядке. Более того, ваши товарищи по колонии будут изо всех сил вкалывать, чтобы вам помочь. Зоологи, обнаружили, что в колониях этих животных наблюдается четкое разделение на две касты. Одна группа – это усердные трудяги, а вторая – толстые ленивые бездельники.

Дамаралендские голые землекопы – это африканские кроты. Считается, что они единственные млекопитающие, которые живут и воспроизводятся за счет сотрудничества, то есть некоторые члены колоний посвящают свою жизнь тому, чтобы помогать другим размножаться.

Для исследования этого необычного образа жизни Майкл Скэнлбери из Университета Претории и его британские коллеги проанализировали энергетические потребности и уровень активности этих животных. Они установили, что трудолюбивые землекопы осуществляют более 95% общей работы колонии. Ленивые кроты накапливают запасы жира, взваливая на колонию двойную нагрузку: они практически не трудятся, зато требуют больше пищи.

В сезон дождей, когда почва становится мягкой и влажной, они вкладывают все свои силы, чтобы прорыть каналы, прорваться на поверхность и найти себе в другой колонии самку для спаривания, или даже основать собственную колонию.

Трагедия на кольце

В четверг утром, примерно в 10 часов, неподалеку от пешеходного перехода в районе кольца под колесами большегрузного автомобиля погибла пожилая парвигянка.

Как рассказывают очевидцы трагедии, женщина стояла примерно в десяти метрах от перехода, у металлического ограждения. Фура с польскими регистрационными номерами направляясь со стороны границы, остановилась у пешеходного перехода, чтобы пропустить людей. Женщина продолжала стоять. Когда автомобиль начал движение и практически поравнялся с ней, она начала переходить до-

рогу. Женщина попала под колеса грузовика и погибла.

Из официальных источников пока известно, что за рулем автомобиля DAF, совершавшего международные перевозки, находился 22-летний Артур, гражданин Польши. Погибшая – Анна, 1925 г.р. – скончалась на месте происшествия от полученных травм. Полиция ведет расследование происшествия.

■ «НГ»

Прогноз погоды

В ПЯТНИЦУ ожидается переменная облачность. На востоке страны ночью местами мокрый снег, днем преимущественно без осадков. Температура воздуха ночью от +2 до -3, днем 3-9 градусов тепла.

В СУББОТУ синоптики обещают переменную облачность, преимущественно без осадков. Температура воздуха ночью от +2 до -2, днем 4-10 градусов выше нуля.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ облачно с прояснениями. Ночью по многим регионам осадки, днем вероятность осадков снизится. Температура воздуха ночью от +2 до 3 градусов ниже нуля, днем 3-7 тепла.

Приложение 10
«КП», 5.04.06, «НГ», 21.01.06,
«МЭ», 7.11.06

недельник, 7 ноября 2005 года

«Молодежь Эстонии»

Фото Леонида СМУЛЬСКОГО

По данным Института гидрометеорологии Эстонии, ближайшие дни ожидаются облачными и дождливыми, однако температура воздуха будет плюсовой.

Сегодня ожидается облачная с прояснениями погода, по многим регионам пройдет дождь. Ветер юго-западный, 4-10 м/с, на побережье порывами 12-16 м/с. Температура воздуха днем 6-10 градусов тепла.

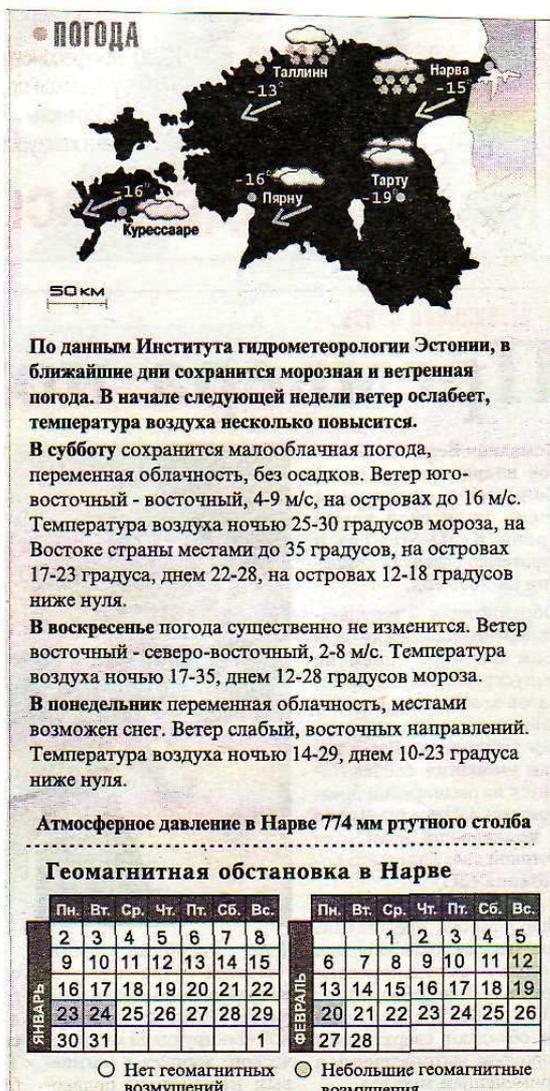
Во вторник синоптики обещают облачную с прояснениями погоду, местами возможны дожди, вероятность осадков выше на западе страны. Ветер юго-западный, 3-8 м/с. Температура воздуха ночью 1-8, днем 4-8 градусов выше нуля.

В среду переменная облачность, без существенных осадков. Ветер южный, 2-8 м/с. Температура воздуха ночью 0-6, днем 3-8 градусов тепла.

BNS

Неблагоприятные дни

Сегодня и во вторник заметных геомагнитных возмущений не ожидается, сообщает Gismeteo.

28 февраля 2006

Postimees

Погода в Эстонии и за рубежом

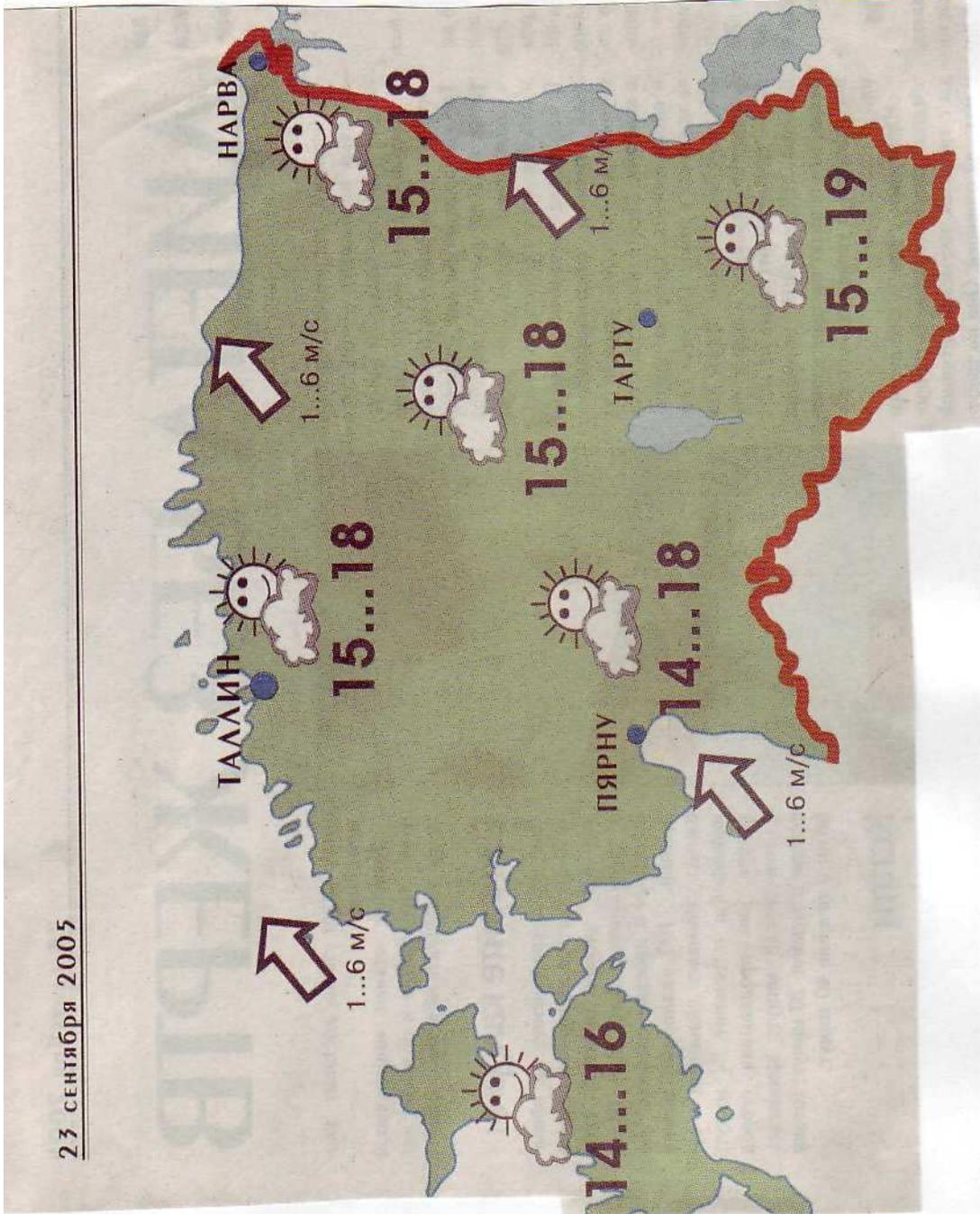
Прогноз погоды на три дня

	Вторник	Среда	Четверг
Таллин	-5	-4	-5
Тарту	-7	-7	-8
Пярну	-5	-7	-10
Курессааре	-3	-6	-8
Нарва	-10	-9	-10

Фазы луны

● 28 февраля	02.31	○ 15 марта	01.35
☾ 6 марта	22.16	☾ 22 марта	21.10

По данным Института гидрометеорологии Эстонии, в ближайшие дни ожидается облачная с прояснениями погода, по многим регионам мокрый снег или дождь.

Сегодня днем ожидается облачная с прояснениями погода, по многим регионам преимущественно дожди. Ветер юго-восточный - южный, 3-8 м/сек., днем на островах до 13 м/сек. Температура воздуха 3-8 градусов тепла.

Во вторник синоптики обещают облачную с прояснениями погоду, по многим регионам пройдет дождь и мокрый снег. Ветер южных направлений, 1-7 м/сек. Температура воздуха ночью от -1 до +3, днем 2-7 градусов выше нуля.

В среду облачная с прояснениями погода, местами дождь и мокрый снег. Ветер слабый, переменных направлений. Температура воздуха ночью до 4 градусов ниже нуля, днем 3-8 градусов тепла. **BNS**

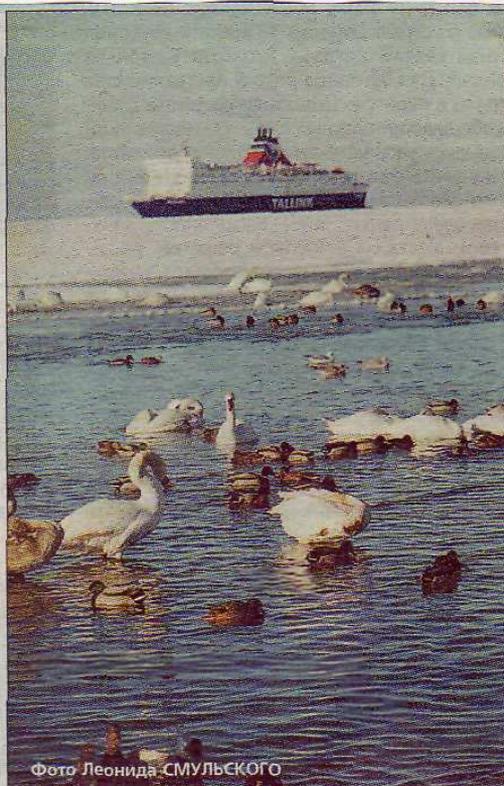

Фото Леонида СМУЛЬСКОГО

Приложение 12
«МЭ» 23.09.05 и
«ПРЯ», 28.02.06

Вчера, во второй половине дня, на Тартуском шоссе, в Ассаку, на мосту Юри, в условиях сильнейшего снегопада произошла крупнейшая в истории Эстонии цепная авария, в которой столкнулось 10 автомобилей.

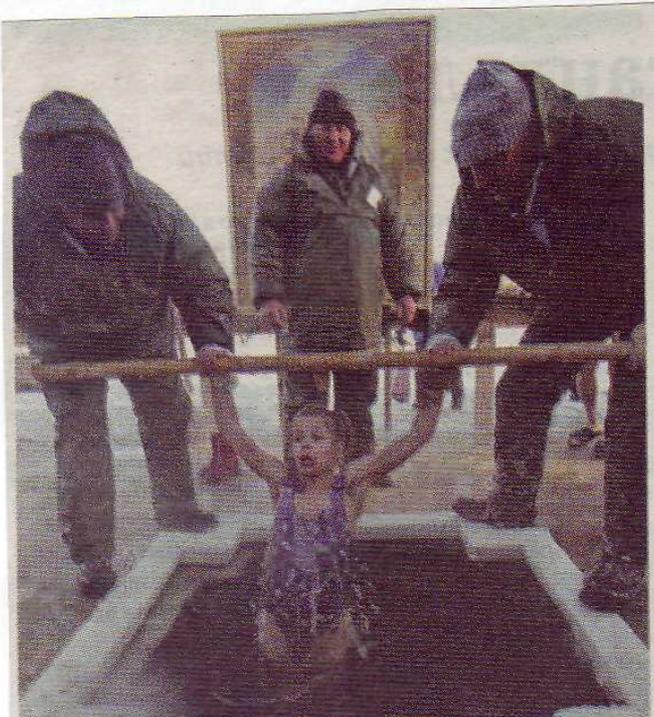
Янно Микк

НОВО

Научно-методический отдел Центра русской культуры и целевое учреждение «Центр подготовки руководителей культуры национальных меньшинств» провели в пятницу встречу министра культуры ЭР Райво Пальмару с представителями русскоязычной творческой интеллигенции, обсудив тему «Государственная политика Эстонии в области культуры».

Для большей части слушателей эта лекция ознаменует начало второго этапа повышения квалификации по курсу «Инновационные программы в области культуры», начавшегося нынешней весной. Это начинание поддерживают Бюро министра по делам народонаселения, Фонд интеграции, институт повышения квалификации работников культуры «Интерстудио» (Санкт-Петербург). Фото Александра ГУЖОВА

В прошлый четверг под Петербургом взрослые помогли выбраться из проруби 11-летней Александре: ледяная вода и 30-градусный мороз не помешали отметить Крещение традиционным купанием. AP/SCANPIX

Приложение 12 (продолжение)
«ПРЯ», 25.01.06 и 23.01.06

REUTERS

Аго Гашков (корреспондент): *Решение о том, где построить новые стоянки, нужно принимать совместно Министерством экономики и внутренних дел с властью Вайвара. Хотя, конечно, глядя из Таллинна, решение проблемы можно и откладывать, так как до дверей министерства от крайней в очереди машины остается еще 203 километра.*